

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ГОРНО-АЛТАЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Т.В. ЗАХАРОВА

***ОЧЕРКИ
ПО СОЦИАЛЬНОЙ ИСТОРИИ ОЙРОТИИ
(1917-1929 гг.)***

Монография

Горно-Алтайск
РИО Горно-Алтайского госуниверситета
2015

Печатается по решению редакционно-издательского совета
Горно-алтайского государственного университета

УДК902

ББК63.3(2Рос=Алт)

З 38

Захарова Т.В.

Очерки по социальной истории Ойротии (1917 – 1929 гг.): монография / Т.В. Захарова. – Горно-Алтайск: РИО ГАГУ, 2015. – 148 с.

Рецензенты:

*Крапоткина И.Е., кандидат исторических наук, доцент,
зав. кафедрой всеобщей и отечественной истории ФГАОУВПО
«Казанский (Приволжский) федеральный университет»*

*Летов А.В., кандидат исторических наук, доцент Горно-Алтайского
государственного университета*

Монография посвящена социальной истории Ойротии (Горного Алтая) в 1917 – 1929 гг. На основе широкого круга источников автор попытался «увидеть» и проанализировать, как общегосударственные процессы претворялись в жизнь в регионе, каким образом «местная специфика» влияла на пути и возможности реализации тех или иных государственных программ. Для студентов, историков, этнографов и широкого круга читателей.

*На обложке: Общий вид села Черга.
Фотография С.И. Борисова. 1907-1914 гг.*

© Захарова Т.В., 2015
© Горно-Алтайский государственный университет, 2015

Оглавление

Введение.....	4
Глава I Становление системы социального обеспечения населения в первые годы советской власти.....	33
Глава II Пути решения продовольственного вопроса в 1917-1929 гг.....	53
Глава III Вовлечение женщин-алтаек в систему общественно-политической и культурно-просветительной работы.....	70
Глава IV Особенности реализации в Горном Алтае основных принципов советской жилищной политики.....	88
Глава V Проблемы функционирования и развития культурно-бытовой сферы.....	105
Заключение.....	120
Список использованных источников и литературы	122
Хроника	145

Введение

История страны и ее отдельных регионов периода 1920-х гг. представляет собой время сложных проблем, грандиозных перемен, социальных потрясений. Пересмотр исследователями многих вопросов, появление богатой и разнообразной источниковой базы, современные реалии жизни позволяют сегодня судить о том времени более объективно.

В современной исторической литературе в последние годы происходит возвращение к исследованию вопросов, связанных с первыми преобразованиями после октября 1917 г. Все больший интерес вызывает исследование исторических процессов на определенной территории в рамках ее национальной и культурной специфики. Такая ориентация позволяет взглянуть на динамику и характер развития того или иного процесса в целом, определить его содержание и влияние на различные стороны жизни населения.

В отечественной исторической науке долгое время преимущество отдавалось исследованиям, направленным на изучение и анализ глобальных процессов, происходящих в стране и обществе в целом. Горный Алтай¹ почти всегда находился на периферии исследований, в лучшем случае в серьезных трудах делались ссылки на некоторые явления и процессы, протекающие в регионе. Сегодня пришло понимание того, что на примере небольшого, достаточно замкнутого региона можно исследовать некоторые общегосударственные процессы, выявить общие закономерности и тенденции.

Для того, чтобы лучше понять произошедшие в регионе после 1917 г. изменения, необходимо хотя бы кратко охарактеризовать те условия, в которых они происходили. На рубеже XIX-XX вв. Горный Алтай являлся малозаселенной аграрной окраиной России, входил в

---

¹ Горным Алтаем издавна именуется территория, расположенная между 48 и 53 градусами северной широты и 82 и 90 градусами восточной долготы. Это самая высокая часть обширной горной страны Южной Сибири. Она находится в горах Русского Алтая, который так называется в географической литературе в отличие от монгольского (или Гобийского) Алтая. Русский Алтай ограничен на востоке и юге Западными Саянами, хребтами Чихачева, Сайлюгемом и горным узлом Табын-Богдо-Ола. На западе и севере Русский Алтай граничит с рекой Иртышом и приалтайскими степями, на северо-востоке сливается с хребтами Кузнецкого Алатау. 1 июня 1922 г. была образована Ойротская автономная область. До 1925 г. область находилась в составе Алтайской губернии, до 1930 г. – в составе Сибирского, а с 1930 по 1937 гг. – в составе Западно-Сибирского краев. 7 января 1948 г. Ойротская область была переименована в Горно-Алтайскую автономную область, с 1991 г. – Республика Алтай.

состав Бийского уезда Томской губернии. Коренные жители относились к 6 волостям и 7 дючинам, объединявшим население по родовому признаку. В 1912 г. численность населения Горного Алтая составляла 75 тыс. человек, к 1916 г. увеличилось еще на 11 тыс. человек, достигнув к 1917 г. 86 тыс. человек¹.

В среде коренного населения Горного Алтая преобладали патриархально-феодалные отношения с сохранением сильных пережитков родового быта и традиций. Более 70% коренного населения вело кочевой и полукочевой образ жизни². Основным занятием было скотоводство. Алтайское население южных районов преимущественно занималось животноводством и охотой. Разводили овец, коз, лошадей, коров. Земледелие играло подсобную роль. Алтайцы северных районов наряду с животноводством занимались охотой и промыслами³, в летнее время – рыболовством и собирательством.

Первые русские поселенцы были беглыми – крестьяне, мастера, солдаты, старообрядцы. На новых местах поселенцы распахивали целину, сеяли хлеб, косили сено, обзаводились жильем. Русские способствовали распространению на Алтае земледелия, огородничества и пасечного пчеловодства, что улучшило питание населения, главным образом, в северной части. Под влиянием русских алтайцы научились выпекать хлеб, делать телеги и сани. В домашнем обиходе алтайцев появилась металлическая и стеклянная посуда, простая деревянная мебель, стали строиться срубные избы. В свою очередь, русское население позаимствовало от алтайцев технику некоторых промыслов, способы и средства передвижения.

Родоплеменная структура у алтайцев сохранилась в традиционной форме, бытовавшей в конце XIX века: алтайцы или «алтайкижи», теленгиты, телесы, телеуты, кумандинцы, тубалары, челканцы. В научной литературе они были известны чаще под общим названием – алтайцы. Алтайские племена по языку и культуре делились на северных и южных⁴. Во главе алтайских племен стояли зайсаны, демичи и другие административные лица.

---

¹ Екеев Н.В. Этно-демографическая характеристика населения Алтая XIX – начала XX веков // Актуальные вопросы истории и культуры Саяно-Алтая: материалы международной научной конференции. Вып. 2. Горно-Алтайск, 1992. С. 49.

² Пахаев С.Я. К вопросу о завершении социалистического переустройства быта животноводов Горного Алтая // Записки Горно-Алтайского научно-исследовательского института истории, языка и культуры. Вып. 6. Горно-Алтайск, 1964. С. 18.

³ Гончарова О.А. Горный Алтай: история народной медицины и здравоохранения. Томск, 2008. С. 32-33.

⁴ Потапов Л.П. Краткий очерк культуры и быта алтайцев. Горно-Алтайск, 1948. С. 7.

Алтай-кижи, самая значительная из племенных групп, населяла западную, центральную и частично северную части Горного Алтая (по бассейнам рек Катунь, Чарыша и Песчаной). Теленгиты населяли бассейны рек Чулышман, Башкауса, Чуи, Джазатера, Аргута и южный берег Телецкого озера, т.е. Южный и Восточный Алтай. Телесы были расселены по долинам рек Чулышмана, Башкауса и его притока Улагана. Телеуты населяли долины рек Черги, Семы, Чергушки и частично долины рек Маймы, Иши и между ними правый берег реки Катунь. Тубалары населяли северную таежную часть Горного Алтая, кумандинцы занимали прибрежную часть реки Бии, начиная от устья реки Лебедь до Балыксу и вниз по течению. Челканцы, по численности самая незначительная группа, расселялись по долине реки Лебедь и ее притока – Байгола¹.

Культура алтайцев находилась на довольно низком уровне. Грамотность среди скотоводов-кочевников составляла 1,3%, среди оседлой части – 3%. На территории Горного Алтая было 28 начальных церковно-приходских школ, не было ни одного культурно-просветительного учреждения, почти полностью отсутствовала медицинская помощь, за исключением с. Улалы. Национальных школ не было, были школы Алтайской духовной миссии, обучение в которых велось на алтайском языке. На территории Горного Алтая находилось три монастыря, почти в каждом селе – церковь².

Обращаясь к изучению социальной истории Горного Алтая 1920-х гг. в советский период следует отметить, что в то время историческая наука в большей степени была ориентирована на исследование политических и экономических сюжетов, социальная история, тема жизни и быта человека оставались вне поля зрения исследователей.

Тем не менее, уже в конце 1920-х - 1930-е гг. начинают появляться первые публикации непосредственных участников событий. На страницах центральной и местной прессы печатаются статьи корреспондентов, деятелей культуры, посвященные отдельным аспектам

---

¹ Потапов Л.П. Очерки по истории алтайцев. М.-Л., 1953. С. 5-6; Тадыев П.Е. Этнический состав дореволюционных алтайцев и особенности их административного устройства // Записки Горно-Алтайского научно-исследовательского института истории, языка и культуры. Вып. 6. Горно-Алтайск, 1964. С. 3-4.

² Кандаракова Е.П. Очерки истории профсоюзов Горного Алтая (1921 – 1937 гг.). Горно-Алтайск, 1992. С. 11.

культурной жизни страны и ее регионов¹. Большая часть заметок касалась театральной жизни области, песенного творчества, вопросов искусства. Развитию кинофикации в Горном Алтае были посвящены статьи селькора И. Лудикова. В них содержались первые критические замечания по работе кинопередвижек, основными недостатками в работе которых автор считал пассивную позицию сельских советов, плохо организованный кинопрокат². На страницах газет «Ойротский край» и «Красная Ойротия» появляется ряд статей по вопросам музыкальной культуры Ойротии. Советские композиторы И. Рыжкин, В. Мурадели, Н. Раков в своей статье отмечали сходство музыкальной культуры Ойротии с музыкальной культурой других народов Азии³. Б. Сальмонт считал необходимым научить молодежь Горного Алтая игре на музыкальных инструментах, а наиболее талантливых – обучать в специализированных учебных заведениях⁴.

1920 - 1930-е гг. стали временем накопления фактического материала по различным аспектам темы. Работы, написанные в эти годы, создавались не профессиональными историками, а, зачастую, непосредственными участниками событий: партийными работниками, бывшими партизанами. Возможно, именно поэтому большая часть исследований носит описательный характер, выводы и оценки событий в них отсутствуют. В 1925 г. вышла работа В.М. Лаврова, посвященная истории Сибири в 1923-1924 гг.⁵ Не ставя перед собой задач изучения социальной истории, автор все же затронул аспекты, касающиеся крестьянской взаимопомощи на селе, считая ее основой социального обеспечения впавших в нужду крестьян. Автор раскрыл основные функции крестьянских комитетов общественной взаимопомощи: это индивидуальная и правовая помощь красноармейцам, инвалидам, вдовам, сиротам, а также социальная взаимопомощь. Однако, по мнению автора, функции комитетов были значительно шире: содержание различного рода учреждений, вовлечение населения в кооперацию, распределение семенной ссуды и т.д. Затронул автор и вопросы, связанные с функционированием Домов инвалидов в Сибири.

---

¹ Кумандин С. Драматический кружок // Ойротский край. 1926. 10 ноября; Первый сибирский съезд художников // Сибирские огни. 1927. № 3; Данилин А. Опыт работы с национальной ойротской песней // Советская музыка. 1936. № 12.

² Лудиков И. С кино-передвижкой по деревням // Ойротский край. 1927. 19 февраля.

³ Рыжкин И., Мурадели В., Раков Н. Пример народам Азии // Красная Ойротия. 1936. 18 октября; Рыжкин И. О музыкальной культуре Ойротии // Советская музыка. 1936. № 12. С. 7-8.

⁴ Сальмонт Б. Новые времена – новые песни // Красная Ойротия. 1936. 18 октября.

⁵ Сибирь в 1923-1924 году / под ред. В.М. Лаврова. Новониколаевск, 1925. 267 с.

В 1927 г. на материалах Горного Алтая была опубликована работа В.Н. Добрянского «Ойратка»¹, имеющая ярко выраженный агитационно-пропагандистский характер. Брошюра должна была стать своеобразной настольной книгой для тех, кто активно занимался вовлечением женщин национальных окраин новой России в советское строительство. Автор подробно остановился на работе делегатских собраний, массовых женских собраний, вечеров рукоделия и пряж-посиделок. Приводя статистические данные, исследователь выделяет, с его точки зрения, недостатки и пробелы в работе среди женщин: недостаточный размах работы в области здравоохранения, неудовлетворительную ликвидацию неграмотности, почти полное отсутствие работы по вовлечению ойраток в кооперацию, слабую антирелигиозную пропаганду. Более обобщающий характер носило исследование А. Карпицкой². Автор отмечает достижения предшествующего периода: равноправие женщин в избирательных правах, в семье, различных областях жизни.

Авторы работ, вышедших в начале 1930-х гг., в основном, партийные работники, дают характеристику общей ситуации в Горном Алтае в эти годы. Работы П.Я. Гордиенко, Л.П. Мамета, И.Я. Третьяка³ и др. стали первыми обобщениями процесса социалистического строительства в регионе⁴. Появляются первые серьезные исследования, в которых комплексно анализируются проблемы жизни и быта населения, а также дается характеристика важнейших социальных процессов рассматриваемого периода. В этой связи интересна одна из первых работ Л.П. Потапова⁵, в которой он охарактеризовал типы жилищ у алтайцев. Исследователь описал жилище алтайца-бедняка - конический шалаш из жердей («аланчык»), покрытый корой лиственницы или березы. У теленгитов такой шалаш покрывался шкурами зверей или драной кошмой и назывался «сельты». Тубалары-бедняки строили себе балаган из жердей и досок, поставленных стоймя, укрывали его корой и почти круглый год зябли у костра. Л.П. Потапов

---

¹ Добрянский В.Н. Ойратка. М., 1927. 48 с.

² Карпицкая А. Женщина в социалистическом строительстве. Л., 1937. 72 с.

³ Гордиенко П.Я. Ойротия. Новосибирск, 1931; Мамет Л.П. Ойротия. М., 1930; Третьяк И.Я. Партизанское движение в Горном Алтае в 1919 г. Новосибирск, 1933; Эдоков Л.М. Пять лет Ойротии (1922-1927). Горно-Алтайск, 1933.

⁴ См. подробнее: Горный Алтай: историография истории социального развития первой половины XX в. / под ред. О.А. Гончаровой. Горно-Алтайск, 2008. С. 6-8.

⁵ Потапов Л.П. Очерк истории Ойротии. Алтайцы в период русской колонизации. Новосибирск, 1933. 199 с.

считает, что 5,1% алтайских хозяйств не были в состоянии иметь и такого жилища, а значительная часть алтайцев скиталась по байским юртам. Более сложные в постройке жилые сооружения («агаш айыл») - деревянные шести- или восьмиугольные юрты, срубленные из бревен, или хорошо утепленные кошемные «кереге», а также избы русского типа были доступны лишь зажиточной части населения.

Если работы периода 1920-1930-х гг. содержали самый первый анализ социальных процессов на территории Горного Алтая, прослеживали взаимосвязи между экономикой, политикой и культурой, то в 1940-е гг. началось первое осмысление советских преобразований во всех сферах жизни. Исследователи начали вводить в научный оборот новые, недоступные ранее репрезентативные источники. И хотя работы несли на себе серьезный идеологический отпечаток, тем не менее, они раскрывали достижения, основные закономерности происходящих процессов.

На материалах Горного Алтая появляются работы, рассматривающие «сюжеты» о жизни, занятиях населения, культурной политике, социальном устройстве. Л.П. Потапов, Ч. Кыдрашев, В.А. Менкушев, Н. Коробков, В.П. Угрюмов рассматривали вопросы функционирования клубов, библиотек, театра и киноустановок, радиостанции¹. В частности, авторами было отмечено, что культура алтайцев под влиянием советской власти стала национальной по форме и социалистической по содержанию.

В этот период появились исследования, касающиеся продовольственного обеспечения населения советской властью. Характерным для первых публикаций являлось рассмотрение вопроса в контексте общей экономической политики: проведении продналоговых кампаний, продразверстке и т.д. К примеру, В.К. Савенко, исследуя продналоговые кампании 1921, 1922 гг. на Алтае, параллельно оценил ситуацию с продовольствием в деревне. Исследователь признал факт голода на Алтае в 1922 г., объясняя это уменьшением посевных площадей вследствие засухи, ухудшением структуры посевных площадей, сокращением поголовья скота².

---

¹ Менкушев В.А. Национальная по форме, социалистическая по содержанию культура алтайского народа // Сборник лекций к 25-летию Ойротской автономной области. Ойрот-Тура, 1947. С. 55-81; Потапов Л.П. Краткий очерк культуры и быта алтайцев. Горно-Алтайск, 1948. 64 с.; Коробков Н. Социалистические преобразования на Алтае. Барнаул, 1948. 24 с.; Кыдрашев Ч. Культурные преобразования в Горном Алтае // Великая дружба. Горно-Алтайск, 1956. С. 61-78; Угрюмов В.П. Сельский киномеханик. Горно-Алтайск, 1958. 16 с.

² Савенко В.К. Из истории борьбы за хлеб в Алтайской губернии в первые годы после восстановления советской власти (1920-1922 гг.). Барнаул, 1957. 36 с.

Ряд проблем социального развития в Горном Алтае в 1917-1919 гг. раскрыл Г.А. Кордонский¹. А.М. Варченко охарактеризовал работу библиотек и кинопередвижек, отметив, что процесс дальнейшего культурного развития тормозили недостаток квалифицированных кадров и формализм в обучении².

Вопросы развития культуры в Горном Алтае: деятельность сельских клубов, библиотек, киноустановок, радиостанции и т.д. затронул в своей работе Н.М. Киселев³. М.Ф. Саруева охарактеризовала работу изб-читален, библиотек, юрт-передвижек и Домов алтайки⁴.

В 1960-е гг. появляются работы, нацеленные на всестороннее изучение этнокультурных вопросов. В эти годы исследователи стали расширять источниковую базу работ, хотя и продолжали опираться на марксистско-ленинскую методологию.

Л.А. Давыдова рассмотрела историю возникновения и проблемы функционирования в области краеведческого музея⁵, В.Р. Андронкина особое внимание уделила истории развития кинофикации в Горном Алтае⁶. Б.М. Шульгин, продолжив тематику, начатую в 1930-е гг. А. Данилиным, И. Рыжковым, В. Мурадели, осветил вопросы зарождения и развития алтайской музыкальной культуры⁷.

Ф.М. Тимофеева, исследуя деятельность Горно-Алтайской партийной организации по осуществлению культурного строительства в Ойротской автономной области в изучаемый период, рассмотрела деятельность культурно-просветительных учреждений в Горном Алтае по поднятию культурного уровня алтаек. Она подробно остановилась на работе юрт-передвижек и Домов алтайки⁸.

---

¹ Кордонский Г.А. Первые советы в Горном Алтае // 40 лет Советскому Горному Алтаю. Горно-Алтайск, 1957. С. 46-66; Кордонский Г.А. Борьба за власть Советов на Алтае в 1917-1919 гг. М., 1959.

² Варченко А.М. К истории народного образования в Горно-Алтайской автономной области за годы Советской власти // Ученые записки ГАНИИИЯЛ. Вып. 1. Горно-Алтайск, 1956. С. 3-19.

³ Киселев Н.М. Ленинская национальная политика в действии // 40 лет Советскому Горному Алтаю. Горно-Алтайск, 1957. С. 3-20.

⁴ Саруева М.Ф. Горный Алтай за годы советской власти // 40 лет Советскому Горному Алтаю. Горно-Алтайск, 1957. С. 67-112.

⁵ Давыдова Л.А. Горно-Алтайский областной краеведческий музей // Ученые записки ГАНИИИЯЛ. Вып. 5. Горно-Алтайск, 1962. С. 93-97.

⁶ Андронкина, В.Р. Важнейшее из искусств (к истории развития кинофикации в Горном Алтае) // Звезда Алтая. 1966. 30 июля.

⁷ Шульгин Б.М. О музыкальной культуре алтайцев. Горно-Алтайск, 1968. 87 с.

⁸ Тимофеева Ф.М. Деятельность Горно-Алтайской партийной организации по осуществлению культурного строительства в области (1920-1937 гг.): автореф...канд.ист.наук. Томск, 1966. 23 с.

Авторы в той или иной степени касались проблемы обеспечения населения жильем. С.Я. Пахаев¹, В.А. Демидов проанализировали степень русского влияния на быт коренного населения региона, отметив, что некоторая часть оседлых алтайцев еще в дореволюционный период по типу хозяйства и бытовому укладу почти не отличалась от русских, многие из них жили в избах и домах крестьянского типа². В других своих работах В.А. Демидов затронул вопросы, связанные с продовольственным обеспечением алтайцев. Рассматривая их экономическое положение, исследователь считает, что большая часть алтайцев не имела в достаточном количестве продуктов питания, чтобы прокормить семью, голодала. Мясо, как постоянную пищу, употребляли лишь богачи. Хлеба не знали. Подавляющее большинство алтайцев-бедняков использовали в пищу корни и листья диких съедобных растений, ячмень и продукты, полученные путем переработки молока³.

В.Т. Агалаков на материалах Восточной Сибири рассмотрел особенности реализации государственной продовольственной политики. Автор отметил, что методы, используемые советской властью при проведении продразверстки, не могли обеспечить минимальные потребности населения в продовольствии⁴.

С партийно-классовых позиций написана работа Ю.А. Полякова, опубликованная в 1975 г.⁵ Исследователь подробно рассказывает о том, как проходила борьба с голодом в советской России в 1921-1922 гг. Сопоставляя данные различных источников, автор уточнил численность голодающих в этот исторический отрезок – 22-23 млн. чел., рассмотрел этапы и характер борьбы с неурожаем и голодом 1921-1922 гг., раскрыл руководящую роль партии в этом процессе.

В 1970-е гг. появляются более серьезные комплексные исследования в области культуры⁶.

---

¹ Пахаев С.Я. К вопросу о завершении социалистического переустройства быта животноводов // Записки Горно-Алтайского научно-исследовательского института истории, языка и литературы. Вып. 6. Горно-Алтайск, 1964. С. 17-35.

² Демидов В.А. Переход алтайцев на оседлость. Барнаул, 1968. С. 11.

³ Демидов В.А. Боевая молодость. Из истории комсомола Горного Алтая (1920-1940 гг.). Горно-Алтайск, 1963. 125 с.; Демидов В.А. Переход алтайцев на оседлость. Барнаул, 1968. 102 с.

⁴ Агалаков В.Т. Продовольственные мероприятия советской власти в Восточной Сибири в 1920-1921 гг. // Сибирь в период строительства социализма и перехода к коммунизму. Вып. 5. Крестьянство и сельское хозяйство Сибири в 1917-1961 гг. Новосибирск, 1963. С. 28-38.

⁵ Поляков Ю.А. 1921-й: победа над голодом. М., 1975. 112 с.

⁶ Горбунов В.В. Ленин и пролеткульт. М., 1974; Горбунов В.В. Ленинская концепция культурной революции (к вопросу о методе исследования) // Советская культура. История и современность. М., 1983. С. 100-128; Культурная жизнь в СССР. 1928-1941 гг. Хроника / сост.

В.Л. Соскин занимался изучением культурной жизни Сибири в годы новой экономической политики¹. Историк назвал причины резкого увеличения сети культурных учреждений в 1919-1921 гг.: энтузиазм населения и помощь государства. Однако, по мнению исследователя, во второй половине 1921 г. ситуация резко изменилась, произошло (хотя и постепенное) сокращение сети культурных учреждений. Причиной сложившейся ситуации стал переход данных учреждений на местное финансирование.

Вопросы подготовки кадров для сферы культуры, зарождение алтайской национальной литературы и искусства исследовал Л.П. Потапов. Он считал, что алтайская литература в 1920-е гг. находилась в жанровом поиске, а первые произведения алтайских поэтов были близки к фольклорным. Исследователь привел периодизацию процесса становления алтайской литературы. С 1920-ми гг. он связывает первый этап, отмеченный первыми успехами в области драматургии и поэзии. Определенное внимание Л.П. Потапов уделил деятельности в автономной области сети библиотек, изб-читален, сельских клубов, Домов культуры, юрт-передвижек². В последующие годы вопросы периодизации алтайской литературы исследовала Н.М. Киндикова³.

В.И. Эдоков исследовал вопросы зарождения и периодизации профессионального изобразительного искусства Горного Алтая⁴. Исследователь пришел к выводу, что оно развивалось в русле советской художественной культуры, а его стилистической основой стал реализм. Автор назвал и главную особенность развития алтайского изобразительного искусства – поиск национального стиля. Перу исследователя принадлежат и изданные в разные годы многочисленные

С.Н. Базанов, Н.П. Жилина, В.А. Козлов, И.И. Попов, М.А. Сулова, И.К. Эльдарова, Г.Р. Юрине. М., 1976. 815 с.

¹ Соскин В.Л. Культурная жизнь Сибири в первые годы НЭПа (1921-1923 гг.). Новосибирск, 1971. 349 с.

² Потапов Л.П. Из истории национально-культурного строительства у алтайцев // Ученые записки. Вып. 10 / под ред. Г.А. Кордонского, Е.Г. Мултуевой. Горно-Алтайск, 1971. С. 31-37; Очерки по истории Горно-Алтайской автономной области / под ред. Л.П. Потапова. Горно-Алтайск, 1973. С. 339-341.

³ Киндикова Н.М. К вопросу о периодизации алтайской литературы // Проблемы изучения истории и культуры Алтая и сопредельных территорий. Материалы конференции, посвященной 40-летию ГАНИИИЯЛ / под ред. Я.А. Пустогачева, А.С. Суразакова. Горно-Алтайск, 1992. С. 163.

⁴ Эдоков В.И. Зарождение профессионального изобразительного искусства Горного Алтая (периодизация и источники изучения) // Ученые записки ГАНИИИЯЛ. Вып. 11. Горно-Алтайск, 1974. С. 45-50.

работы, посвященные судьбе и творчеству алтайских художников – Г.И. Чорос-Гуркина¹ и Н.И. Чевалкова².

В 1970-е гг. среди историков возрастает интерес к рассмотрению региональной специфики решения «женского вопроса». Большинство исследователей особое внимание уделяют проблемам становления нового, социалистического быта.

Процесс раскрепощения женщин Горного Алтая в условиях строительства социализма рассматривал В.А. Демидов. Автор проанализировал деятельность облженотдела, делегатских собраний, конференций женщин, раскрыл процесс их вовлечения в общественную жизнь области³.

Е.М. Тоцакова в своих работах проанализировала изменения, которые произошли в семейном быту алтайцев под влиянием советских преобразований: переход на оседлость, появление одежды городского типа, формирование «новой» алтайской семьи, где женщина занимает равноправное положение наряду с мужчиной, развитие сети детских учреждений и т.д. Наряду с этими важными для нового социалистического быта изменениями, она отметила факт сохранности у алтайцев патриархально-родовых «пережитков», например, принадлежность к определенной родовой группе. Особое внимание Е.М. Тоцакова уделила рассмотрению проблем адаптации женщин к новому советскому образу жизни⁴.

Монография Е.М. Тоцаковой⁵, опубликованная в 1978 г., впервые за долгие годы стала первым серьезным трудом, автор которой подробно проанализировала типы традиционных жилищ коренного населения Горного Алтая на довольно большом историческом отрезке времени. Исследователь рассмотрела различные типы жилищ и их

---

¹ Эдоков В.И. Мастер из Аноса. Барнаул, 1984. 71 с.; Эдоков В.И. Г.И. Чорос-Гуркин (Судьба. Творчество) // Возвращение: сборник докладов и сообщений научно-практической конференции «Чорос-Гуркин и современность». Горно-Алтайск, 1993. С. 8-104; Эдоков В.И. Возвращение мастера. Горно-Алтайск, 1994. 240 с.

² Эдоков В.И. Художник Н.И. Чевалков // Ученые записки ГАНИИИЯЛ. Вып. 9. Горно-Алтайск, 1970. С. 101-111; Эдоков В.И. Н. Чевалков. Очерк о жизни и творчестве. Горно-Алтайск, 1972. 95 с.

³ Демидов В.А. К социализму, минуя капитализм. Очерк социалистического строительства в Горно-Алтайской автономной области. Новосибирск, 1970. 223 с.

⁴ Тоцакова Е.М. Заметки о современном семейном быте у алтайцев // Этнография народов Алтая и Западной Сибири. Новосибирск, 1978. С. 65-69; Тоцакова Е.М. Женщина в обществе и семье у современных алтайцев. Новосибирск, 1978. 112 с.

⁵ Тоцакова Е.М. Традиционные черты народной культуры алтайцев (XIX-начало XX в.). Новосибирск, 1978. 157 с.

эволюцию у северных и южных алтайцев. Она утверждала, что уже в XIX в. северные алтайцы жили в постоянных, непереносных жилищах, в основном, представленных прямоугольной срубной бревенчатой юртой (двухскатной – у челканцев) или конической конусообразной юртой (у тубаларов). Следовательно, приходит к выводу историк, у северной группы алтайцев не было единства в типах жилища. К традиционным типам переносного жилища южных алтайцев автор относит конусообразную, покрытую корой (алтайцы), берестой и войлоком (теленгиты) и цилиндрическую решетчатую, покрытую войлоком юрты. В монографии подробно рассказывается о внутреннем убранстве жилищ. В целом автор приходит к выводу о том, что тип жилища и его внутреннее убранство у южных и северных алтайцев были обусловлены характером их хозяйственной деятельности. Е.М. Тоцакова продолжила свои исследования в 1980-е гг. Она осветила вопросы культурного строительства в Горно-Алтайском уезде в 1920-1922 гг.: издательское и библиотечное дело, организацию культурно-просветительных обществ, создание краеведческого музея. Особое внимание исследователь уделила руководящей роли партийных организаций и революционных комитетов в этом процессе¹.

Основные направления культурной политики партии в деревне в 1921-1927 гг. изучал В.А. Козлов². Исследователь пришел к выводу, что размах культурной работы среди крестьянства ограничивался материальными возможностями государства, недостатком сил и средств. В какой-то степени, считает автор, это компенсировалось огромным энтузиазмом населения.

Вторая половина 1980-х гг. была отмечена и появлением обобщающих работ³, посвященных различным аспектам становления советской культуры.

Становлению алтайского театра посвящены работы С.Н. Тарбанаковой⁴. После многолетних исследований она пришла к выводу,

---

¹ Тоцакова Е.М. Начало культурной революции у алтайцев (1920-1922 гг.) // Вопросы археологии и этнографии Горного Алтая. Горно-Алтайск, 1983. С. 11-112.

² Козлов В.А. Культурная революция и крестьянство. 1921-1927 (по материалам Европейской части РСФСР). М., 1983. 185 с.

³ Пинегина Л.А. Советский рабочий класс и художественная культура. М., 1984. 240 с.; Шарапов Ю.П. В.И. Ленин и становление советской культуры // История СССР. 1985. № 2. С. 15-29; Советская культура: 70 лет развития / под ред. Б.Б. Пиотровского. М., 1987. 398 с.; Советская культура в реконструктивный период. 1928-1941. М., 1988. 608 с.

⁴ Тарбанакова С.Н. Народные истоки алтайского национального театра // Алтайский фольклор и литература. Горно-Алтайск, 1982. 111 с.; Тарбанакова С.Н. Некоторые закономерности

что становление профессионального театра у народов Южной Сибири (хакасов, алтайцев, тувинцев) имело сходные черты. Исследователь отмечает, что после 1917 г. у этих народов начинается «бурное развитие театральной самодеятельности и драматургии», оформившееся в начале 1930-х гг. в профессиональный театр.

Изучение музыкальной культуры алтайцев неразрывно связано с именем А.В. Анохина, музыканта и краеведа¹. Его значительным вкладом является сбор фольклорных, этнографических и музыкальных материалов, переложение на музыку более ста песен с переводом их текстов на русский язык при сохранении их национального колорита, запись текстов шаманских мистерий², изданных в более поздние годы.

С середины 1980-х гг. для отечественной историографии стало характерным исследование различных социальных проблем, как в рамках страны, так и ее регионов. В 1985 г. была опубликована серьезная комплексная работа, посвященная социальной политике советского государства с 1920-х по 1980-е гг. под редакцией В.З. Дробижева³. Появляются работы, посвященные исследованию социальной политики, социальному обеспечению в СССР. Работа Т.П. Коржихиной, довольно значительная по объему, охватывала весь период советской истории⁴. В ней исследователь рассмотрела историю создания, компетенции, организационное устройство и основные направления деятельности высших, центральных и местных государственных учреждений, занимающихся вопросами социального обеспечения населения. Несмотря на то, что работа довольно сухая по содержанию, тем не менее, содержащиеся в ней материалы позволяют выстроить довольно четкую вертикаль управления социальным обеспечением в СССР.

формирования профессионального театра у народов Южной Сибири // Проблемы изучения истории и культуры Алтая и сопредельных территорий. Материалы конференции, посвященной 40-летию ГАНИИИЯЛ. Горно-Алтайск, 1992. С. 155-157; Тарбанакова С.Н. Формирование и становление алтайской драматургии // История и современность: сборник статей об алтайской литературе. Горно-Алтайск, 1993. С. 89-132; Тарбанакова С.Н. Пути развития театров Южной Сибири. Горно-Алтайск, 1994. 180 с.

¹ См. подробнее: Шатинова Н.И. А.В. Анохин – этнограф и фольклорист // Алтайский фольклор и литература. Горно-Алтайск, 1982. С. 103-110.

² Анохин А.В. Легенды и мифы седого Алтая / сост. В.Ф. Хохолков. Горно-Алтайск, 1997. 40 с.

³ Социальная политика Советского государства / под ред. В.З. Дробижева. М., 1985. 333 с.

⁴ Коржихина Т.П. История государственных учреждений СССР. М., 1986. 399 с.

Правовым аспектам социального обслуживания инвалидов в СССР посвящена работа Я.М. Фогеля¹. Основная цель исследования, поставленная автором, - раскрыть роль и значение социального обслуживания как комплексного и самостоятельного института права социального обеспечения, показать пути и средства совершенствования различных сторон социального обслуживания в условиях развитого социалистического общества. Отводя значительную роль рассмотрению правовых аспектов вопроса, автор сделал краткий экскурс в историю вопроса, рассмотрел трудовое устройство инвалидов, создание крестьянских комитетов взаимопомощи и т.д., проанализировал советское законодательство по социальному обеспечению инвалидов.

Наиболее полно история социального обеспечения в РСФСР в 1920-е гг. исследована И.Б. Шалугиной². Автор изучила процесс изменения организации управления и источников финансирования социального обеспечения в условиях нэпа, рассмотрела такие составные элементы системы социального обеспечения, как численность социально обеспечиваемых, виды и нормы обеспечения в 20-е годы. Исследователь отметила, что именно в указанный период шел постоянный поиск форм и видов обеспечения граждан, началось активное привлечение общественных организаций к этому процессу. Однако, в 20-е гг., по мнению И.Б. Шалугиной, многие проблемы социального обеспечения так и не были решены, что обуславливалось, в первую очередь, экономическими причинами.

В 1980-е гг. началась активная обработка накопленного материала по истории культуры, появились серьезные обобщающие работы, раскрывающие достижения, основные закономерности культурного строительства в стране и регионах. Печатаются сборники статей, посвященные этому процессу. Ученые все чаще начинают обращаться к рассмотрению различных «сюжетов» культурной жизни. Расширяется источниковая база исследований.

В 1980 г. увидел свет сборник «Культурное развитие советской сибирской деревни»³ - первая в историографии работа, трактующая вопросы культурного развития сибирской деревни в советский период. Статьи сборника посвящены вопросам культурно-

---

¹ Фогель Я.М. Социальное обслуживание инвалидов. М., 1986. 176 с.

² Шалугина И.Б. Социальное обеспечение в РСФСР в 20-е годы: автореф...канд.ист.наук. М., 1990. 22 с.

³ Культурное развитие советской сибирской деревни. Новосибирск, 1980. 385 с.

просветительной работы, деятельности библиотек, клубов, театров, кино и т.д. Авторы проанализировали как общие закономерности, так и региональные особенности, в том числе национальные, культурного строительства в деревне.

М.П. Антропова на основе широкого круга источников осветила процесс кинофикации на Алтае, охарактеризовала его основные особенности на региональном уровне¹.

Вопросы партийного руководства искусством в Сибири в 1920-1930-е гг., театральной жизни, музыкального образования и т.д. стали предметом исследования авторов, статьи которых вошли в сборник «Художественная культура и интеллигенция Сибири (1917-1945 гг.)»² под редакцией В.Л. Соскина. Партийное руководство развитием художественной культуры Сибири в 1917-1928 гг. рассмотрели В.Л. Соскин, В.П. Буторина и А.Л. Посадсков³.

Л.М. Русакова, Н.А. Миненко, Е.И. Дружинина⁴ проанализировали взаимосвязи русской культуры и культурой коренных народов Сибири, исследовали вопросы культурного возрождения алтайцев, формы и методы культурно-просветительной работы. Исследование и анализ культурных традиций народов Сибири стали предметом рассмотрения исследователей, чьи работы вошли в сборник под редакцией Ч.М. Таксами⁵.

В эти годы в центре внимания исследователей продолжали оставаться вопросы советской продовольственной политики. Сложности в питании русского населения Алтайского края на довольно длительном историческом отрезке рассмотрела В.А. Липинская⁶. Она полагала, что неравномерность в обеспечении продуктами питания была обусловлена многоукладностью хозяйства и классовым расслоением в деревне. Общие трудности, отмечает исследователь, усугубила гражданская война. Опираясь на статистические данные, автор приводит

---

¹ Антропова М.П. Кино и Алтай. Барнаул, 1980. 136 с.

² Художественная культура и интеллигенция Сибири (1917-1945 гг.) / под ред. В.Л. Соскина. Новосибирск, 1984. 208 с.

³ Соскин В.Л., Буторина В.П., Посадсков А.Л. Партийное руководство развитием художественной культуры Сибири (1917-1928 гг.) // Художественная культура и интеллигенция Сибири (1917-1945 гг.). Новосибирск, 1984. С. 3-42.

⁴ Дружинина Е.И. К истории культурного возрождения алтайцев // Советская культура. 70 лет развития. М., 1987. С. 336-338; Традиционные обряды и искусство русского и коренных народов Сибири / под ред. Л.М. Русаковой, Н.А. Миненко. Новосибирск, 1987. 192 с.

⁵ Культурные традиции народов Сибири / отв. ред. Ч.М. Таксами. Л., 1986. 260 с.

⁶ Липинская В.А. Русское население Алтайского края. Народные традиции в материальной культуре (XVIII-XX вв.). М., 1987. 224 с.

сведения по потреблению населением основных продуктов питания, считая, что к 1922 г. сильно снизилось потребление мясных продуктов, средняя норма потребления хлеба сельским населением составила только 55,3% того, что потребляли старожилы в довоенное время, при этом хлеб и картофель являлись основными продуктами питания. Влияние голода 1921-1922 гг. на демографические процессы в стране стали предметом исследования Б.М. Хенкина¹.

В русле указанных тенденций написана вышедшая в 1990 г. серьезная и основательная работа по истории русской культуры². Авторы по-новому подошли к освещению ряда проблем отечественной культуры, раскрыли значение творчества многих ее деятелей, незаслуженно забытых или несправедливо подвергшихся гонениям в предшествующие десятилетия.

Довольно близко по рассматриваемым вопросам к работе Я.М. Фогеля стоит работа М.В. Балахниной³. Исследователь отмечает огромное положительное значение сложившейся в 20-е гг. системы социального страхования. Именно эта система, по мнению М.В. Балахниной, позволила привлечь дополнительные источники финансирования в условиях слабого материального положения новой власти.

Вскользь вопросы социального обеспечения некоторых льготных категорий населения были рассмотрены В.А. Демидовым. В частности, автор упоминает, что в весенне-посевную кампанию 1922 г. «...семьям красноармейцев и добровольцев ЧОН из государственных запасов было выдано 51 тыс. пудов семенного зерна»⁴. На отдельных аспектах осуществления социальной политики в Горном Алтае останавливалась О.А. Гончарова⁵.

На материалах Горного Алтая в 1990-е гг. продолжил свои исследования В.И. Эдоков, появились основательные исследования

---

¹ Хенкин Б.М. О влиянии голода 1921-1922 гг. на демографические процессы в стране // Исторический опыт социально-демографического развития Сибири. Вып. 2. Социально-демографическое развитие советской Сибири: тезисы докладов и сообщений Всесоюзной научной конференции (12-14 декабря 1989 г.). Новосибирск, 1989. С. 10-11.

² Зезина М.Р., Кошман Л.В., Шульгин В.С. История русской культуры. М., 1990. 432 с.

³ Балахнина М.В. Система социального страхования в России в 20-е годы // Проблемы истории местного управления Сибири XVII-XX веков: материалы научной конференции. Новосибирск, 1996. С. 86-88.

⁴ Демидов В.А. От Каракорума к автономии: пособие к спецкурсу. Новосибирск, 1996. С. 134.

⁵ Гончарова О.А. Некоторые вопросы осуществления социальной политики в Горном Алтае в 20-30-е гг. // Вопросы истории. Вып. 1. Горно-Алтайск, 1996. С. 60-70.

Е.П. Маточкина, Р.М. Еркиновой, В.В. Хохолкова, А.В. Эдокова и др. авторов (зачастую не историков), многие из которых публиковались на страницах республиканской и районной прессы.

Е.П. Маточкин являлся автором многочисленных работ по изучению изобразительного искусства Горного Алтая. Им были рассмотрены вопросы истории художественной школы, современного историко-художественного процесса в регионе. В целом искусствовед считал, что «исследователей искусства Сибири неизменно привлекает Горный Алтай, где впервые среди коренных народов Сибири зародилось профессиональное станковое искусство». Автор отмечает творчество Г.И. Гуркина, Н.И. Чевалкова¹, а наиболее актуальными и требующими внимания, по его мнению, являются проблемы наследия и новаций, раскрытие национальных корней современного искусства Горного Алтая. Близко к работе Е.П. Маточкина исследование В.И. Эдокова². В одной из его статей дается периодизация истории профессионального изобразительного искусства Алтая, автор рассуждает о проблемах в изучении данного аспекта культуры.

Статьи Р.М. Еркиновой посвящены проблемам создания и функционирования в Горном Алтае национального музея. Опираясь на архивные материалы, она рассказала о первых годах в истории музея, рассмотрела историю организации картинной галереи, формирование фонда Г.И. Чорос-Гуркина в музее³. А.В. Эдоков продолжил исследования жизни и творчества первых алтайских художников, начатые в предшествующие годы В.И. Эдоковым⁴.

---

¹ Маточкин Е.П. К истории изучения современного изобразительного искусства Горного Алтая // Проблемы изучения истории и культуры Алтая и сопредельных территорий. Материалы конференции, посвященной 40-летию ГАНИИИЯЛ / под ред. Я.А. Пустогачева, А.С. Суразакова. Горно-Алтайск, 1992. С. 152-155; Маточкин Е.П. Традиционные образы в народном искусстве Горного Алтая // Проблемы этнологии и этнопедагогике: материалы международной научно-практической конференции. Вып. 8. Новосибирск, 1999. С. 66-67; Маточкин Е.П. Мечты, ожидания и трагедия художника Николая Чевалкова // PS. 2003. 30 января.

² Эдоков В.И. Алтайское изобразительное искусство XX века (проблемы изучения) // Проблемы изучения истории и культуры Алтая и сопредельных территорий: материалы конференции, посвященной 40-летию ГАНИИИЯЛ / под ред. Я.А. Пустогачева, А.С. Суразакова. Горно-Алтайск, 1992. С. 148-152.

³ Еркинова Р.М. Музей вчера, сегодня, завтра: страницы истории // Звезда Алтая. 1991. 23 мая; Еркинова Р.М. К истории формирования фонда Гуркина в музее // Возвращение. Сборник докладов и сообщений научно-практической конференции «Чорос-Гуркин и современность». Горно-Алтайск, 1993. С. 199-217.

⁴ Эдоков А.В. Новые грани творчества Г.И. Чорос-Гуркина // Кан-Алтай. 1996. № 3. С. 9-13; Эдоков А.В. Истоки изобразительного искусства в Горном Алтае: о творчестве Г.И. Чорос-Гуркина и Н.И. Чевалкова // Алтай-Телекей – Мир Алтая. 2006. № 2. С. 53-62.

Композитор В.В. Хохолков многие годы посвятил исследованию алтайской музыкальной культуры, ее истоков, творчеству А.В. Анохина¹. Исследованию жизни и творчества первого композитора в Горном Алтае, этнографа посвящены статьи И. Галкиной, О. Майчикова и др.² Вслед за С.Н. Тарбанаковой, традиции в изучении истоков алтайского национального театра в 1990-е гг. продолжила Л.Н. Шарабура³. Ее перу принадлежат немногочисленные заметки на страницах республиканской прессы.

Постепенно исследователи стали уходить от прямолинейных и однозначных оценок и фокусировать свое внимание на взвешенных, комплексных работах и даже междисциплинарных исследованиях.

В.В. Милосердов и К.В. Милосердов, исследуя аграрную политику России в XX в., отметили, что в 1917-1918 гг. она исходила из необходимости привлечь на сторону большевиков большую часть населения страны – крестьянство. Исследователи проанализировали продовольственную политику в форме продразверстки, считая ее «грабительской»⁴.

Содержание и механизмы реализации советской жилищной политики в 1917-1941 гг. стали предметом исследования М.Г. Мееровича⁵. Проанализировав значительный комплекс документов и материалов, историк определил основную цель советской жилищной политики – огосударствление жилища с целью использования его как средства управления людьми. В работах автор рассматривает употребление

---

¹ Хохолков В.В. Премьера. К 70-летию вечеров алтайской музыки // Звезда Алтая. 1993. 1 апреля; Галкина И. Андрей Викторович Анохин как исследователь шаманства у алтайцев // Искусство народов Сибири: традиции и современность: тезисы докладов конференции. Новосибирск, 1994. С. 28-31; Майчиков О. Первопроходец: к 125-летию со дня рождения // Звезда Алтая. 1994. 14 октября; Хохолков В.В. Живая музыка в легендах: к 125-летию со дня рождения А. Анохина // Алтайская правда. 1994. 22 ноября; Хохолков В.В. Анохин А.В. // Кан-Алтай. 1996. № 3.

² Попова Н. Алтай и Анохин – неделимое целое // Звезда Алтая. 2002. 21 ноября; Вилисова А. Первый сибирский композитор: к 135-летию А.В. Анохина // Чемальский вестник. 2004. 14 октября; Отдавший жизнь...к 135-летию А.В. Анохина // Сельская новь. 2004. 13 октября; Хохолков В.В. Учитель пения, этнограф: к 135-летию А.В. Анохина // Педагогический вестник. 2004. № 8; Хохолков В.В. Подвижник Сибири и Алтая: о жизни и творчестве А.В. Анохина // Алтай-Телекей – Мир Алтая. 2006. № 3. С. 84-94.

³ Шарабура Л.Н. Театральные истоки // Кан-Алтай. 1996. № 2. С. 44-45; Шарабура Л.Н. Так начинался театр: страницы истории // Звезда Алтая. 1996. 22 июля.

⁴ Милосердов В.В., Милосердов К.В. Аграрная политика России – XX в. М., 2002.

⁵ Меерович М.Г. Социально-культурные основы осуществления государственной жилищной политики в СССР (1917-1941 гг.): дисс...доктора ист.наук. Иркутск, 2004. 659 с.; Меерович М.Г. Наказание жилищем: жилищная политика в СССР как средство управления людьми (1917-1937 годы). М., 2008. 303 с.

жилища, как способа прикрепления к месту работы, принуждения к высокой производительности труда и предписываемому образу жизни.

Некоторые аспекты осуществления советской жилищной политики (в рамках изучения советской повседневности) затронул И.Б. Орлов. Он считал жилище уменьшенной моделью Вселенной, олицетворением освоенного, покоренного и «одомашненного» пространства¹. Анализируя советскую жилищную политику, исследователь отметил, что в 1920-е гг. «коммунальная организация жизни» полностью отвечала новой социально-политической системе. В монографии автор рассмотрел качество жилья и коммунальных услуг, придя к выводу, что по мере удаления от столицы они резко ухудшались.

В указанной выше монографии, исследователь, опираясь на современные исследования продовольственной политики 1918-1920-х гг., считает, что именно эта политика, почти полностью разрушив сельское хозяйство страны, уже к 1920 г. обусловила возникновение голода в ряде районов страны. В работе автор рассматривает «голодную миграцию» населения начала 1920-х гг., затрагивает процесс изготовления «голодного хлеба». Исследователь полагает, что «голод ослабил жизнеспособность выживших, резко изменил психику и поведение русских граждан, особенно молодого поколения: произошла нравственная и социальная деградация, проявившаяся в росте преступности, вымогательства и взяточничества»². Автор считает, что такие способы коллективного и индивидуального выживания, как обращения во властные структуры с просьбами о «допомоге» и попрошайничество, отход на заработки и мешочничество, массовая миграция и распродажа имущества, употребление суррогатов и падали, разгром ссыпных пунктов и мельниц и нападения на «голодрузы» в условиях массового голода и жесткой правительственной политики оказывались малоэффективными.

С 1990-х гг. интерес исследователей к теме голода начала 1920-х гг., по мнению В.В. Орлова, заметно возрос³. Появление целого комплекса засекреченных ранее документов, становление различных направлений и принципиальный пересмотр ранее сложившихся концепций позволили начать критическое осмысление проблемы не только на

---

¹ Орлов И.Б. Советская повседневность: исторический и социологический аспекты становления. М., 2008. 230 с.

² Там же. С. 83.

³ Орлов В.В. Голод 1920-х годов в Чувашии: причины и последствия // Отечественная история. 2008. №1. С. 106.

общероссийском, но и региональном уровне. Историк проанализировал причины и последствия голода начала 1920-х гг. на примере одного из национальных регионов России (Чувашии)¹. Исследователь отметил, что в «советской историографии факт голода 1921 г. признавался, но трактовался с рядом искажений. Наиболее серьезные из них – сужение хронологических рамок голода, миф о засухе как первопричине бедствия, занижение числа умерших, принижение роли цивилизованных стран Запада в спасении погибающих россиян». По его мнению, Чувашия относилась к числу регионов, в которых голод продолжался значительно дольше – вплоть до конца 1926 г. Причины голода автор прежде всего видит в экономической политике большевиков, установлении продовольственной диктатуры.

Е.А. Сикорским впервые в отечественной историографии на базе анализа разнообразных источников был рассмотрен вопрос об активно проводимой большевиками в годы гражданской войны «хлебной монополии» как методе утверждения в России тоталитарного режима. Исследователь проанализировал динамику этого процесса, его особенности и итоги. Автор убедительно доказал, что голод, наблюдавшийся в российских городах в 1918-1920 гг., в большей степени был организован большевиками и являлся одним из инструментов формирования диктатуры РКП(б)².

Рассматриваемые годы стали периодом довольно активного изучения «женского вопроса» в советский период. Г.А. Забелина, исследуя политическое и правовое положение женщины-тувинки, отметила, что изменение политического и правового статуса женщин проходило в рамках политического курса строительства социалистического общества, а методы осуществления женского равноправия соответствовали идеологическим требованиям времени. Особое внимание исследователь уделила анализу советских законов о семье и браке, а также специфике их реализации в национальном регионе. В работе рассматриваются различные формы вовлечения женщин в общественно-политическую жизнь страны, деятельность клубов, библиотек, красных уголков³.

---

¹ Там же. С. 106-117.

² Сикорский Е.А. «Хлебная монополия» большевиков как метод насаждения в России тоталитарного режима (1918-1920 годы) // Известия Смоленского государственного университета. 2009. Т. 3. С. 192-202.

³ Забелина Г.А. Политическое и правовое положение женщины-тувинки в период тувинской народной республики // Горный Алтай. Исторический сборник. Вып. 12. Горно-Алтайск - Бийск, 2008. С. 33-39.

О.В. Папина на материалах Хакасии раскрыла особенности подготовки женских кадров в 1920-1930-е гг., проанализировала основные формы работы среди женщин в регионе (делегатские собрания, деятельность женотделов)¹.

В центре особого внимания И.В. Алферовой - период с 1917 по 1927 гг. Предметом ее исследований стали программные установки партии большевиков в отношении «женского вопроса», основные направления партийной и государственной политики большевиков первого десятилетия пребывания у власти, нацеленной на вовлечение женщин в общественную, политическую и экономическую жизнь советского общества, на реформирование сфер быта и семьи, формирование «новой женщины»². В своей докторской диссертации историк на основе анализа широкого круга разнообразных источников доказывает, что лидеры партии большевиков первоначально не уделяли особого внимания женским организациям. Она отметила, что «только военная опасность и угроза голода заставили в 1919 г. лидеров партии согласиться на организацию в рамках ЦК РКП(б) и в парткомах на местах женотделов»³. Проведя серьезную исследовательскую работу, И.В. Алферова приходит к выводу, что в основном политика большевиков в отношении женщин была противоречивой и непоследова-

---

¹ Папина О.В. Женщины в социальном и культурном строительстве в 1920 – начале 1930-х гг. // Актуальные проблемы истории и культуры Саяно-Алтая. Вып. 7. Абакан, 2006. С. 76-80; Папина О.В. К вопросу о подготовке женских кадров в 1920-1930-х гг. (на материалах Хакасии) // Известия Алтайского государственного университета. 2008. № 4. Т. 4. С. 155-157; Папина О.В. Роль женщин в социальном и культурном развитии Хакасии в 1923-1941 гг.: автореф....канд. ист. наук. Улан-Удэ, 2008. 19 с.

² Алферова И.В. 1917 г. в России: большевизм и феминизм в условиях социальной активности женщин-работниц // Вестник Тамбовского университета. Серия: гуманитарные науки. Вып. 11(79). 2009. С. 355-360; Алферова И.В. Большевицкая женская печать: к истории становления (1914-1920-е гг.) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2011. № 6 (12): в 3-х ч. Ч. 3. С. 16-23; Алферова И.В. Делегатские собрания 1920-х годов как проект подготовки советских женщин к управленческой деятельности // Вестник Челябинского государственного университета. Серия: история. 2011. № 1 (216). С. 46-54; Алферова И.В. Женщины в условиях «военного коммунизма»: практики приспособления // Вестник Удмурдского университета. История и филология. Сер. 5. Вып. 1. 2011. С. 83-90; Алферова И.В. Модернизация быта по-коммунистически: проекты и результаты (1917-1920-е гг.) // Вестник Брянского государственного университета. 2011. № 2. С. 12-17; Алферова И.В. «Не буду больше рабой своего мужа, мы должны быть равными товарищами в жизни!»: трансформация семейных отношений в российском общественном дискурсе (1917-1927 гг.) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2011. № 4 (10): в 3-х ч. Ч. 2. С. 10-15.

³ Алферова И.В. «Женский вопрос» в теории и практике большевизма (первое десятилетие советской власти. 1917-1927 гг.): автореф....доктора ист.наук. СПб, 2011. С. 18.

тельной, что объяснялось, по ее мнению, «отрицательным отношением большевиков к социальному неравенству женщин и решимостью преодолеть это неравенство», влиянием политической конъюнктуры и личными пристрастиями лидеров партии¹.

Благодаря работам В.В. Доржеевой, Ю.В. Градсковой, Е.Л. Бадмацыреновой, Л.А. Шевченко и др. реконструированная историческая эпоха становится более детальной и жизненной.

Работы В.В. Доржеевой² на материалах Северо-Востока страны раскрывают основные формы вовлечения женщин коренных малочисленных народов СССР в советское строительство. Автор подробно исследовала процесс изменения общественного и семейного статуса женщин коренных малочисленных народов в советский период, раскрыла факторы, повлиявшие на изменение традиционного статуса женщин. Исследователь выделила особенности политической социализации женщин исследуемого региона в 1920-1930-е гг.: отсутствие института практиканток, более мягкие формы и методы работы с женщинами-кочевницами, незначительную распространенность делегатских собраний как основной формы работы среди женщин.

Ю.В. Градскова на материалах Волго-Уральского региона раскрыла особенности, проблемы и противоречия советской социально-культурной работы среди женщин³. Она отметила недостаток внимания к работе среди женщин «национальных меньшинств» со стороны советского партийно-государственного аппарата. Е.Л. Бадмацыренова изучила советскую государственную политику по вовлечению бурятских женщин в общественно-политическую деятельность⁴. Исследователь выделила особенности этого процесса в рассматриваемом ре-

---

¹ Там же. С. 32.

² Доржеева В.В. Изменение социального статуса женщин коренных малочисленных народов Северо-Востока России в 1917-1930 гг. // Северо-Восточный научный журнал. 2010. № 1(5). С. 39-45; Доржеева В.В. Влияние социально-экономических преобразований советского периода на положение женщин коренных малочисленных народов Северо-Востока России в 1920-1940-е гг. // Вестник Бурятского государственного университета. Вып. 7. Серия: история. 2011. С. 83-86; Доржеева В.В. Изменения в положении женщин коренных малочисленных народов Северо-Востока России (нач. XX- конец XX в.): автореф....доктора ист.наук. Улан-Удэ, 2013. 51 с.

³ Градскова Ю.В. «Раскрепощение националки» - социально-культурная политика советской власти в отношении женщин этнических меньшинств (на примере Волго-Уральского региона в 1920-е годы) // Журнал исследований социальной политики. 2011. Т. 9. № 1. С. 45-58.

⁴ Бадмацыренова Е.Л. Особенности государственной политики по вовлечению женщин в общественно-политическую деятельность в условиях национального региона (на примере Бурят-Монгольской АССР) // Известия Алтайского государственного университета. История. 2011. № 4-1(72). С. 18-21.

гионе: наличие многонационального населения, традиционность общества, низкая грамотность, обширность территории и отсутствие крупных промышленных центров¹. Л.А. Шевченко на материалах Иркутской губернии рассмотрела деятельность женских организаций в 1920-е гг., проследила их роль в строительстве социалистического общества, формировании политической активности женского населения региона².

На основе архивных материалов, опубликованных источников и исследовательской литературы О.М. Долидович и Т.А. Катцина³ детально рассмотрели разработку социальных мероприятий большевистского правительства после политических событий октября 1917 г. Материалы их исследования уточняют и расширяют научные представления о развитии социальной сферы в новых политических условиях, позволяют понять роль первой женщины советского правительства – А.М. Коллонтай – в этом сложном и противоречивом процессе. Авторы отметили, что с 1917 г. система социальной помощи населению начала приобретать политизированный, избирательный характер. Общая тенденция политики в данной сфере «...была связана с выстраиванием большевиками социальной опоры посредством социального обеспечения определенных категорий населения»⁴. Становлению системы социального обеспечения в Алтайском крае посвящена статья И.В. Антонович⁵. Процесс социального обеспечения она показала в динамике – с 1917 г. по настоящее время. Автор попыталась обобщить наиболее актуальные материалы о создании и финансировании различных социальных организаций в Алтайском крае в советский период, придя к выводу, что проблемы в данной сфере были обусловлены не только экономическими причинами, но и уровнем развития общества «как главной помогающей силы».

---

¹ Там же. С. 20.

² Шевченко Л.А. Деятельность женских организаций в системе советского общества в 1920-е гг. (на материалах Иркутской губернии) // Вестник Томского государственного университета. История. 2011. № 2(14). С. 120-123.

³ Долидович О.М., Катцина Т.А. Становление системы социального обеспечения под руководством А.М. Коллонтай: от сферы приватной в Российской империи к пространству публичного в советской России (12 ноября 1917 года – 11 марта 1918 года) // Журнал исследований социальной политики. 2011. Т.9. № 2. С. 255-276.

⁴ Там же. С. 273.

⁵ Антонович И.В. Становление системы социального обеспечения в Алтайском крае в советский период // Известия Алтайского государственного университета. 2010. № 2-2. С. 200-204.

Были продолжены исследования советской продовольственной политики. Главную причину голода 1921-1922 гг. Н.А. Шипилова и Н.Ю. Белоусова видели в продразверстке, поскольку после конфискации у крестьян даже семенного фонда в стране отсутствовали продовольственные резервы¹. А.Г. Дианов проблему снабжения городов продовольствием в эти годы считал центральной не только в экономическом, но и в политическом плане. Автор подробно проанализировал первые продналоговые кампании на Алтае, считая, что именно они значительно подорвали сельское хозяйство региона².

Проблема взаимоотношений государственной власти и крестьянства в рассматриваемый период стала предметом исследований В.А. Ильиных. Исследователь рассмотрел специфику урало-сибирского метода хлебозаготовок в конце 1920-х – начале 1930-х гг.³. В 2010 г. вышла в свет более основательная работа автора⁴, детально реконструирующая ход заготовительных кампаний 1927-1928, 1928-1929 и 1929-1930 гг. В монографии автор привел ценные сведения, касающиеся движения цен на хлеб, покупательной способности населения, состояния хлебного рынка Сибири.

В.С. Познанский свою монографию⁵ посвятил истории Сибири 1920-1930-х гг. На основе впервые вводимых в научный оборот документальных материалов автор исследовал причины голода 1921-1922 гг., охарактеризовал специфику голода в Сибири и размах социальных бедствий, которые сопровождали его в последующие годы. В

---

¹ Шипилова Н.А. Западносибирская кооперация в период НЭПа // Алтайская деревня: история, современное состояние, перспективы развития. Горно-Алтайск, 2004. С. 108-111; Белоусова Н.Ю. Политика Советского государства как причина возникновения народно-повстанческого движения на территории Алтайской губернии в 1920-1922 гг. // Актуальные вопросы истории Сибири: шестые научные чтения памяти профессора А.П. Бородавкина: сборник научных трудов: в 2 ч. Ч.2 / под ред. В.А. Скубневского, Ю.М. Гончарова. Барнаул, 2007. С. 38-41.

² Дианов А.Г. Влияние продналоговых кампаний 1921-1922 гг. на сельское хозяйство Алтайской губернии в освещении сибирской рабоче-крестьянской инспекции // Актуальные вопросы истории Сибири: шестые научные чтения памяти профессора А.П. Бородавкина: сборник научных трудов: в 2 ч. Ч.2 / под ред. В.А. Скубневского, Ю.М. Гончарова. Барнаул, 2007. С. 137-141.

³ Ильиных В.А. Урало-сибирский метод хлебозаготовок // Актуальные вопросы истории Сибири: шестые научные чтения памяти профессора А.П. Бородавкина: сборник научных трудов: в 2 ч. Ч.2 / под ред. В.А. Скубневского, Ю.М. Гончарова. Барнаул, 2007. С. 45-48.

⁴ Ильиных В.А. Хроники хлебного фронта (заготовительные кампании конца 1920-х гг. в Сибири). М., 2010. 343 с.

⁵ Познанский В.С. Социальные катаклизмы в Сибири: голод и эпидемии в 20-30-е годы XX в. Новосибирск, 2007. 307 с.

частности, причины голода автор видит в «сочетании природных (естественных) и социальных негативных явлений»¹.

Т.А. Реховская, опираясь на статистические данные, в своих работах отмечала ухудшение качества питания населения Западной Сибири в первые годы после установления советской власти по сравнению с довоенным временем. На первый взгляд, подмечает исследователь, «это кажется закономерным: войны, революции не могли не сказаться отрицательно на состоянии экономики. Однако, проследив динамику развития сельского хозяйства, можно констатировать тот факт, что состояние этой отрасли экономики Западной Сибири не позволяло местному населению улучшить качество своего питания. Во многом это было обусловлено целенаправленной политикой советской власти, подрывавшей продовольственную безопасность сельского населения Западной Сибири в этот период. Следовательно, делает вывод автор, продовольственная безопасность сельского населения Западной Сибири не обеспечивалась полностью»².

Исследованию «женского вопроса» в Горном Алтае посвятила свои работы Н.Р. Штанакова. Она считала, что систематическая работа среди женщин-алтаек стала проводиться позже, чем среди русских женщин, а если и проводилась, то только тогда, когда был переводчик, что снижало эффективность данной работы. Автор подробно проанализировала деятельность делегатских собраний в Горном Алтае в 1920-е гг., считая их первой ступенькой по вовлечению женщин в общественное производство. Рассмотрела функционирование Домов алтайки³.

Почти через тридцать лет Н.А. Тадина продолжила начатые Е.М. Тощакловой исследования. Она подробно исследовала внутрен-

---

¹ Там же. С. 3.

² Реховская Т.А. Факторы, влиявшие на питание населения Западной Сибири в начале 20-х гг. XX в. // Актуальные вопросы истории Сибири: шестые научные чтения памяти профессора А.П. Бородавкина: сборник научных трудов: в 2 ч. Ч.2 / под ред. В.А. Скубневского, Ю.М. Гончарова. Барнаул, 2007. С. 42-45; Реховская Т.А. Обеспечение продовольственной безопасности сельского населения Западной Сибири в первой половине 20-х гг. XX в. // Известия Алтайского государственного университета. 2008. № 4. Т. 4. С. 168-172.

³ Штанакова Н.Р. Делегатские собрания и общественно-политическая активность женщин // Актуальные вопросы истории Сибири. Третьи научные чтения памяти профессора А.П. Бородавкина: Материалы Всероссийской конференции / под ред. Ю.Ф. Кирюшина, В.А. Скубневского. Барнаул, 2002. С. 271-275; Штанакова Н.Р. Повышение культурного уровня населения Горного Алтая в 20-е гг. XX в. // История и культура народов Юго-Западной Сибири и сопредельных регионов (Казахстан, Монголия, Китай), Горно-Алтайск, 25-26 мая 2010. Горно-Алтайск, 2010. С. 150-153.

нее пространство жилища алтайцев, придя к выводу, что деление внутреннего пространства жилища у алтайцев отражало устойчивый комплекс представлений о строении мира и механизме ориентации в нем. По мнению историка, жилище выполняло важную роль в системе восприятия мира, оно объединяло членов семьи, тогда как его внутреннее пространство - разделяло. Н.А. Тадина акцентировала внимание на том, что жилище – это сакрально освоенное пространство, имеющее определенные знаки-символы¹.

Т.В. Анкудинова в монографии, посвященной истории становления и развития г. Горно-Алтайска в первой половине XX в., охарактеризовала состояние жилищно-коммунального хозяйства области в 1920-е гг., назвала причины острого жилищного кризиса в Улале, рассказала о мерах, предпринимаемых органами власти для его решения².

Ситуацию с питанием и снабжением населения Горного Алтая в рамках изучения вопросов здравоохранения рассматривала О.А. Гончарова. Она отметила, что уже в начале 1920 г. большинство волостей Горно-Алтайского уезда голодало, особенно в трудном положении оказалось алтайское население. Исследователь заметила, что проблема обеспечения населения продовольствием местными органами власти решалась, однако, первоначально без должной систематичности, лишь в виде экстренных мероприятий. О.А. Гончарова показала сложности решения «женского вопроса» в Горном Алтае³. Она отметила, что приоритетным направлением деятельности различных женских организаций в 1920-е гг. являлась не только агитационно-политическая работа, но и распространение санитарно-гигиенических знаний. Она пришла к выводу, что «в системе работы женщинам отводилась активная роль проводников новых идей»⁴. Исследователь проанализировала деятельность делегатских собраний, кочующих агитаторов, юрт-передвижек в Горном Алтае.

Появляются работы, посвященные различным аспектам культурной жизни в Горном Алтае. Авторский коллектив под руководством

---

¹ Тадина Н.А. Семантика внутреннего пространства жилища и этикетные предписания у алтайцев // Вестник Томского государственного университета. Бюллетень № 60. Томск, 2006. С. 122-126.

² Анкудинова Т.В. История становления и развития города Горно-Алтайска в первой половине XX века. Томск, 2007. 178 с.

³ Гончарова О.А. Горный Алтай: история народной медицины и здравоохранения. Томск, 2008. 247 с.

⁴ Там же. С. 101.

Р.А. Палкина рассмотрел историю алтайской литературы¹, работа Т.А. Гужавиной² посвящена формированию профессионального театра в Горном Алтае. Историю появления радио в Горном Алтае начала исследовать С.Я. Мамаева³. Она отметила, что в 1920-е гг. в стране уже были созданы необходимые условия для быстрого роста передающей и принимающей радиосети, организации радиовещания в самых отдаленных регионах страны, в том числе и в Горном Алтае. Автор рассмотрела первые проблемы и трудности в организации массового вещания в регионе. Историей развития печати в рассматриваемый период занимались Т.С. Пустогачева, О.Ю. Черемнова⁴.

В 2000-е гг. тематика исследований значительно расширилась, появились новые комплексные исследования (в том числе и диссертационные работы), в которых не просто исследовались социальная политика и история советской культуры на определенном историческом отрезке, но и содержался анализ исторического опыта социально-культурных преобразований (модернизаций) в различных регионах страны.

В 2004 г. была опубликована новая монография сибирского историка-культуролога В.Л. Соскина⁵, представляющая собой обобщающее исследование культуры в советский период отечественной истории. В работе автор поднял вопросы, принципиально важные для понимания процессов, происходивших в отечественной культуре в первое десятилетие советской власти: о содержании и характере культурной революции, двух тенденциях в развитии советской культуры и ее типе, по-новому их интерпретируя на основе обобщающего фактического материала.

---

¹ История алтайской литературы в 2-х книгах. Книга 1 / под ред. Р.А. Палкина. Горно-Алтайск, 2004.

² Гужавина Т.А. Формирование профессионального театра в Горном Алтае // Из опыта работы преподавателей республиканского классического лицея: сборник статей. Горно-Алтайск, 2004. С. 4.

³ Говорит Ойрот-Тура, говорит Горно-Алтайск...1934-2004 гг. / Составитель С.Я. Мамаева, Л.Н. Назаренко, Л.Н. Ивашкина. Горно-Алтайск, 2004. 23 с.; Мамаева С.Я. Становление и развитие регулярного радиовещания в Горном Алтае (20-60 гг. XX в.) // Мир Евразии. 2009. № 3. С. 49-52.

⁴ Пустогачева Т.С., Черемнова О.Ю. История развития печати Горного Алтая в 1920-1950-е годы // Исторический вестник. Вып. 3. Горно-Алтайск, 2009. С. 112-117; Черемнова О.Ю. Анализ содержания периодической печати Горного Алтая в 20-30-е гг. XX в. (на примере газеты «Ойротский край») // Исторический вестник. № 5. Горно-Алтайск, 2011. С. 92-96.

⁵ Соскин В.Л. Российская советская культура (1917-1927 гг.): Очерки социальной истории. Новосибирск, 2004. 455 с.

Особенности функционирования сибирских библиотек в 1920-1930-е гг. стали предметом исследования Л.П. Малаховой. Она считала, что главной функцией библиотек в указанный период являлась пропагандистская. Все остальные задачи – просвещение, содействие производству, рекреация и тому подобное – решались лишь постольку, поскольку способствовали удовлетворению главной потребности государства. Таким образом, приходит в выводу исследователь, «библиотека в первые годы советской власти превратилась в один из политико-идеологических институтов, посредством которого создавался образ строителя социализма в СССР. Во многом благодаря массовым библиотекам советская власть обеспечила себе прочный идеологический фундамент в Сибири, где население изначально негативно относилось к большевистскому режиму»¹. Сравнительной истории музыкальной культуры народов Сибири посвящена работа Ю.И. Шейкина², истории развития печати на Алтае - исследование Е.Н. Косых³.

В.В. Номогоева критически переосмыслила существовавшие недостаточно аргументированные представления о содержании и результатах модернизационных процессов в культуре на примере одного из национальных регионов - Бурятии. Автор выявила региональные особенности социально-культурных преобразований в национальных районах Восточной Сибири. Исследователь отметила, что модернизационные процессы в регионе, в том числе и в сфере культуры, имели догоняющий характер. Исследование показало, что среди механизмов, регулирующих национальную программу культурного просвещения, особенно важными явились ликвидация массовой неграмотности, языковое строительство, культурно-просветительная деятельность, обращенные к нации и формирующие общественное мнение, коллективные вкусовые предпочтения, стереотипы поведения, модели образа жизни, ценности⁴. Обобщила исторический опыт

---

¹ Малахова Л.П. Массовые библиотеки Западной Сибири в 1920-1930-е гг. на службе у государства // Вестник Томского государственного университета. 2008. № 310. С. 74-78.

² Шейкин Ю.И. История музыкальной культуры народов Сибири: сравнительно-историческое исследование. М., 2002. 718 с.

³ Косых Е.Н. Периодика Алтая первых десятилетий XX века // Социальные проблемы национальных регионов Сибири в XX веке: материалы очно-заочной межрегиональной научной конференции. Горно-Алтайск, апрель-октябрь 2005 г. Горно-Алтайск, 2006. С. 4-6.

⁴ Номогоева В.В. Исторический опыт социально-культурной модернизации национальных районов Восточной Сибири в 1920-1930-е гг. (на материалах Республики Бурятия): автореф. дисс... доктора ист. наук. Улан-Удэ, 2011. 46 с.

социально-экономической модернизации Бурятии в 1920-е гг. А.М. Плеханова¹. Она заметила, что социально-экономические преобразования в Бурятии в 1920-е гг. положили начало значительной трансформации не только ее экономики, но и образа жизни, быта населения.

С.В. Зяблицева в докторской диссертации выявила основные черты, специфику и особенности процесса становления, развития и функционирования системы учреждений и организаций социокультурной сферы Западной Сибири в 1920-1950-е гг.² Она отметила, что 1920-е гг. были отмечены огосударствлением учреждений культуры, а также сменой приоритетов в их деятельности – переходом от культурно-просветительной функции к политико-просветительной и агитационно-пропагандистской.

Сегодня социальная история Горного Алтая в первой половине XX в. является достаточно изученной темой³. На репрезентативном круге источников исследованы основные направления социальной политики, особенности ее реализации в Горном Алтае в разные исторические периоды. Дано описание процесса становления социальной инфраструктуры в регионе, детально исследовано возникновение и развитие системы здравоохранения, реконструированы условия повседневной жизни населения Горного Алтая в условиях социальных преобразований первой половины XX в. Однако в данных исследованиях период 1920-х гг. представлен лишь в некоторых аспектах. Изучением рассматриваемых вопросов в разные годы занималась и автор данной работы⁴.

---

¹ Плеханова А.М. Исторический опыт социально-экономической модернизации национальных районов Восточной Сибири в 1920-е гг. (на материалах Республики Бурятия): автореф. дисс...доктора ист.наук. Улан-Удэ, 2011. 49 с.

² Зяблицева С.В. Формирование и развитие социально-культурной сферы Западной Сибири (начало 1920-х-середина 1950-х гг.): автореф....доктора ист.наук. Кемерово, 2012. 53 с.

³ Горный Алтай: история социального развития первой половины XX века / под ред. О.А. Гончаровой. Горно-Алтайск, 2007. 346 с.; Социальная история Горного Алтая: учебник для ВУЗов. Ч. 1. / под ред. О.А. Гончаровой. Горно-Алтайск, 2007. 305 с.; Горный Алтай: историография истории социального развития первой половины XX века / под ред. О.А. Гончаровой. Горно-Алтайск, 2008. 93 с.; Горный Алтай: источники по истории социального развития первой половины XX века / под ред. О.А. Гончаровой. Горно-Алтайск, 2009. 108 с.; Социальная история Горного Алтая в документах и материалах. Горно-Алтайск, 2010. 112 с.

⁴ Захарова Т.В. Социальные преобразования в Горном Алтае в 1920 – 1930-е гг. Горно-Алтайск, 2008. 162 с.; Захарова Т.В. Из истории становления советской культуры в Горном Алтае // Мир Евразии. 2009. № 3. С. 37-45; Захарова Т.В. Становление культурного облика Горного Алтая в начале XX в.: от научной коллекции к краеведческому музею // Этносоциальные проблемы регионов

Таким образом, анализ работ по социальной истории Горного Алтая периода 1920-х гг. позволяет отметить следующее.

Историография изучаемой проблемы полностью укладывается в общероссийскую историографию. Лишь отдельные аспекты темы рассмотрены на примере Сибири и Горного Алтая. Целостного, системного анализа по социальной истории Горного Алтая в 1917-1929 гг. нет. Недостаток обобщающих работ, необходимость критически пересмотреть отдельные положения, оценки и выводы, уточнить характер событий и явлений, имевших место в Горном Алтае в 1920-е гг., предопределили написание данной работы.

Сибири. Горно-Алтайск, 2009. С. 31-39; Захарова Т.В. Просветительская работа в Горном Алтае в начале 20-х гг. XX в. // Российская история XX-начала XXI вв.: социально-экономические, общественно-политические, культурологические аспекты исследования: материалы Всероссийской научно-практической конференции. Орехово-Зуево, 27-28 ноября, МГОГИ, 2009. С. 289-298; Захарова Т.В. К вопросу о развитии периодической печати в Горном Алтае в первые десятилетия советской власти // Мир Евразии. 2010. № 2. С. 53-55; Захарова Т.В. Жилищная «проблема» в Горном Алтае в 20-30-е гг. XX в. // Этносоциальные проблемы регионов Сибири. Вып. 15. Горно-Алтайск, 2010. С. 19-23; Захарова Т.В. Государственная жилищная политика в Горном Алтае в 1920-1930-е гг. // Вестник Томского государственного университета. Серия «История». 2011. № 1(13). С. 53-57; Захарова Т.В. Государственная продовольственная политика в Горном Алтае в 1920-е гг. // Иркутский историко-экономический ежегодник: 2011. Иркутск, 2011. С. 152-157; Захарова Т.В. Вовлечение женщин Горного Алтая в систему общественно-политической и культурно-просветительной работы в 1920-е годы // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота. 2011. № 3(9): в 3-х ч. Ч. 2. С. 64-68; Захарова Т.В. Изменение системы традиционного жизнеобеспечения населения Горного Алтая в условиях советской продовольственной политики 1920-х гг. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота. 2011. № 5(11): в 3-х ч. Ч. 2. С. 87-91; Захарова Т.В. Изменение традиционного образа жизни женщин-алтаек в условиях социальных преобразований 1920-х гг. // Исторический вестник. №5. Горно-Алтайск, 2011. С. 28-35; Захарова Т.В. Жилищная политика в Горном Алтае в первые десятилетия советской власти // Мир Евразии. 2011. №4. С. 22-26; Захарова Т.В. Делегатские собрания как форма решения «женского вопроса» в Горном Алтае в 1920-е гг. // Горный Алтай. Исторический сборник. Вып. 15. Горно-Алтайск - Бийск, 2011. С. 49-58; Захарова Т.В. Реализация в Горном Алтае основных принципов советской социальной политики // История и культура народов Юго-Западной Сибири и сопредельных регионов (Казахстан, Монголия, Китай): материалы международной научно-практической конференции. Горно-Алтайск, 31 мая-1 июня 2012 г. Горно-Алтайск, 2012. С. 26-31; Захарова Т.В. Становление культурного облика национальных регионов советской России (на материалах Горного Алтая 1920-х гг.) // История и культура народов Юго-Западной Сибири и сопредельных регионов (Казахстан, Монголия, Китай): материалы международной научно-практической конференции. Горно-Алтайск, 6-7 июня 2013 г. Горно-Алтайск, 2013. С. 67-73.

Глава I. Становление системы социального обеспечения населения в первые годы советской власти

1917 г. стал поворотным в истории страны и ее регионов. Первая мировая война, революция и гражданская война привели к кризису аграрного производства в стране, что выразилось в сокращении посевных площадей, поголовья скота, невосполнимых людских потерях. Страна оказалась в глубоком кризисе, государство почти ничего не производило. Экономический ущерб оценивался в размере более 50 млрд. золотых рублей¹. В этой ситуации большая часть населения страны требовала безотлагательной помощи государства. Именно в этот период новой властью и был провозглашен переход от принципов благотворительности к системе государственного социального обеспечения.

В ноябре 1917 г. был образован Народный комиссариат государственного призрения (НКГП) под руководством А.М. Коллонтай². Новое ведомство занялось упразднением существующих благотворительных организаций и обществ, перераспределяя средства и материальные ресурсы на нужды новой власти. В первые месяцы советской власти основными направлениями деятельности наркомата стало попечение над инвалидами войны, их семьями, пожилыми, несовершеннолетними, охрана материнства и младенчества.

Новое правительство приступило к реализации страховой программы, опубликовав Положение «О страховании на случай безработицы» и декрет «О страховании на случай болезни». Действие страхования по безработице и в случае болезни распространялось на всю территорию России на всех лиц без различия пола и возраста, работающих по найму. Государство гарантировало получение пособия в случае потери заработка³, болезни, родов и смерти, а также врачебную помощь в течение всего периода болезни⁴. В ведение НКГП бы-

---

¹ Шипилова Н.А. Западносибирская кооперация в период НЭПа // Алтайская деревня: история, современное состояние, перспективы развития. Горно-Алтайск, 2004. С. 109.

² См. подробнее: Долидович О.М., Катцина Т.А. Становление системы социального обеспечения под руководством А.М. Коллонтай: от сферы приватной в Российской империи к пространству публичного в советской России (12 ноября 1917 года – 11 марта 1918 года) // Журнал исследований социальной политики. 2011. Т.9. № 2. С. 255-276.

³ Положение ВЦИК и СНК о страховании на случай безработицы от 11 (24) декабря 1917 г. // Декреты Советской власти. Т. 1. 25 октября 1917 г. – 16 марта 1918 г. М., 1957. С. 200-204.

⁴ Декрет ВЦИК «О страховании на случай болезни» от 22 декабря 1917 г. // Декреты Советской власти. Т. 1. 25 октября 1917 г. – 16 марта 1918 г. М., 1957. С. 267-276.

ли переданы учет и регулирование вопросов о пенсиях и пособиях для населения, что стало сферой деятельности специально созданного Народного совета социального обеспечения¹.

В апреле 1918 г. НКГП был переименован в Наркомат социального обеспечения (НКСО)² РСФСР «в виду того, что существующее название Народного Комиссариата Призрения не соответствует социалистическому пониманию задач социального обеспечения и является пережитком старого времени, когда социальная помощь носила характер милостыни и благотворительности...»³. Народным комиссаром социального обеспечения был назначен А.Н. Винокуров. С этого момента начинается складываться классовый подход к предоставлению различных видов помощи.

Трудности военного времени, стремление государства наладить работу военной промышленности, снабдить продовольствием армию и спасти от голода прежде всего городское, пролетарское, население привели к созданию новой формы социальной защиты населения – социальному обеспечению⁴. Право на получение государственной помощи имели лица, источником существования которых являлся собственный труд, без эксплуатации чужого. Государство установило основные виды социального обеспечения, на которые могло рассчитывать работающее население: врачебная помощь, выдача пособий и пенсий (по старости, в связи с потерей трудоспособности, беременным и роженицам). Источниками финансирования социального обеспечения являлись взносы предприятий, учреждений и других работодателей, пени по просроченным платежам и штрафы на социальное обеспечение, доходы с имущества учреждений социального обеспе-

¹ Декрет «Об образовании Народного совета социального обеспечения и Учетно-ссудного комитета социального обеспечения» от 3 апреля 1918 г. // Декреты Советской власти. Т. 1. 25 октября 1917 г. – 16 марта 1918 г. М., 1957. С. 523-524.

² Наряду с НКСО социальным обеспечением населения занимались и другие ведомства, например, Народный комиссариат труда. В ноябре 1919 г. эти два ведомства были объединены в Наркомат труда и социального обеспечения РСФСР, а вновь разделены в апреле 1920 г.

³ Декрет СНК «О переименовании Народного комиссариата призрения в Комиссариат социального обеспечения» от 26 апреля 1918 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.knukim-edu.kiev.ua/index.php?id=582&view=articles> (дата обращения: 06.06.2011).

⁴ Организационная структура управления социальным обеспечением в центре и на местах была определена после I съезда комиссаров социального обеспечения, состоявшемся в июне 1918 г. // См. подробнее: Барбасова С.С. Государственная политика СССР в области пенсионного обеспечения граждан // Российская история XX – начала XXI вв.: социально-экономические, общественно-политические, культурологические аспекты исследования: материалы Всероссийской научно-практической конференции. Орехово-Зуево, 27-28 ноября, МГОГИ, 2009. С. 232.

чения¹. В обстановке гражданской войны особое внимание государство уделяло социальному обеспечению рабочих и служащих, красноармейцев, красногвардейцев и членов их семей.

В начале 1920-х гг. основные направления деятельности НКСО несколько расширились: предоставление помощи различным категориям населения, кооперация инвалидов, социальное страхование, государственное обеспечение в учреждениях социального обеспечения. На деле организовать работу ведомства по всем обозначенным направлениям оказалось непросто, поскольку в стране и на местах отсутствовали необходимые людские и материальные ресурсы.

Реализация основных принципов советской политики по всей стране была возложена на чрезвычайные органы власти – революционные комитеты. Проблемы социального обеспечения населения ревкомы должны были решать в ряду других чрезвычайных мероприятий, в комплексе политических, экономических и социальных задач. Руководство социальным обеспечением на местах стало основной функцией отделов социального обеспечения при губернских и уездных революционных комитетах. Именно они занялись решением повседневных проблем по обеспечению и снабжению населения.

Особенно трудно было наладить работу по оказанию социальной помощи населению в национальных, значительно отдаленных от центра, регионах страны, поскольку в них, зачастую, отсутствовали не только материальные и людские ресурсы, но и какая-либо практика подобной работы. Горный Алтай к началу 1920-х гг. являлся именно таким регионом. В условиях значительной удаленности от центра, плохих путей сообщения, войны и разрухи, отсутствия необходимой инфраструктуры, кочевого и полукочевого образа жизни населения местным органам власти приходилось решать вопросы социального обеспечения населения. Чрезвычайность обстановки в регионе предопределила формы и методы подобной работы.

Население Горного Алтая, напрямую не пострадавшее в военные годы, все же понесло значительные потери от бандитизма, было разорено. Так за 1919-1920 гг. на 50% был уничтожен рабочий скот, только в трех селах (в 301 хозяйстве) бандитами было уничтожено 1300 пудов продуктов питания, 295 лошадей, 102 коровы, а также разных

---

¹ Декрет СНК РСФСР «Положение о социальном обеспечении трудящихся» от 31 октября 1918 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.knukim-edu.kiev.ua/index.php?id=582&view=articles> (дата обращения: 06.06.2011).

предметов на сумму 998 довоенных рублей¹. Население большинства волостей голодало и требовало незамедлительной помощи государства.

*Алтайцы.
Фотография С.И. Борисова. 1907-1914 гг.*

Для государственной поддержки населения в 1920 г. в Горно-Алтайском уезде при революционном комитете был создан отдел труда и социального обеспечения. В функции отдела входили назначение и выдача пенсий, единовременных пособий инвалидам войны и труда, семьям красноармейцев, лицам, пострадавшим от контрреволюции, помощь жертвам стихийных бедствий, профессиональное обучение и переобучение инвалидов, обеспечение инвалидов в инвалидных домах. Уездному собесу было передано все конфискованное у бандитов имущество, которое в срочном порядке было необходимо распределить среди контингента собеса.

Для оказания экстренной помощи нуждающимся отдел в срочном порядке затребовал из г. Бийска 1,5 млн. рублей и 20 тыс. аршин мануфактуры², а также приступил к подворному обследованию населения. В списки особо нуждающихся вносились семьи красноармейцев, проживающие в волости, независимо от состава членов семьи, их возраста и имущественного положения. Таким семьям ежемесячно полагалось денежное содержание: 180 руб. – на одного человека в семье, 220 – на двух, 330 – на трех, 440 – на четырех, 550 – на пять и более человек. Родителям красноармейцев, не достигшим 50, 55 лет, бездетной жене, братьям и сестрам старше 16 лет предоставлялось право на паек по определению их нетрудоспособности³. На практике составить подобные списки оказалось непросто. Не налаженная связь с волостными ревкомами привела к тому, что запрошенные сведения

¹ КПДА РА. Ф. Р-48. Оп. 1а. Д. 3. Л. 66.

² КПДА РА. Ф. Р-458. Оп. 1. Д. 31. Л. 3.

³ КПДА РА. Ф. Р-458. Оп. 1. Д. 20. Л. 185.

вовремя в центр не поступили. Именно поэтому отдел затруднялся определить количество лиц, подлежащих обеспечению. Да и волостные революционные комитеты были недостаточно информированы и инструктированы по вопросу организации процесса социального обеспечения на местах. Тем не менее, за 1920-1921 гг. удалось оказать финансовую либо натуральную помощь 3048 семьям¹.

Между тем единое государственное обеспечение гарантировало некоторые виды помощи населению. Семьям красноармейцев, проживающим в сельской местности и семьям лиц, призванных в ряды Красной армии и флота, предоставлялись льготы: первостепенная выдача сельскохозяйственных ссуд, ремонт на льготных условиях сельскохозяйственного инвентаря, право пользования инвентарем с прокатных пунктов². Несовершеннолетние члены семей красноармейцев подлежали первоочередному перед другими гражданами помещению в учреждения народного образования, детские дома, ясли, приюты. Дети, братья и сестры красноармейцев имели преимущества на получение учебных пособий, субсидий, обуви и одежды.

В том же порядке, что и семьи красноармейцев, подлежали социальному обеспечению семьи пострадавших от контрреволюции. Согласно постановлению правительства, их обеспечивали одеждой, работой, жильем, медицинской и денежной помощью, оформляли пенсии, направляли детей в приюты и т.д.³ Помощь данной категории оказывалась и в виде экстренного единовременного пособия: семейным пострадавшим пособие выдавалось как на главу семьи, так и на каждого нетрудоспособного члена в размере $\frac{1}{2}$ минимального пособия на каждого из детей от 10 до 16 лет и $\frac{1}{4}$ минимума на каждого из детей до 10 лет, причем общая сумма всех пособий на одну семью не должна была превышать 3000 рублей. В качестве особой оговорки законом определялось, что семьям, не имеющим в своем составе нетрудоспособных членов, но пострадавшим материально, в случае «особо острой нужды» может быть выдано единовременное пособие, не превышающее средней заработной платы местности.

Следующей категорией, подлежащей обеспечению государством, являлись инвалиды. Все инвалиды в зависимости от степени работоспособности и рода работы, которую они могли выполнять, делились

---

¹ КПДА РА. Ф. Р-48. Оп. 1. Д. 1. Л. 12-13.

² КПДА РА. Ф. Р-458. Оп. 1. Д. 18. Л. 30.

³ КПДА РА. Ф. Р-458. Оп. 1 Д. 64. Л.94.

на шесть групп: инвалиды, не способные к труду и нуждающиеся в посторонней помощи для удовлетворения обычных жизненных потребностей; инвалиды, не способные к труду, но не нуждающиеся в постоянном уходе; инвалиды, не только вынужденные отказаться от обычной профессии, но и вообще не способные ни к какой профессиональной работе и живущие лишь на случайный заработок; лица, вынужденные перейти к другой профессии более низкой квалификации; лица, вынужденные отказаться от своей обычной профессии и перейти к другой профессии такой же квалификации; лица, занимающиеся прежней профессией, но с пониженной производительностью¹.

Инвалидам всех групп, проживающим на селе и нуждающихся в помощи, она оказывалась через органы общественной взаимопомощи. Если и эта помощь не могла быть оказана, то инвалид мог получить пособие для приобретения самых необходимых предметов быта и производства. Лица, занимающиеся торговлей, права на государственное социальное обеспечение не имели.

Инвалиды первой группы, не имеющие доходов, могли быть помещены в учреждения собеса в порядке очереди. В качестве альтернативы инвалид мог получить денежную пенсию. Инвалиды второй и третьей групп, не имеющие доходов, обеспечивались помещением в инвалидных мастерских, а также включались в инвалидные производственные, производственно-кооперативные объединения. Несовершеннолетние, а также члены семей инвалидов, находящиеся на их иждивении, в первую очередь подлежали помещению в учреждения Наркомздрава и Наркомпроса.

Все пенсии по инвалидности в зависимости от степени утраты трудоспособности делились на четыре разряда. По первому разряду пенсия назначалась при утрате трудоспособности свыше 60%, по второму – при утрате трудоспособности от 45 до 60%, по третьему – от 30 до 44%, по четвертому разряду – от 15 до 29%. При утрате трудоспособности менее 15% пенсия не назначалась. Размер пенсии по первому разряду устанавливался в пятнадцатикратном размере дневной средней заработной платы местности, в которой проживал пенсионер, для второго разряда – в размере $\frac{3}{4}$ полной пенсии, для третьего разряда – $\frac{1}{2}$ полной пенсии, для четвертого разряда – $\frac{1}{5}$ полной пенсии. Установив предельные нормы пенсии, государство оставило

---

¹ Там же.

за собой право их изменения в сторону увеличения или уменьшения. Пенсионерам, требующим из-за своей беспомощности особого ухода, пенсии могли быть увеличены¹. При наличии у пенсионеров дополнительных доходов, превышающих в совокупности пенсию, пенсия уменьшалась на размер этого превышения. Инвалиды, не подавшие заявления о назначении пенсии в течение двух лет со дня утраты трудоспособности, лишались права на соответствующее обеспечение.

Оказание различных видов помощи населению, гарантированных государством, на местах требовало значительных ресурсов. В Горном Алтае, как и в большинстве национальных регионов страны, их не было в достаточном количестве. Отсутствовала необходимая инфраструктура: Дома инвалидов, мастерские, инвентарь и т.д. Значительно затрудняло работу и отсутствие удобных путей сообщения, что не позволяло вовремя доставить продукты питания, промышленные товары, получить денежные средства для выплаты пенсий и пособий населению. Грамотных специалистов не хватало не только в волостях, но и в уездном центре. Не велось точного учета контингента нуждающихся. Наиболее точно ситуацию по социальному обеспечению населения в указанный период охарактеризовал заведующий отделом собесов, отметив, что работа в данной сфере находится «на точке замерзания».

В целом по стране за июнь-август 1920 г. произошли некоторые изменения. В июне 1920 г. были увеличены пособия семьям красноармейцев². В июле 1920 г. государство установило для лиц, имеющих особые заслуги перед страной, в случае их инвалидности и семьям в случае смерти данных лиц, особые усиленные нормы пенсии, но не выше четырехкратной³. В августе 1920 г. государство установило денежные пособия для лиц, временно утративших трудоспособность. Рабочим и служащим в течение четырех месяцев с момента потери трудоспособности выплачивался их полный заработок за счет государственных средств⁴.

---

¹ КПДА РА. Ф. Р-458. Оп. 1. Д. 20. Л. 5.

² Декрет СНК «Об увеличении денежного пособия семьям красноармейцев» от 16 июня 1920 г.; Декрет СНК «Об уравнивании денежного пособия (пайка) семьям военнопленных старой армии с денежным пособием семей красноармейцев» от 16 июня 1920 г. // Декреты Советской власти. Т. 9. Июнь-июль 1920 г. М., 1978. С. 108.

³ Декрет СНК РСФСР «О пенсиях лицам, имеющим особые заслуги перед рабоче-крестьянской революцией» от 16 июля 1920 г. // Декреты Советской власти. Т. 9. Июнь-июль 1920 г. М., 1978. С. 238-239.

⁴ Постановление СНК «О денежных пособиях трудящимся при временной утрате трудоспособности» от 12 августа 1920 г. // Декреты Советской власти. Т. 10. Август-сентябрь 1920 г. М., 1980. С. 45-46.

В 1921 г. все пенсии по Сибири были частично натурализованы. Инвалидам войны и труда первой и второй категорий, имеющим постоянное местожительство и не находящимся в социальных учреждениях, часть пенсии выдавалась в виде дополнительного продовольственного пайка. Этот паек состоял из 3 кг хлеба, 600 гр. крупы, 6 кг картофеля, 1,2 кг овощей, 300 гр. соли, 600 гр. клюквы в месяц. Наряду с продуктами питания, эти категории получали одежду и белье по нормам, принятым собесом для снабжения инвалидов, содержащихся в инвалидных домах: три комплекта белья, два комплекта постельного белья, два комплекта верхней одежды, теплое пальто и одну пару обуви в год¹.

На базе существовавших ранее благотворительных организаций в стране началось открытие инвалидных домов. В Улале к 1921 г. усилиями собеса был открыт лишь один Дом старости, в который было принято на содержание 14 инвалидов войны. Расходы на содержание учреждений социального обеспечения покрывались пропорционально числу инвалидов, находящихся на обеспечении². Однако Улалинский Дом старости не смог обеспечить свой контингент в достаточном количестве одеждой и обувью из-за ограниченного количества материальных ресурсов.

Постепенно государство вернулось к социальному страхованию. Социальное страхование за счет страховых взносов обеспечивало население в случае временной нетрудоспособности, безработицы, инвалидности, вдовства и сиротства, а также рождения ребенка³. Населению гарантировалась бесплатная медицинская помощь и протезирование. На эти цели, согласно подсчетам руководства НКСО, предполагалось использовать не менее 5% бюджетных средств, однако, по мнению И.Б. Шалугиной, в 1920-е годы на государственное обеспечение отпускалось лишь 1,5-1,7%, что говорит об остаточном принципе финансирования⁴.

Сельское население обеспечивалось через общественную взаимопомощь. Крестьянская взаимопомощь являлась основой социаль-

---

¹ ГАРФ. Ф. А-413. Оп. 2. Д. 1417. Л. 26, 36.

² ГАРФ. Ф. А-413. Оп. 2. Д. 1594. Л. 159.

³ Постановление СНК «О социальном обеспечении рабочих и служащих и членов их семейств» от 21 января 1921 г. // Декреты Советской власти. Т. 12. Декабрь 1920 г. – январь 1921 г. М., 1986. С. 203-205.

⁴ Шалугина И.Б. Социальное обеспечение в РСФСР в 20-е годы: автореферат дис....канд.ист.наук. М., 1990. С. 17.

ного обеспечения впавших в нужду крестьян и осуществлялась на пожертвования, членские взносы и дотации госбюджета. Главными формами деятельности крестьянских комитетов общественной взаимопомощи (ККОВ) стали индивидуальная и правовая помощь красноармейцам, инвалидам, вдовам, сиротам, а также социальная взаимопомощь. На деле функции комитетов были значительно шире: содержание различного рода учреждений, вовлечение населения в кооперацию, распределение семенной ссуды и т.д.¹ Для реализации возложенных на них функций по оказанию социальной помощи крестьянские комитеты получили возможность использования в качестве источника формирования финансовых и натуральных фондов самообложения крестьянства.

*«Дети» старой Ойротии
Фотография 1920-х гг.*

В июне 1922 г. была образована Ойротская автономная область. Вопросы социального обеспечения населения были возложены на отдел социального обеспечения при областном революционном комитете. В условиях сокращения

штатов служащих органов социального обеспечения в целом по Алтайской губернии² отделу пришлось налаживать свою работу в новых, послевоенных условиях. В целом по Сибири штаты губернских отделов социального обеспечения сократились на 30%. Именно поэтому в 1922 г. областной собес так и не смог приступить к планомерной работе по обеспечению своего контингента. Недостаток финансирования, материальной базы, отсутствие грамотных специалистов привели к тому, что большая часть нуждающегося населения осталась без необходимой помощи³.

¹ Сибирь в 1923-1924 году / под ред. В.М. Лаврова. Новониколаевск, 1925. С. 207.

² Эта вынужденная мера была связана с недостаточным финансированием органов социального обеспечения, размер которого определялся в соответствии с объемом предстоящих работ.

³ КПДА РА. Ф. Р-48. Оп. 1. Д. 1. Л. 79.

Поскольку все население автономии являлось сельским, областной собес приступил к работе по налаживанию деятельности ККОВ. Работа в этом направлении протекала довольно вяло из-за отсутствия грамотных специалистов и достаточных финансовых средств. В деревне практически отсутствовала работа по разъяснению функций комитетов, что выливалось в непонимание их деятельности населением, которое крайне недоверчиво относилось к созданию фондов ККОВ.

Из-за отсутствия прочной связи центра с волостями работа по созданию комитетов велась бессистемно. С целью упорядочения такой деятельности в 1922 г. в области состоялся съезд ККОВ. На съезде был принят ряд решений: усилить популяризацию идей взаимопомощи среди населения, увеличить фонды комитетов, усилить помощь нуждающимся, в особенности семьям красноармейцев и инвалидов, взять на полное иждивение ККОВ всех безродных и беспризорных стариков, сирот, организовав для этой цели детские и инвалидные дома в волостях¹. О результатах принятых решений говорят следующие цифры. С марта 1922 по февраль 1923 гг. ККОВ было собрано 6228 пудов продуктов питания и 16855 рублей. За 1922 г. населению было выдано 500 пудов муки, а также предметов широкого потребления на общую сумму 35 тыс. рублей золотом². Несмотря на эти цифры, президиум Ойротского областного обкома РКП(б) рекомендовал собесу предпринимать больше практических мероприятий для оказания реальной помощи крестьянству³.

В течение 1922 г. велась работа по социальному страхованию. Взимание страховых взносов и обеспечение страховиков было передано из ведения собеса страховой кассе⁴. Данное решение было закреплено на страховой конференции в ноябре 1922 г. К социальному страхованию привлекались и крестьянские комитеты общественной взаимопомощи, если у них имелись наемные служащие⁵. За 1923 г. по автономной области было собрано 43315 рублей страховых взносов, из которых оказана помощь населению на сумму 4964 рубля⁶.

Для эффективного функционирования системы социального обеспечения населения необходимы были крупные капиталовложе-

---

¹ Там же Л. 10-10 об.

² Там же. Л. 12-13.

³ ГАНО. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 498. Л. 46.

⁴ КПДА РА. Ф. Р-48. Оп. 1. Д. 1. Л. 10-10 об.

⁵ ГАРФ. Ф. А-413. Оп. 2. Д. 1647. Л. 183.

⁶ КПДА РА. Ф. Р-48. Оп. 1. Д. 1. Л. 12-13.

ния. Но власти ни в центре, ни на местах подобными возможностями не располагали. Всю сложность ситуации наглядно иллюстрирует письмо заведующего областным собесом тов. Зыкова Наркому соцобеспечения, датированное декабрем 1922 г.: «В виду особо тяжелого положения области вследствие неурожая и разоренности белобандитскими набегами, продолжающимися в течение трех лет [...] население в настоящее время совершенно разорено, скотоводство и пчеловодство до 80% уничтожено, что было основой существования кочевого и полукочевого населения области, которое в настоящее время осталось без всяких средств к существованию. Масса инвалидов, вдов и сирот, для чего необходимо открыть учреждения социального обеспечения, приподнять работу ККОВ, а также и оказание денежной и натуральной помощи пострадавшим. Местных средств совершенно нет, все это вместе взятое лишает возможности облсобес приступить в планомерной организационной работе, не в состоянии развернуть свою деятельность в области организации инвалидов учреждений и в оказании помощи пострадавшим, пока ему не будет оказана помощь извне, почему прошу вашего распоряжения об удовлетворении облсобес материальными и денежными средствами»¹.

На 1923-1924 гг. бюджет областного собеса был урезан на 69% с сокращением по всем статьям. В условиях организационных и финансовых трудностей еще одной проблемой стала ревизия существующих социальных учреждений – Домов старости, инвалидов и создания новых². В апреле 1923 г. на заседании Комиссии по ликвидации последствий голода (Последгол) при облисполкоме был рассмотрен вопрос и принято решение о создании четырех районных Домов инвалидов в Уймоне, Онгудае, Чое и Чулышмане³. В целом по Сибири начался повсеместный пересмотр социального состава призреваемых в Домах инвалидов с целью исключения лиц, не имеющих права на государственное обеспечение. Данные мероприятия, по мнению В.М. Лаврова, позволили за счет освободившихся средств улучшить условия оставшихся на государственном обеспечении в питании и одежде⁴.

В целом инвалиды, помещенные в соответствующие учреждения, были довольно неплохо обеспечены. На одного человека в день при-

¹ КПДА РА. Ф. Р-48. Оп. 1. Д. 1. Л. 79.

² КПДА РА. Ф. Р-458. Оп. 1. Д. 14. Л. 2, 2об.

³ КПДА РА. Ф. Р-33. Оп. 6. Д. 8. Л. 2.

⁴ Сибирь в 1923-1924 году / под ред. В.М. Лаврова. Новониколаевск, 1925. С. 206.

ходило 546 гр. муки, 137 гр. крупы, 102 гр. мяса, 26 гр. жира, по 19 гр. соли и сахара, 410 гр. картофеля, 205 гр. свежих овощей, 3 гр. чаю, ежемесячно выдавалось 410 гр. мыла и 1/8 пог. сажени дров для варки пищи. Каждому инвалиду один раз в год полагалось пальто, пара сапог, фуражка, шаровары, матрас с наволочкой, простынь, одеяло, по два комплекта полотенец, портянок и нательного белья¹.

В 1923 г., согласно распоряжению НКСО, в стране начался пересмотр дел контингента собеса, а также упорядочение делопроизводства в сфере обеспечения. Был более четко разграничен порядок получения пенсий и пособий населением, а также определен круг лиц, имеющих на них право.

Пенсии назначались инвалидам гражданской и империалистической войн первых трех групп инвалидности, их нетрудоспособным вдовам, детям, братьям и сестрам – круглым сиротам до 16-летнего возраста и старше, если они нетрудоспособны, нетрудоспособным родителям, если они находились на иждивении погибшего на войне сына и не имели в своих семьях других трудоспособных членов семьи. Пособие полагалось семьям, у которых кормильцы были призваны в ряды Красной армии, нетрудоспособным женам, детям, братьям и сестрам – круглым сиротам до 16-летнего возраста и нетрудоспособным родителям, если они до призыва находились на иждивении красноармейца. Указанные семьи обеспечивались только в том случае, если они не имели других трудоспособных членов семьи или их материальное положение было затруднительным.

Все претендующие на пенсию или пособие лица должны были подать в органы собеса письменное заявление, приложив к нему ряд документов. Для инвалидов – документ об инвалидности, для вдов, детей, братьев, сестер и родителей – документы о смерти мужа, отца и сына, для семей красноармейцев – удостоверение из воинской части. Кроме перечисленных документов, к заявлению должны были быть приложены справки о семейном и имущественном положении с указанием возраста всех членов семьи, имущественного положения, количества домашних животных, десятин посева и других сведений. Порядок получения пенсии населением был довольно длительным. Пенсии выдавались на местах по кварталам, обычно за 3 месяца вперед. Пенсионеры, по каким-либо причинам не получавшие пенсию

---

¹ КПДА РА. Ф. Р-48. Оп. 1а. Д. 3. Л. 20-20 об.

или пособие в течение трех месяцев, лишались на нее права¹. К 1923 г. в области сотрудниками отдела социального обеспечения было учтено 89 инвалидов и 205 семей красноармейцев².

Летом 1923 г. были внесены изменения в дело социального страхования. В тех местностях, где по техническим причинам была невозможна организация страховых касс, выплата пособий по временной нетрудоспособности и дополнительным видам обеспечения легла на предприятия, учреждения и хозяйства. Выполняя данную функцию, они освобождались от внесения взносов на социальное страхование³. Произошли изменения в работе с инвалидами. С октября 1923 по октябрь 1924 гг., согласно генеральной линии НКСО по максимальному увеличению пенсионирования, уменьшению обеспечения в учреждениях, их укрупнению, количество учреждений для инвалидов по стране уменьшилось на 35%, а число обеспечиваемых – на 16%⁴. В результате к 1924 г. в области осталось всего два подобных учреждения. В них находился 21 человек на полном обеспечении волостных ККОВ. Средняя стоимость содержания одного инвалида составляла 12 рублей в месяц⁵.

Все усилия местные органы власти направили на развитие инвалидной кооперации. Этому способствовало и Постановление НКСО РСФСР от 26 мая 1923 г., устанавливающее порядок организации производственно-потребительских артелей и объединений инвалидов с целью развития отдельных объединений инвалидов, руководства их деятельностью, а также для улучшения их материального положения, увеличения оборотов денежных средств, обеспечения инструментами, сырьем, материалами, продуктами питания и предметами широкого потребления. Финансовая составляющая подобных объединений складывалась из вступительных взносов, годовых отчислений от чистой прибыли отдельных членов объединения, субсидий, прибылей от собственных предприятий, производств, целевых авансов, вкладов,

---

¹ КПДА РА. Ф. П-1. Оп. 1. Д.178. Л. 114-115.

² КПДА РА. Ф. Р-48. Оп. 1. Д. 1. Л. 19.

³ Декрет СНК РСФСР «Об отмене постановлений Совета Народных Комиссаров о выплате предприятиями и учреждениями пособий на дополнительные виды социального обеспечения и о приостановлении действия ст. 5 Декрета об обеспечении рабочих и служащих при временной нетрудоспособности» от 17 июля 1923 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.knukim-edu.kiev.ua/index.php?id=582&view=articles> (дата обращения: 06.06.2011).

⁴ Всероссийское совещание заведующих губернскими отделами социального обеспечения (29-30 апреля 1925 г.). М., 1925. С. 10.

⁵ КПДА РА. Ф. Р-48. Оп. 1. Д. 47. Л. 11-16.

займов, кредитования и случайных поступлений (пожертвований и проч.)¹.

В ходе довольно активной работы по развитию инвалидной кооперации к декабрю 1923 г. по Сибири было организовано 7 губернских объединений инвалидов, в состав которых входили 23 артели с 623 членами. Указанные артели осуществляли деятельность 18 торговых и 43 производственных предприятий². В целом по Ойротии имелось 5 инвалидных артелей («Трудовой инвалид», «Красный Алтай», «Инвалид труда», «Деготь», «Инвалид производит»), объединяющих 120 членов. Специализация таких артелей была самой разнообразной: от сапожного, портновского, столярного, хлебопекарного, кожевенного, бондарного, дегтярно-смолокурного производств до торговли предметами первой необходимости.

Каждая артель имела довольно обширные права: брать заказы и подряды от государственных, общественных учреждений, частных организаций и лиц, производить закупку и хранить сырье, материалы и инструменты, необходимые для производства, составлять капиталы и делать займы, открывать магазины и склады для хранения и сбыта произведенных товаров, вести среди своих членов культурно-просветительную работу. Артель, пользуясь правами юридического лица, освобождалась от всех общегосударственных и местных налогов и сборов.

Для снабжения артелей Ойротии материалами и товарами, необходимыми для производства, в г. Бийске было открыто отделение областного кооперативного объединения инвалидов, которое вело данную работу, попутно осуществляя розничную торговлю в целях самокупаемости. Уже через год начали свою работу две стихийно организованные инвалидные артели: «Июньская» (20 членов) с кожевенным и сельскохозяйственным производством и «Заря» (8 членов) с сапожным, деревообрабатывающим производствами и извозным делом. В 1924 г. областным инвалидным кооперативным объединением был открыт мыловаренный завод, торговая лавка, столовая и буфет³. Артели инвалидов имели в своем распоряжении три торговые лавки, два маслодельных завода, по одной кузнечную, сапожную и бондар-

---

¹ Постановление НКСО РСФСР «О порядке организации производственно-потребительских артелей и объединений инвалидов» от 26 мая 1923 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.knukim-edu.kiev.ua/index.php?id=582&view=articles> (дата обращения: 06.06.2011).

² ГААК. Ф. Р-18. Оп. 3. Д. 137. Л. 8-9.

³ КПДА РА. Ф. Р-48. Оп. 1. Д. 47. Л. 4.

ную мастерские, две столярные мастерские, одну зерносушилку, арендовали механический лесопильно-клепочный завод. Общий состав членов инвалидной кооперации составлял 70% инвалидов и 30% не инвалидов, по социальному положению бедняков¹.

К 1925 г. уже в девять артелей было кооперировано 110 человек², но даже эти цифры признавались низкими в вопросе инвалидного кооперирования и объяснялись достаточно просто: отсутствием средств, опытных работников и территориальной разбросанностью инвалидов друг от друга. Подобная ситуация сложилась в целом по Сибири. Именно поэтому НКСО настойчиво рекомендовал всем заведующим окружными, губернскими и областными собесами по стране выдвинуть на первый план вопросы трудового устройства инвалидов в форме кооперирования, провести организационное и материальное укрепление артелей³. В этом же году в Сибири началось полное обследование кооперативных объединений инвалидов⁴. Проверка показала, что в большинстве артелей отсутствовало правильное ведение документооборота, число здоровых членов превышало число инвалидов на 50%, материальная база кооперативных объединений слаба, а производство убыточно⁵.

Сельское население продолжало обеспечиваться через крестьянские комитеты общественной взаимопомощи. В 1924 г. по области функционировали 10 волостных и 88 сельских ККОВ. В собственности или на условиях аренды комитеты имели 23 предприятия, 172 головы различного скота и 140 десятин посева⁶. В условиях, когда открываемые в центре кредиты покрывали лишь 30% необходимых расходов, главным направлением деятельности ККОВ стало оказание помощи беднейшему населению хлебом, скотом, трудовой помощью по уборке и запашке полей, починке жилищ, вывозе леса⁷. За 1924 г. в целом по области комитеты оказали помощь 542 семьям на сумму 5412 руб. 97 коп., содержали два учреждения для беспризорных стариков на 23 взрослых и 50 детей, оказывали помощь школам, избам-читальням, фельдшерским пунктам⁸.

¹ ГАНО. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 1250. Л. 15.

² КПДА РА. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 178. Л. 104-105.

³ ГАНО. Ф. Р-574. Оп. 1. Д. 2. Л. 12, 13.

⁴ Там же. Л. 14.

⁵ Там же. Л. 26.

⁶ КПДА РА. Ф. Р-48. Оп. 1. Д. 44. Л. 83-83 об.

⁷ КПДА РА. Ф. Р-48. Оп. 1. Д. 47. Л. 11-16.

⁸ Там же. Л. 83-83 об.

На состоявшемся 28-29 февраля 1924 г. пленуме Алтайского губернского комитета крестьянской взаимопомощи было особо отмечено, что работа в данной сфере на территории губернии протекает неодинаково, было принято решение обратить самое пристальное внимание на культурно-просветительную работу, вовлекая в нее женщин, а также принять меры к сплочению вокруг комитетов бедняков и батраков¹.

В целом население довольно доброжелательно относилось к делу организации комитетов, однако их положение на местах в материальном отношении продолжало оставаться неустойчивым, не хватало грамотных технических сотрудников. Для дальнейшего развития и укрепления работы ККОВ было необходимо теснее увязать их деятельность с различными государственными учреждениями, волостными исполнительными комитетами, собесом, укрепить фонды комитетов, а также заняться популяризацией идей взаимопомощи².

На прошедшем в мае 1924 г. втором Сибирском областном совещании работников социального обеспечения, созванном по инициативе Управления Уполномоченного НКСО по Сибири в Новониколаевске, были четко обозначены реальные проблемы и ближайшие задачи в вопросе социального обеспечения населения. В частности, причинами «громадного» количества нуждающихся были названы экономическая разруха в стране и отсутствие средств у государства³. В этом же году на одном из пленарных заседаний Ойротского областного комитета общественной взаимопомощи представители аймачных комитетов отметили проблемы, сложившиеся на местах. Это частая смена технических работников, их неграмотность, недостаточный интерес к работе сельских комитетов со стороны волостных исполнительных комитетов, недостаток финансирования⁴. Эффективность решения обозначенных проблем, в первую очередь, зависела от решения кадровой проблемы. Однако ее решение было частичным. Например, в сентябре 1924 г. на должности председателей аймачных комитетов общественной взаимопомощи облисполкомом были назначены молодые специалисты - 5 курсантов, окончивших партшколу I ступени.

---

¹ Красный Алтай. 1924. 12 марта.

² ГАНО. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 1079. Л. 129; ГААК. Ф. Р-18. Оп. 3. Д. 137. Л. 12-13.

³ ГААК. Ф. Р-18. Оп. 3. Д. 137. Л. 10.

⁴ КПДА РА. Ф. Р-48. Оп. 1. Д. 47. Л. 61-63.

В январе 1925 г. было введено пенсионное обеспечение для работников просвещения за выслугу лет. Право на пенсию имели учителя школ I ступени, руководители изб-читален, библиотекари, учителя низших сельскохозяйственных школ и педагогический персонал детских домов. Перечисленные категории приобретали право на получение пенсии после 25 лет работы в должности. Лица, имеющие право на пенсию, но продолжающие работать, получали половину пенсии. В случае смерти пенсионера, право на ее получение приобретали члены семьи, находящиеся ранее на иждивении пенсионера и не имеющие достаточно средств для жизни: не достигшие 16-летнего возраста, а также нетрудоспособные дети, братья и сестры, нетрудоспособные родители и супруг. Нетрудоспособному супругу пенсия выдавалась в размере половины полного оклада пенсии, остальным – в размере четверти оклада¹. В целом по стране средний размер пенсии составлял 20 рублей в месяц.

К весне 1925 г. сузился контингент лиц, обеспечиваемых за счет государства, а также произошло укрепление финансового положения собесов. Отбор лиц, подлежащих государственному обеспечению, возлагался на органы социального страхования и проводился на местах специально созданными комиссиями из представителей профсоюза, органов социального обеспечения и социального страхования. Лица, обеспечение которых было передано в органы социального страхования, получали пенсию по общим нормам, установленным для инвалидов, утративших трудоспособность по болезни или старости. С этого же времени расходы на социальное обеспечение должны были составлять от 3 до 5% от общей суммы местного бюджета. На инвалидов войны планировалось расходовать 25% местного бюджета².

29-30 апреля 1925 г. в Москве состоялось Всероссийское совещание заведующих губернскими отделами социального обеспечения, на котором были определены ближайшие задачи – продвижение гос-обеспечения в деревню, дальнейшее развитие кооперации инвалидов

---

¹ Постановление ЦИК СССР и СНК СССР «О пенсионном обеспечении учителей школ I ступени сельских и городских и др. работников просвещения в деревне» от 15 января 1925 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.knukim-edu.kiev.ua/index.php?id=582&view=articles> (дата обращения: 06.06.2011).

² Постановление ЦИК СССР и СНК СССР «Об обеспечении инвалидов гражданской войны из числа рабочих и служащих, а также семейств рабочих и служащих, погибших в гражданской войне» от 30 января 1925 г., Постановление ЦИК СССР и СНК СССР «О порядке обеспечения инвалидов войны» от 31 марта 1925 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.knukim-edu.kiev.ua/index.php?id=582&view=articles> (дата обращения: 06.06.2011).

и крестьянской взаимопомощи. На совещании было решено усилить работу собеса в деревне, а также установить его более тесную связь с ККОВ¹.

В целом по стране органы собеса были должны в короткие сроки ликвидировать задолженности по пенсиям, довести нормы пенсионного обеспечения до размеров, указанных НКСО, урегулировать с органами здравоохранения вопрос об оказании контингенту собеса квалифицированной медицинской помощи, наладить работу специальных учреждений для инвалидов².

В сентябре 1925 г. было утверждено «Положение о крестьянских обществах взаимопомощи». Эти общества были обязаны осуществлять социальное обеспечение семей военнослужащих, инвалидов, бедняков, помогать в содержании инвалидных учреждений, больниц, школ, детских домов, яслей и т.д. В феврале 1926 г. в Москве было созвано совещание Наркомов социального обеспечения союзных и автономных республик, на котором определена организационная структура крестьянских обществ взаимопомощи, приняты единообразные формы трудового устройства инвалидов. В этом вопросе важную роль сыграло создание специальных обществ: в 1925 г. – Всероссийского общества слепых, в 1926 г. – Всероссийского общества глухонемых.

В октябре 1925 г. Управление Уполномоченного НКСО по Сибири рекомендовало краевым собесам «сжать» контингент, проверив его имущественное состояние, особое внимание уделив кооперированию, что позволило бы повысить пенсии оставшемуся на обеспечении контингенту³. В целом ситуацию в социальной сфере в 1925 г. охарактеризовал в докладной записке в Сибкрайком ВКП(б) уполномоченный НКСО по Сибири А. Новиков, отметивший, что работа собеса, ККОВ и инвалидной кооперации «протекала в жалком, абсолютно одиноком положении». Уполномоченный отметил, что органы власти на местах всю работу всю работу в социальной сфере свели к казенной бюрократической бумажной переписке. Работа с инвалидами проводится недостаточная, нет точного учета и правильного назначения пенсий, а инвалидные дома находятся в тяжелых условиях⁴.

---

¹ Всероссийское совещание заведующих губернскими отделами социального обеспечения (29-30 апреля 1925 г.). М., 1925. С. 19.

² ГАНО. Ф. Р-574. Оп. 1. Д. 2. Л. 13-13 об.

³ Там же. Л. 15, 16.

⁴ Там же. Л. 19-20, 141.

Постепенно расходы по пенсионированию инвалидов на селе были переданы местному бюджету. Так, если в 1926-1927 гг. в Горном Алтае на пенсии из местного бюджета было выделено всего 755 руб., то в 1927-1928 гг. эта сумма увеличилась до 1500 руб., к 1928-1929 гг. составив 31 тыс. руб. К 1929 г. доля государственных средств в обеспечении пенсиями населения составила примерно 25%¹.

В марте 1926 г. функции НКСО по сравнению с началом 1920-х гг. значительно расширились. Основные направления деятельности Наркомата заключались в организации общественной взаимопомощи крестьянству, государственной и общественной взаимопомощи различным категориям населения, организации и руководстве сетью учреждений социального обеспечения, инвалидов организаций. В непосредственном распоряжении НКСО находились Центральный Крестьянский Комитет общественной взаимопомощи и Всероссийское Объединение инвалидов. В подчинение органов социального обеспечения на местах отошли крестьянские комитеты общественной взаимопомощи и объединения инвалидов².

В 1926 г. был осуществлен переход от одинаковых размеров пенсий по инвалидности и по случаю потери кормильца к начислению пенсий от заработка. В 1927 г. в СССР впервые были введены пенсии по старости независимо от состояния здоровья и трудоспособности³, таким образом, официально государством было признано о необходимости заботы о престарелых. С сентября 1929 г. началась серьезная реорганизация социального страхования. Государством начали «приниматься меры по более рациональному использованию страховых средств, с тем, чтобы система социального страхования строилась не только исключительно на прямых денежных выплатах..., но и ориентировалась на коллективные формы социальной помощи нетрудоспособным, в особенности на развитие системы трудового устройства»⁴.

Таким образом, в 1920-е гг. социальная политика в Горном Алтае осуществлялась в русле общесоюзных тенденций. Государство, обозначив классовый принцип социальной помощи населению, деятельность в этой сфере осуществляло по трем направлениям: государст-

---

¹ КПДА РА. Ф. Р-33. Оп. 6. Д. 4. Л. 42.

² Декрет ВЦИК, СНК СССР «Об утверждении Положения о Народном Комиссариате Социального Обеспечения» от 15 марта 1926 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.knukim-edu.kiev.ua/index.php?id=582&view=articles> (дата обращения: 06.06.2011).

³ Коржихина Т.П. История государственных учреждений СССР. М., 1986. С. 109.

⁴ Фогель Я. М. Социальное обслуживание инвалидов. М., 1986. С. 15.

венное социальное обеспечение военнослужащих, членов их семей через государственные органы социального обеспечения за счет средств государственного и местных бюджетов; государственное социальное страхование рабочих и служащих по линии профсоюзов за счет обязательных страховых взносов предприятий, учреждений, организаций и дотаций из средств госбюджета; социальное обеспечение колхозников через специальные общественные организации за счет отчислений от доходов членов колхозов и также государственных дотаций. Общая тенденция в большевистской политике по социальной помощи была связана с выстраиванием социальной опоры власти посредством социального обеспечения определенных категорий населения.

На практике в условиях национального региона – Горного Алтая, реализация основных принципов советской социальной политики имела свою специфику. Отсутствие необходимых материальных и людских ресурсов, опыта организации социального обеспечения населения, а также трудности становления национальной автономии обусловили то, что зачастую работа велась бессистемно, периодически, без должного взаимодействия различных учреждений и служб. Тем не менее, советская социальная политика 1920-х гг. позволила поддержать значительную часть населения в условиях послевоенных разрухи и голода, заложив основу системы государственной социальной защиты населения.

Глава II. Пути решения продовольственного вопроса в 1917-1929 гг.

*В годы нэпа.
Фотография 1920-х гг.*

После установления советской власти в России первоочередной задачей нового правительства стало решение острого продовольственного кризиса. Понимая, что имеющихся продовольственных фондов на всех не хватит, руководство страны уже в

первые месяцы после прихода к власти определяет чрезвычайные меры в решении продовольственного вопроса. В условиях гражданской войны и политики «военного коммунизма» в сельском хозяйстве страны была введена продразверстка, которая запрещала хлебную торговлю, а все излишки хлеба изымались государством. В январе 1918 г. была образована Чрезвычайная комиссия по продовольствию под руководством Л.Троцкого, которой поручался непосредственный контроль над упорядочением продовольственного дела. Комиссии предоставлялись неограниченные полномочия по принятию экстренных мер в этих целях¹. В мае 1918 г. для успешной борьбы с продовольственным кризисом народный комиссар по продовольствию был наделен чрезвычайными полномочиями². В стране была установлена продовольственная диктатура. Уже в марте 1919 г. в проекте программы РКП(б), рассмотренной на VIII съезде партии, была определена основная задача в области продовольственной политики – продолжать замену торговли планомерным, организованным в общегос-

¹ Постановление СНК «Об образовании Чрезвычайной комиссии по продовольствию» от 31 января (13 февраля) 1918 г. // Декреты Советской власти. Т. 1. 25 октября 1917 г. – 16 марта 1918 г. М., 1957. С. 459-460.

² Декрет ВЦИК и СНК «О чрезвычайных полномочиях народного комиссара по продовольствию» от 13 мая 1918 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.knukim.edu.kiev.ua/index.php?id=582&view=articles> (дата обращения: 06.06.2011).

сударственном масштабе распределением продуктов питания¹. Продовольственное снабжение населения планировалось осуществлять через довольно разветвленную сеть².

Между тем положение в стране становилось катастрофическим. Вслед за нарастанием продовольственных трудностей участились забастовки рабочих. Кризис охватил практически все отрасли промышленности, транспорт, сельское хозяйство. Во многих регионах страны обстановка была чрезвычайной. В Горный Алтай в военные годы пришли неурожай, падеж скота, голод и эпидемии. Особенно сильно пострадало животноводство, традиционно являющееся основой жизнеобеспечения населения. Пытаясь хоть как-то решить продовольственные вопросы, 8 января 1919 г. Бийский продовольственный комитет направил в распоряжение Улалинского районного революционно-

---

¹ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 2. 1917-1922 гг. М., 1983. С. 88.

² В 1920 г. был образован Народный комиссариат продовольствия, ставший держателем продовольственного фонда в стране. В его функции входили заготовка продуктов сельского хозяйства, выполнение других заготовительных заданий по особым постановлениям ВЦИК и СНК, распределение заготовленных и произведенных государственными органами продуктов питания и предметов первой необходимости среди населения через свои органы и потребительскую кооперацию. На местах такими органами выступали продовольственные отделы губернских и уездных исполнительных комитетов. К ведению данных органов относилось выполнение заготовительных заданий центральной власти, общее руководство заготовительной деятельностью кооперативных организаций на местах, контроль за ее осуществлением, общее руководство и контроль за распределением продуктов питания и предметов первой необходимости.

Решение проблем, связанных со снабжением и питанием населения на местах было возложено на революционные комитеты – временные чрезвычайные органы советской власти. Еще в 1919 г. на территории Сибири был организован Сибирский революционный комитет (Сибревком), в рамках своих компетенций занявшийся организацией продовольственного снабжения населения через разветвленную сеть ревкомов. В составе Сибревкома на совещании губернских продовольственных комиссаров 4 апреля 1920 г. в Омске был образован Сибирский продовольственный комитет (Сибпродком). Возглавлял Сибпродком уполномоченный Наркомата продовольствия РСФСР по Сибири. Сибпродком руководил заготовками и распределением по Сибири продовольствия, фуража, промышленных товаров, сельхозинвентаря, перевозкой продовольственных грузов, отправкой продовольствия в центральную Россию. На территории Алтайской губернии исполнительным органом Сибпродкома являлся Алтайский губернский продовольственный комитет, осуществляющий хлебную монополию, проводивший продрозверстку и сельскохозяйственные заготовки, занимающийся распределением продовольственных и промышленных товаров среди населения губернии по нарядам Наркомпрода РСФСР и Сибпродкома. Губернский продовольственный комитет осуществлял руководство уездными продовольственными комитетами, заготовительными конторами и предприятиями, перерабатывающими сельскохозяйственное сырье. На территории Горного Алтая данная функция была возложена на три районных ревкома – Улалинский, Онгудай-Шебалинский и Уймонский с непосредственным подчинением Бийскому ревкому. При районных ревкомах организовывались комиссариаты продовольствия.

го комитета 7 тонн пшеничной муки, 1,6 тонн соли, 1 ящик чая. Бийский уездный ревком, в свою очередь, издал приказ об обмолоте хлеба в степных волостях и его отправке в районы Горного Алтая. Потребность в продовольствии удовлетворялась и за счет перераспределения продуктов между волостями. Однако принимаемые меры были недостаточными.

К 1920 г. на долю Горного Алтая приходилось 9,5% скота, имеющегося в губернии, таким образом, хозяйства региона в среднем потеряли треть поголовья скота по сравнению с 1917 г. Посевные площади сократились на 11,9%, часть хозяйств осталась без сельскохозяйственного инвентаря, упала их промысловость¹. В отличие от оседлых, кочевые и полукочевые хозяйства вышли из гражданской войны более ослабленными. Об этом сообщали с мест партийные работники в своих докладных записках. Так, в январе 1920 г. представитель Уймонского районного революционного комитета докладывал, что советская работа осложнялась здесь «полным разрушением алтайских хозяйств и вытекающей отсюда необходимостью немедленного выяснения и решения вопроса о дальнейшем сосуществовании алтайцев»². В Бийский уездный революционный комитет срочно сообщалось: «...Алтай в значительной части пострадал от белых банд, разорен, некоторые селения выжжены, а помощь населению почти не оказывалась, сплошь и рядом встречаются семьи буквально голые...»³. Давая общую характеристику сельского хозяйства, земельный отдел уездного ревкома констатировал, что «существующее состояние скотоводства, конечно, не может обеспечивать существование алтайцев-кочевников», тем более, что «вторая отрасль хозяйства, которая составляла около половины бюджета инородцев – охота, находится еще в худшем положении»⁴.

К 1920 г. произошло увеличение бедняцких хозяйств более, чем в 1,5 раза по сравнению с 1917 г. Почти до 80% поднялось количество хозяйств без рабочего скота и до 40% - бескоровных хозяйств⁵. До-

---

¹ Торушев Э.Г. Уровень жизни сельского населения Горного Алтая с периода новой экономической политики до 1940 г. // Этносоциальные проблемы регионов Сибири. Вып. 15. Горно-Алтайск, 2010. С. 89-90.

² Екеева Н.М. Горный Алтай в 1922 – 1929 гг. // Горный Алтай в конце XIX – начале XX веков. Горно-Алтайск, 1997. С. 21.

³ КПДА РА. Ф. Р-458. Оп. 1. Д. 31. Л. 3.

⁴ Болдуев А.А. Первая продналоговая кампания в Горном Алтае // Вопросы истории Горного Алтая. Барнаул, 1978. С. 21-22.

⁵ КПДА РА. Ф. Р-5. Оп. 1. Д. 179. Л. 18.

вольно сильно подорвал экономику региона и неурожаем 1920 г. П.Я. Гордиенко позднее писал: «Разруха крепко дала почувствовать себя в Горном Алтае. Жители разоренных аилов вымирали от голода...»¹. Дефицит хлеба исчислялся в 298 тыс. пудов².

По данным 1920 г. в Горном Алтае наблюдалось дальнейшее падение сельскохозяйственного производства, экономический упадок сопровождался уничтожением и разорением целых селений. Население большинства волостей голодало. Например, в Успенской волости в начале 1920 г. голодало три четверти населения, две трети населения Чемальской волости не имели хлеба. Особенно тяжелой была ситуация в национальном Кош-Агаче. Побывавший там летом 1920 г. член Горно-Алтайского оргбюро РКП(б) А. Иванов сообщал, что «население всего района ограблено, сидит без хлеба, соли, одежды, постройки сожжены»³. Постоянное недоедание вело к ухудшению здоровья населения, появлению многих заболеваний.

В апреле 1920 г. СНК РСФСР в целях единообразного распределения продуктов питания среди работающего населения страны ввел трудовой продовольственный паек и установил месячную норму потребления на одного человека (без различия возраста): 12,3 кг муки, 6,1 кг мяса, 1,2 кг масла, 1,6 кг соли, 1/8 кирпича чая, 205 гр. мыла, 1 коробка спичек и 2 кг сала для освещения⁴. Были выделены три группы лиц, могущих получать паек: первая - рабочие физического труда, вторая - лица, занятые умственным и конторским трудом, третья - лица, занятые в частных предприятиях, учреждениях и хозяйствах, не эксплуатирующие чужой труд. Не работающие граждане права на продовольственный паек не имели.

Специальные нормы снабжения были установлены для рабочих и служащих, работающих на предприятиях, имеющих важное государственное значение, для рабочих вредных или особо тяжелых производств, а также для лиц, особо квалифицированных видов умственного труда. При этом отдельные группы лиц могли быть переведены из одной категории в другую. По нормам второй группы снабжались инвалиды, лица, занятые уходом за ребенком до 12 лет, ведущие хозяйство в семье, состоящей не менее, чем из трех лиц, учащиеся старше

---

¹ Гордиенко П.Я. Ойротия. Горно-Алтайск, 1994. С. 97.

² Демидов В.А. Боевая молодость. Горно-Алтайск, 1963. С. 34.

³ Гончарова О.А. Горный Алтай: история народной медицины и здравоохранения. Томск, 2008. С. 77.

⁴ КПДА РА. Ф. Р-12. Оп. 1. Д. 22. Л. 8-8 об.

16 лет, беременные женщины, начиная с 5 месяца. По нормам третьей – безработные, имеющие право на пособие по безработице, ремесленники, кустари. Дети до 16 лет снабжались по особым нормам, но не менее норм первой группы¹. Изменения в данный декрет были внесены осенью 1920 г. Для рабочих и служащих, занятых тяжелым физическим трудом, нормы пайка увеличивались. Первоочередность в снабжении устанавливалась по принципу ударности, вводился порядок натурального премирования труда рабочих и служащих. Были уравнены нормы пайка для первой и второй групп². Несмотря на фиксированность, нормы пайка в регионах страны в зависимости от имеющихся ресурсов все же могли меняться. Например, в июне 1920 г. Шебалинский районный продовольственный комитет³ увеличил норму муки до 14,7 кг для служащих и 18,4 кг для рабочих⁴. Кроме муки, в месячный паек рабочих и служащих района входили 1,2 кг мяса, 1 коробка спичек, 51 гр. мыла, 153 гр. сахара, 51 гр. дрожжей⁵.

Особое внимание уделялось снабжению категории не сеющего населения на селе. К ней были отнесены безземельные крестьяне-батраки, рабочие кустарного и ремесленного промысла и их артели, кустари-ремесленники, работающие единолично и не использующие наемный труд, семьи рабочих, занятых в промышленности, на общегосударственных предприятиях и заготовках, служащие местных советских учреждений, земледельцы, состоящие на инвалидности и не имеющие хлебных запасов, лица, прибывшие в деревню на временное жительство или в командировку, крестьяне, пострадавшие от контрреволюции и лишившиеся продовольственных запасов⁶. Именно для этого контингента в конце апреля 1920 г. Алтайский губернский про-

---

¹ Декрет СНК РСФСР «О введении трудового продовольственного пайка» от 30 апреля 1920 г. // Декреты Советской власти. Т. 8. Апрель-май 1920 г. М., 1976. С. 131-136.

² Постановление СНК «О порядке обеспечения рабочих и служащих продовольственным пайком и о натуральном премировании труда служащих» от 6 ноября 1920 г. // Декреты Советской власти. Т. 11. Октябрь-ноябрь 1920 г. М., 1983. С. 190-193.

³ В 1920 г. на территории Горного Алтая функционировало два районных продовольственных комитета: Усть-Канский и Шебалинский. 18 ноября 1920 г. они были слиты в Горно-Алтайский районный продовольственный комитет с временным центром в с. Шебалино. В пределах Шебалинской волости снабжением населения продовольствием занималась созданная в 1920 г. организация Райпродукт. В июне 1920 г. Райпродукт был упразднен, а его функции переданы отделению Горсоюза // ГААК. Ф. Р-28. Оп. 1. Д. 269. Л. 87.

⁴ КПДА РА. Ф. Р-12. Оп. 1. Д. 5. Л. 49.

⁵ Там же. Л. 65.

⁶ Местным революционным комитетам предоставлялось право включения в данную категорию и других групп населения по своему усмотрению.

довольственный комитет определил порядок снабжения хлебными продуктами. Указанные группы и их семьи снабжались из расчета 10,2 кг муки (или 14,3 кг зерна) и 1,2 кг крупы в месяц. При отсутствии крупы производилась ее замена мукой в размере 2 кг¹. Снабжение производилось в порядке перераспределения, т.е. передачи части излишков продуктов сеющего населения не сеющему.

Выдача продуктов питания осуществлялась двумя способами: непосредственно от производителя потребителю (при небольшом числе не сеющего населения), либо через местные потребительские общества по специальным ордерам революционных комитетов². При отсутствии мяса, крупы и других продуктов могла производиться их замена мукой в двойном размере. Все другие нормированные продукты и товары (чай, кофе, мыло, соль, сахар и др.) отпускались населению строго по карточкам³.

*Приготовление сыра.
Фотография 1920-х гг.*

Мука на местах распределялась, в основном, среди русского населения, поскольку «инородцы не предъявляли на таковую особых претензий». Питание алтайцев состояло из ячменной муки, подмешанной в чай (толкан), изготовленного из молока сыра (курут) и в редких случаях мяса⁴. Губернский центр предпочитал не вмешиваться

в распределение продуктов питания на местах, предоставляя районным продовольственным комитетам право самим регулировать данные проблемы и ограничиваясь указаниями о том, что инородцы снабжаются наравне со всеми гражданами.

В июне 1920 г. снабжение волостей Горного Алтая, лежащих к югу от с. Шебалино (Шебалинской, Онгудайской, Чибитской, Ула-

¹ КПДА РА. Ф. Р-12. Оп. 1. Д. 8. Л. 95.

² Там же. Л. 95.

³ КПДА РА. Ф. Р-12. Оп. 1. Д. 1. Л. 42 об.

⁴ Социальная история Горного Алтая в документах и материалах. Горно-Алтайск, 2010. С. 16.

ганской, Туектинской, Кош-Агачской) было передано открывшемуся отделению Горсоюза. Данной организации были переданы продовольствие и товары, находящиеся в ведении районного продовольственного комитета и предназначенные для распределения среди населения. Остальные волости, лежащие к северу от с. Шебалино, а также Усть-Канский район, снабжались непосредственно из г. Бийска. Их снабжение являлось довольно проблематичным и затратным делом. Разбросанность волостей, отсутствие удобных путей сообщения, удаленность от железной дороги и г. Бийска потребовали решения вопроса о создании в Шебалинском районе собственного транспорта. По мнению районного продовольственного комиссара, на первое время было необходимо 300 подвод. Требовал решения и вопрос об открытии в г. Бийске склада в качестве передаточного пункта. В последующем он был организован в виде представительства при Бийском Горсоюзе.

Перебои с хлебом были постоянными, а нормы его выдачи сокращались. К примеру, в качестве экстренной меры в Алтын-Кольской волости была введена половинная норма выдачи хлеба населению¹.

В сентябре 1920 г. в целях более планомерного и упорядоченного снабжения различных групп населения по Сибири в целом были определены четкие виды снабжения: по нарядам, сметам и путем перераспределения. По нарядам Сибирского продовольственного комитета снабжались служащие и рабочие водного транспорта, железных дорог, военные, милиция, части Губвоенкомата. В сметном порядке - население Усть-Канского и Шебалинского районных продовольственных комитетов. В порядке перераспределения - группы сельского не сеющего населения.

В декабре 1920 г. на совместном заседании Горно-Алтайского районного продовольственного комитета и уездного революционного комитета было признано, что положение в с. Алтайское по вопросу обеспечения рабочих и служащих продуктами питания и предметами первой необходимости «в высшей степени печальное», поскольку учреждения ничего не могут достать, а сотрудники и их семьи голодают. Сложившаяся ситуация объяснялась просто: не налаженностью

---

¹ История Горного Алтая. В трех томах. Т. 2. 1900-1945 гг. / под ред. Н.М. Екеевой, Н.Ф. Иванцовой. Бийск, 2000. С. 118.

работы местного кооператива¹. В центральных районах страны хотя бы частично данную проблему решало общественное питание. Работающее население при условиях выработки норм производства или отсутствии прогулов могло питаться в общественных советских столовых. При этом принятые нормы питания в подобных учреждениях являлись дополнительным пайком к основному². В Горном Алтае подобных заведений не было.

Всю специфику и круг решаемых проблем как нельзя лучше отражает отчет за 1920 г. Горно-Алтайского районного ревкома в Бийский уездный ревком, из которого следует, что Горный Алтай в силу ряда обстоятельств оказался предоставлен самому себе. Регион остался без денег и продуктов питания. Получаемых продуктов и товаров хватало на половину запланированного для потребления срока. Между тем руководству на местах было известно, что Бийск получал и имел достаточное количество финансов и продуктов питания. Дело, по мнению В.А. Демидова, «осложнялось тем, что председатель Горно-Алтайского ревкома В.И. Плетнев нередко игнорировал распоряжения не только Бийского ревкома, но и приказы, исходившие от имени губернских органов власти»³. Трения между Бийском и Горным Алтаем вызывали недовольство населения, причем это недовольство переходило в недоверие к политике советской власти. Население отказывалось выполнять разверсточные задания, оказывало сопротивление продорганам, резало скот, откочевывало за границу.

В январе 1921 г. Народный комиссариат продовольствия принял меры к усилению снабжения инвалидов: перенес их из третьей во вторую очередь, приравнял снабжение инвалидов в инвалидных домах первой категории к больничной норме. Снабжение инвалидов войны и труда, не живущих в домах инвалидов, было приравнено к нормам снабжения лиц, занятых физическим трудом⁴. С февраля 1921 г. согласно постановлению СНК Народный комиссариат продовольствия на местах был обязан выделять особые фонды из продовольственных ресурсов губерний для питания больных и детей⁵.

---

¹ КПДА РА. Ф. Р-12. Оп. 1. Д. 22. Л. 52.

² ГААК. Ф.Р-28. Оп. 1. Д. 269. Л. 78.

³ Демидов В.А. К социализму, минуя капитализм. Очерк социалистического строительства в Горно-Алтайской автономной области. Новосибирск, 1970. С. 68.

⁴ ГАРФ. Ф. А-413. Оп. 2. Д. 809. Л. 16.

⁵ Постановление СНК «Об обеспечении продовольствием и предметами первой необходимости всех лечебных учреждений и учреждений по охране материнства и младенчества, школ и

К 1921 г. крестьянские хозяйства Ойротии практически не имели запасов продовольствия, до минимума сократилось поголовье скота. Чтобы хоть как-то стабилизировать ситуацию 9 февраля 1921 г. уездный ревком создал чрезвычайную комиссию, которая должна была организовать питание «тридцатитысячного голодающего инородческого населения», переведя его на больничный паек. Из общего распределения были изъяты все диетические продукты. Яйца, яичный порошок «эгго», птица и дичь, сгущенное молоко, какао, манная крупа, рис, клюквенный экстракт, клюква, картофельная мука, мед, желатин, получаемые по нарядам из центра, а также имеющиеся среди запасов на местах, распределялись между детьми и больными согласно нормам и потребностям¹. На нужды больных было отпущено 491 кг муки, 246 кг мяса, 49 кг масла и 33 кг крупы из дотационного фонда².

В качестве дополнительной меры органами власти предполагалось проводить регулярную раздачу продовольствия нуждающимся с привлечением в мобилизационном порядке русского населения, а также прибегать к помощи населения при выпечке и доставке хлеба. Одновременно с раздачей продовольствия намечалась культурно-просветительская работа, способствовавшая укреплению Советов в Горном Алтае.

Однако общий недостаток хлеба и продуктов питания свел акцию лишь до оказания экстренной продовольственной помощи голодающему алтайскому населению. Н.А. Шипилова главную причину создавшейся ситуации видела в продрозверстке, «поскольку весной у крестьян был конфискован даже семенной фонд, а в стране отсутствовали продовольственные резервы»³. Не имея продовольственных резервов, государство в феврале 1921 г. все же повысило продовольственные пайки для служащих отдельных учреждений и предприятий⁴.

Именно в это время в Алтайский губернский продовольственный комитет со всех частей губернии, в том числе из Горного Алтая, стали стекаться жалобы о нехватке или даже отсутствии продовольст-

---

детских учреждений» от 8 февраля 1921 г. // Декреты Советской власти. Т. 13. 1 февраля – 31 марта 1921 г. М., 1989. С. 48-49.

¹ Краткий обзор о работе Комиссии ВЦИКа по улучшению жизни детей. М., 1921. С. 31.

² КПДА РА. Ф. Р-63. Оп. 1. Д. 2. Л. 29.

³ Шипилова Н.А. Западносибирская кооперация в период НЭПа // Алтайская деревня: история, современное состояние, перспективы развития. Горно-Алтайск, 2004. С. 109.

⁴ ГАРФ. Ф. А-413. Оп. 2. Д. 809. Л. 8.

вия¹. Вся ответственность за сложившуюся ситуацию была возложена на сельские советы, которым губернским исполнительным комитетом было рекомендовано впредь аккуратнее снабжать население деревни².

Ситуацию с продовольственным снабжением населения, особенно на селе, никак не удавалось переломить. Советские реалии заставили большевиков пересмотреть основы политики военного коммунизма и перейти к нэпу. В условиях новой экономической политики предполагалось, что крестьяне смогут распоряжаться излишками производимой ими сельскохозяйственной продукции, тем самым, улучшив свое питание³. Однако в Горном Алтае даже эти меры не позволили сразу решить продовольственный вопрос. В рамках помощи «инородческому населению» в апреле 1921 г. Горно-Алтайский ревком предложил Туектинскому и другим волостным ревкомам обеспечить инородцев из запасного фонда по месячной норме⁴, а также принять самые экстренные меры по снабжению инородцев продовольствием на будущее⁵.

Неурожай 1921 г. резко ухудшил продовольственное положение страны в целом. В июле 1921 г. была организована Центральная комиссия помощи голодающим при ВЦИК как координирующая организация по борьбе с голодом⁶. Особое внимание комиссия уделяла помощи сельскому населению в проведении сева.

Решалась семенная проблема и в Горном Алтае. Государство отпустило уезду 62 тыс. пудов семян⁷, благодаря чему удалось засеять 60 тыс. десятин вместо 46 тыс.⁸ С целью обеспечения семенами малоимущих крестьян волостные и сельские ревкомы организовали общественные амбары и внутреннее перераспределение семенного материала между домохозяевами. На это кулаки ответили скрыванием семенного хлеба и организацией открытых выступлений против власти⁹.

---

¹ Бюллетень постановлений и распоряжений Алтайского губернского исполнительного комитета. 1921. 17 февраля.

² КПДА РА. Ф. Р-12. Оп. 1. Д. 16. Л. 3.

³ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 2. 1917-1922 гг. М., 1983. С. 370-371.

⁴ Болдуев А.А. Горный Алтай в период военного коммунизма // Вопросы истории Горного Алтая. Вып. 1. Горно-Алтайск, 1979. С. 90.

⁵ Гончарова О.А. Горный Алтай: история народной медицины и здравоохранения. Томск, 2008. С. 83.

⁶ Постановление Президиума ВЦИК об утверждении Центральной комиссии ВЦИК помощи голодающим // Декреты Советской власти. Т. 17. Июль 1921 г. М., 2006. С. 115-116.

⁷ КПДА РА. Ф. Р-12. Оп. 1. Д. 204. Л. 194.

⁸ ГАНО. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 261. Л. 2.

⁹ Алтай в восстановительный период. Сборник документов. Барнаул, 1960. С. 64.

Проведению посевной кампании способствовала также организация прокатных пунктов сельхозинвентаря в селах Алтайском, Улале, Черге, Ильинском и Уймоне. В результате, если в целом по стране, в том числе и в Алтайской губернии, посевные площади яровых культур по сравнению с 1920 г. сократились, то в Горном Алтае они были, в основном, сохранены. По данным Горно-Алтайского продовольственного комитета, на 1 августа 1921 г. засев полей в его районе составил 97% от установленной нормы.

В сентябре 1921 г. был отменен декрет о трудовом продовольственном пайке и установлены основные группы населения, снабжающиеся государством продовольствием и предметами первой необходимости: Красная армия и флот; рабочие и служащие государственных учреждений и предприятий, железнодорожного и водного транспорта, члены их семей при их нетрудоспособности или отсутствии средств для существования; лица, находящиеся на государственном социальном обеспечении (инвалиды, учащиеся и др.). Все остальные группы населения снимались с государственного снабжения¹ и могли получить продукты питания и предметы широкого потребления только путем товарообмена или покупки².

В сентябре 1922 г. с целью содействия восстановлению разрушенного хозяйства, оказания помощи необеспеченным категориям населения при ВЦИК была организована Всероссийская центральная Комиссия по борьбе с последствиями голода (ЦКПоследгол) под председательством М.И.Калинина. Последгол в срочном порядке должен был установить размер последствий голода, количество нуждающихся в помощи, содействовать восстановлению разрушенного сельского хозяйства, обратив особое внимание на помощь детям, инвалидам и рабочим. На местах организовывались местные комиссии по борьбе с последствиями голода³.

---

¹ Декрет СНК РСФСР «Об отпуске продовольствия и предметов первой необходимости потребителям, остающимся на государственном снабжении» от 6 сентября 1921 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.knukim-edu.kiev.ua/index.php?id=582&view=articles> (дата обращения: 06.06.2011).

² Декрет СНК РСФСР «О порядке отпуска государством предметов питания и широкого потребления» от 14 декабря 1921 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.knukim-edu.kiev.ua/index.php?id=582&view=articles> (дата обращения: 06.06.2011).

³ Декрет ВЦИК «Положение о Центральной комиссии по борьбе с последствиями голода (ЦКПоследгол)» от 28 сентября 1922 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.knukim-edu.kiev.ua/index.php?id=582&view=articles> (дата обращения: 06.06.2011).

Только новый урожай 1922 г. мог радикально изменить ситуацию. Однако 1922 г. на Алтае был менее урожайным, чем 1921 г.: произошло уменьшение посевных площадей (на 38% к уровню 1920 г.), поголовья скота (на 32% к уровню 1920 г.)¹. К началу 1922 г. голод охватил большинство уездов и волостей губернии, основные показатели сельскохозяйственного производства региона достигли самой низкой отметки. К 1922 г. в Горном Алтае площади посевов снизились до 15,8 тыс. га или на 27,2% от уровня 1920 г. Почти две трети валового сбора урожая ушло в продрозверстку, в том числе половина за пределы Алтайской губернии. Из-за недостатка кормов население начало забой скота, только поголовье крупного рогатого скота уменьшилось на 25,1% от уровня 1920 г.² «Выпрошенные» в губернии 24 тыс. пудов хлеба не покрывали минимальных потребностей голодающего населения.

На начало 1923 г. Сибревком утвердил план по распределению дотационного фонда по губерниям Сибири. Ойротии предполагалось выделить 35 тыс. пудов ржаных единиц. Ойротский областной революционный комитет считал эту цифру недостаточной, не покрывающей минимальных расходов области, мотивируя тем, что регион значительно пострадал от бандитизма. Именно поэтому облревком ходатайствовал перед краевым центром об увеличении суммы дотации для области из общесибирского фонда или отнесении области к остро нуждающимся регионам и получением помощи из фонда Последгола³.

В 1923 г. Ойротская автономная область была признана остро нуждающейся, поскольку в ней были не только голодающие волости (на июль 1923 г. – Туюктинская, Катандинская, Салдамская, Алтын-Кольская, Улаганская), но и зарегистрированы смертные случаи на почве голода⁴.

Последствиями хронического голода стало сокращение численности населения. Этот фактор в совокупности с эпидемиями, разрушением и без того мизерной сети здравоохранения, миграциями привели к тому, что всего за один год – с 1922 по 1923 гг. – численность

---

¹ Савенко В.К. Из истории борьбы за хлеб в Алтайской губернии в первые годы после восстановления советской власти (1920-1922 гг.). Барнаул, 1957. С. 25-26.

² Екеева Н.М. Горный Алтай в 1921-1928 гг. // История Горного Алтая. Ч. 2. Горный Алтай в 1900-1945 гг. Бийск, 2000. С. 152.

³ ГАНО. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 963а. Л. 3.

⁴ КПДА РА. Ф. Р-48. Оп. 1. Д. 1. Л. 58.

населения области сократилась с 90,4 до 83 тыс. человек¹. Удельный вес алтайского населения не превышал 34%.

В это же время были определены группы потребителей для планового снабжения продуктами питания. Первая группа – Красная армия (армия, флот, войска ГПУ, ЧОН, семьи Военведа, конвойная стража и пограничная охрана), вторая – «собезная» группа (больные, дети Народных Комиссариатов здравоохранения и просвещения, заключенные, совпартшколы и губкомы), третья – сотрудники органов ГПУ и местные продовольственные органы. Эти группы снабжались путем выделения нарядов и только теми продуктами, которые входили в паек: мукой (ржаной или пшеничной) простого помола, крупой переработанной и растительными жирами. Диетические крупы, а также пшеничная мука тонкого помола выдавались в исключительных случаях и по особым указаниям Народного Комиссариата продовольствия. В редких случаях могла производиться замена одних плановых продуктов на другие при условии недостатка первых и значительного избытка последних².

Ресурсов для централизованного снабжения населения постоянно не хватало. В декабре 1922 г. Алтайским губернским продовольственным комитетом для нужд Ойротии было выделено 328 тонн пшеницы для бесперебойного снабжения населения³. Однако, по подсчетам В.В. Орлова, лишь 10% нуждающихся в стране смогли получить централизованную продовольственную помощь⁴. Главная причина невыполнения плана помощи голодающим заключалась в развале путей сообщения и отсутствии транспорта.

В весеннюю посевную кампанию 1923 г. регионом из государственных фондов было получено и распределено среди населения более 82 тонн семян зерновых. В июле 1923 г. область из общего количества семенных ресурсов по Сибири получила 665 тонн, в том числе 327 тонн пшеницы, 246 тонн овса и 82 тонны масличных⁵. Центральная комиссия помощи голодающим выделила для населения Горного Алтая 11 тонн хлеба и 239 тыс. рублей на покупку семян и другие нуж-

---

¹ Судьбы коренных народов Горного Алтая (Из истории национально-государственного строительства. 1800-1940 гг.). Сб. документов. Горно-Алтайск, 2004. С. 155; Гордиенко П.Я. Ойротия. Горно-Алтайск, 1994. С. 133.

² КПДА РА. Ф. Р-12. Оп. 1. Д. 76. Л. 65-65 об.

³ Там же. Л. 82.

⁴ Орлов В.В. Голод 1920-х годов в Чувашии: причины и последствия // Отечественная история. 2008. № 1. С. 110.

⁵ КПДА РА. Ф. Р-33. Оп. 2. Д. 5. Л. 27-27 об.

ды, кроме того, на месте было закуплено 45 тонн хлеба. В феврале 1925 г. для восстановления сельского хозяйства Горного Алтая правительство страны по просьбе Сибревкома выделило кредит в размере 246 тыс. рублей¹.

Тем временем ситуация в регионе была близка к критической. На заседании созданной при облисполкоме комиссии по ликвидации последствий голода (Последгол) в срочном порядке также был принят ряд решений: «Признать волости Чибитскую (общества: Кынгырарское, Едринское и Чибит-Курайское), Шебалинскую, Лебедскую, Успенскую, Чемальскую, Чергинскую (частично), Салдамскую и Туектинскую остро нуждающимися и оказать помощь, размер которой определить по получении денег из Бийскгосбанка и закупке хлеба. Ввиду того, что область центром признана остро нуждающейся и ввиду того, что в настоящее время в области есть фактически голодающие районы, от шефства над Самарской губернией и Башкирской Республикой отказаться. Командировать за получением денег т. Чусова и поручить ему закупку хлеба в г. Бийске...»².

Анализируя доклады о положении в голодающих районах области, Последгол в срочном порядке принимает еще ряд мер, направленных на стабилизацию ситуации: отпускает Усть-Канской волости 8 тонн хлеба, Уймонской – 5 тонн, Кош-Агачской – 3 тонны, Песчаной, Озеро Куреевской, Ыныргинской – по 1,5 тонны каждой, Чергинской волости – 819 кг и безвозвратную ссуду детским и инвалидным домам – 1,5 тонны; поручает областной крестьянской секции закупить для голодающих 24 тонны хлеба, для чего из средств Последгола отпустить 90000 рублей³. Одновременно в Катандинскую волость из Онгудая были переброшены 5 тонн хлеба, в Челушманскую волость из Улалы отправлены 3 тонны муки в обмен на 6 тонн ячменя⁴.

Весной 1927 г. перебои с хлебом, повышение цен вызвали огромные очереди за продуктами питания. Ситуацию осложнило то, что 1928-1929 гг. в основных зернопроизводящих районах страны – на Украине, Северном Кавказе и в Центрально-Черноземной области был неурожайным. Для компенсации потерь руководство страны увеличило план сбора хлеба в более урожайных восточных регионах, в

---

¹ Эдоков И.П. Коллективизация в Горном Алтае. Горно-Алтайск, 1987. С. 19.

² КПДА РА. Ф. Р-33. Оп. 6. Д. 8. Л. 5.

³ Там же. Л. 7.

⁴ Там же. Л. 4.

том числе в Сибири. В среднем ежемесячно из Сибири вывозилось по 6 млн. пудов хлеба¹.

Многие продукты питания все также оставались недоступны населению. В 1928 г. ЦУНХУ Госплана опубликовал данные, характеризующие размеры среднемесячного потребления продуктов сельским населением Горного Алтая. Выяснилось, что в среднем каждый житель области потреблял в месяц 12 кг муки, 4 кг гречневой крупы, 8 кг картофеля, 12 кг разных овощей, 6 кг постного масла, 2 кг сливочного масла, 4 кг свинины, 8 кг баранины, 3 ½ ведра молока, 3 ½ кг сахара².

Из приведенных данных видно, что формальный набор продуктов для потребления сельскими жителями был довольно разнообразен. Однако доля покупаемых товаров (соли, сахара, крупы) была незначительной, а преобладали продукты, полученные путем ведения личного хозяйства (картофель, овощи, свинина, баранина, масло), которые являлись основным источником питания большинства сельских семей. К сожалению, огородничество было развито, в основном, у русской части населения Ойротии. Коренные жители познакомились с этой практикой только в 1930-е годы. Личное подсобное хозяйство помогало перенести продовольственные проблемы, а помимо улучшения питания членов семей, позволяло экономить средства для покупки продовольственных товаров.

Дефицит продовольствия привел к тому, что к началу 1929 г. в СССР была введена карточная система. Государство на первых порах гарантировало стабильные нормы снабжения. В действительности эта система привела к механическому распределению товаров без учета индивидуальных запросов и вкусов отдельных потребителей.

Как и по всей стране, в Горном Алтае карточки выдавались преимущественно пайщикам потребительской кооперации, а все население было разделено на тарифицированное и не тарифицированное. К тарифицированному относились учителя, медицинские работники, инвалиды, специалисты сельского хозяйства, сотрудники бюджетных организаций, к этой же категории приравнивались батраки и бедняки.

Для данного контингента были установлены фиксированные нормы хлеба: по 16 кг взрослым и по 8 кг подросткам до 16 лет. Бедняцкое население с недостаточной тягловой силой для временной

---

¹ ГАРФ. Ф. Р-1573. Оп. 3. Д. 17. Л. 24.

² Город любимый. Горно-Алтайск в документах и фотографиях. Горно-Алтайск, 1998. С. 86-88.

поддержки на время распутицы снабжалось по 19 кг на взрослого и по 8 кг на подростка. Беднякам в коллективах оказывалась особая помощь в хлебе на весеннюю посевную кампанию. Служащим, а также имеющим середняцкое хозяйство и тягловую силу, хлеб выдавался только на главу хозяйства, членам семьи ничего не отпускалось¹. Недостающее количество хлеба алтайское население компенсировало сырчиком, чегенем и другими продуктами переработки молока.

Весной 1929 г. подсчитав, что завезенного в регион хлеба хватит только для тарифицированного населения и батраков и, учитывая возможность середняцких хозяйств самостоятельно приобрести хлеб, облисполком рекомендовал обществам потребителей учесть имеющиеся запасы хлеба на складах и во время распутицы снабжать население по ранее установленным нормам. В целом, нормы выдачи хлеба в одни руки остались на прежнем уровне – 16 кг.

В аймаках области имеющийся хлеб распределялся только пайщикам кооперативов: служащим и их семьям – по 10 кг на чел. в месяц, крестьянским хозяйствам – по 8 кг на чел., рабочим и их семьям, занятым на стройках – по 16 кг на чел. не зависимо от того, являются они пайщиками или нет, больницы и школы снабжались из расчета по 10 кг хлеба на больного или ученика². Данные нормы не были фиксированными и могли колебаться в сторону увеличения или уменьшения в зависимости от возможностей аймаков.

Облисполком получал огромное количество писем со всей области с просьбами об увеличении хлебного пайка. В качестве примера, наглядно «рисующего» реалии того времени, приведем заявление в облисполком бывшего военнослужащего Клепикова: «В гражданской войне я потерял здоровье будучи в армии 6 месяцев... В настоящее время хотя и получаю пенсию в 25 р. в месяц, но на семью не хватает, родитель вынужден ходить по миру побираться. Кроме того Смычка вместо увеличения нормы выдачи хлеба урезала, получали 10 и 8 кг хлеба, а в настоящий момент мне обещают 8 кг, а семье по 6 кг, этим наталкивают все семейство идти побираться по миру. Прилично ли пенсионерам побираться? Прошу увеличения пенсии до 50 р. и паек хлеба до 12 кг на каждого члена семьи, дабы избавиться от голоду и не допустить побираться по миру столетнего старика»³.

¹ КПДА РА. Ф. Р-33. Оп. 1. Д. 233. Л. 33.

² Там же. Л. 17.

³ КПДА РА. Ф. Р-33. Оп. 1. Д. 220. Л. 12.

Несмотря на нормированное снабжение населения хлебом, в отдельных районах ситуация была крайне нестабильная. К примеру, председатель Лебедского аймакисполкома Сергеев писал в областной центр: «...принимая во внимание, что существующая норма отпуска 8 кг муки служащим в полной мере не обеспечивает и при том купить каких-либо других овощей не представляется возможности...президиум АИКа считает во избежание массовых уходов служащих с работы просить ОИК дать разрешение производить снабжение тарифицированного населения до 12 кг на едока...»¹. Руководство области попыталось решить возникшую ситуацию переброской хлеба из отдаленных Уймонского и Онгудайского аймаков. Однако Лебедский аймакисполком своими силами не смог обеспечить переброску хлеба, поскольку не было ни людей, ни фуража для лошадей. Председатель аймакисполкома Сергеев вынужден был просить облисполком заменить наряды, выделенные из вышеуказанных аймаков, нарядами из Бийского округа и Улалы, мотивируя свою просьбу тем, что заброшенный хлеб из дальних аймаков обойдется области от 6 до 8 рублей, что создаст политически нездоровое настроение среди населения «ввиду сбора под этот хлеб авансов»². И, действительно, нехватка жизненно необходимых товаров, по мнению В.З. Дробижева, во многом являлась причиной политической нестабильности³.

Таким образом, в 1920-е гг. продовольственный вопрос в Горном Алтае решался в зависимости от социально-экономической и политической ситуации в стране. Общий упадок сельского хозяйства, развал путей сообщения, сокрытие крестьянами зерна, изъятие для нужд армии товарных запасов продовольствия явились причинами создавшейся критической ситуации. В условиях политики «военного коммунизма», продовольственной диктатуры государственная политика в области продовольственного снабжения населения не была целенаправленной, носила характер антикризисных мер и формировалась в сложной политической обстановке. Годы новой экономической политики не смогли переломить ситуацию, большинство населения региона продолжало испытывать недостаток продуктов питания.

---

¹ КПДА РА. Ф. Р-33. Оп. 1. Д. 233. Л. 24.

² КПДА РА. Ф. Р-33. Оп. 1. Д. 233. Л. 77.

³ Социальная политика Советского государства / под ред. В.З. Дробижева. М., 1985. С. 100.

Глава III. Вовлечение женщин-алтаек в систему общественно-политической и культурно-просветительной работы

В современном российском обществе социальные роли женщин постоянно меняются, растет уровень их культуры, образования. Эти трансформации не являются одномоментными, их истоки были заложены еще в первые годы советской власти, когда новое руководство страны начало активно осуществлять политику эмансипации женщин. Сразу после революции появляется ряд декретов, провозгласивших политические права женщин и гарантировавших охрану женского труда. Эти меры обеспечили большевикам поддержку со стороны женщин. Партия активно использовала энтузиазм женщин в разного рода мероприятиях, преследуя целью упрочение собственной власти, создавая прочную социальную базу большевизму.

*Женщина-алтайка в традиционном костюме
Фотография С.И. Борисова. 1907-1914 гг.*

Осенью 1918 г. власти согласились с идеей активисток-большевицек созвать Всероссийский съезд (совещание) женщин, по решению которого при ЦК партии большевиков и в рамках парткомов на местах стали организовываться Комиссии по агитации и пропаганде среди женщин¹. В августе

1919 г. Комиссии были преобразованы в женотделы в качестве самостоятельных отделов партийных комитетов. Заведующей Отделом по работе среди женщин ЦК РКП(б) была назначена И.Ф. Арманд. По мнению И.В. Алферовой, в этот период значительной частью партий-

¹ Первый Всероссийский съезд работниц работал с 16 по 21 ноября 1918 г. Вопросами, которые обсуждались на съезде, были следующие: задачи работницы в советской России, семья и коммунистическое государство, задачи социального обеспечения, международная революция и работница, работница в хозяйстве народном и хозяйстве домашнем, задачи социалистического воспитания, борьба с проституцией в Советской России, борьба с детским трудом, жилищный вопрос // См. подробнее: Алферова И.В. Женщины в условиях «военного коммунизма»: практики приспособления // Вестник Удмурдского университета. История и филология. Сер. 5. Вып. 1. 2011. С. 86.

ных представителей женотделы рассматривались как временное явление, обусловленное чрезвычайностью обстановки, а их деятельность ограничивалась функциями «ревизии и контроля» над работой различного рода учреждений¹.

Вопросы работы среди женщин в том или ином аспекте поднимались на всех партийных съездах и конференциях. IX съезд РКП(б) в марте-апреле 1920 г. предложил органам власти на местах, партийным ячейкам обратить самое серьезное внимание и принять деятельное участие в работе среди работниц и крестьянок, организуя при партийных комитетах отделы работниц, втягивая женщин в работу профсоюзов, ликвидируя их неграмотность. Предлагалось «втягивать» женщин в советскую работу, открыть им двери учебных заведений, переложив хозяйственные и воспитательные функции на плечи общества, создав соответствующую инфраструктуру².

Система учреждений и организаций по работе среди женщин в 1920-е гг. была довольно разветвленной. В рамках страны данную работу курировал специальный отдел ЦК РКП(б) – женотдел, объединяющий работу специальных подразделений. Ю.В. Градскова считает, что «различные организации нередко дублировали друг друга, в то время как координация между ними была в значительной степени затруднена, а финансирование недостаточно»³.

В условиях восстановления экономики руководство страны посчитало целесообразным использование «женских трудовых сил». Именно поэтому на VIII Всероссийском съезде Советов в декабре 1920 г. рассматривался вопрос о привлечении женщин к хозяйственному строительству. Предполагалось по всей стране вовлекать женщин в производство, профсоюзную работу, общественную жизнь⁴.

В 1920-1921 гг. в волостях Горного Алтая повсеместно стали организовываться женотделы, в которые с большим трудом удалось вовлечь 70 женщин. В Горном Алтае на первых порах их основной

---

¹ Алферова И.В. «Женский вопрос» в теории и практике большевизма (первое десятилетие советской власти. 1917-1927 гг.): автореф....доктора ист.наук. СПб., 2011. С. 25.

² Папина О.В. Женщины в социальном и культурном строительстве в 1920 – начале 1930-х гг. // Актуальные проблемы истории и культуры Саяно-Алтая. Вып. 7. Абакан, 2006. С. 76-77.

³ Градскова Ю.В. «Раскрепощение националки» - социально-культурная политика советской власти в отношении женщин этнических меньшинств (на примере Волго-Уральского региона в 1920-е годы) // Журнал исследований социальной политики. 2011. № 1. Т.9. С. 47.

⁴ Резолюция VIII Всероссийского съезда Советов о привлечении женщин к хозяйственному строительству от 28 декабря 1920 г. // Декреты Советской власти. Т. 12. Декабрь 1920 г. – январь 1921 г. М., 1986. С. 88-89.

функцией стал сбор помощи для голодающих детей и фронта. Организация женотделов была сопряжена с определенными трудностями. В первую очередь с отношением женщин к женотделам как к чему-то лишнему, отсутствием квалифицированных кадров и материального обеспечения¹. В этой связи главными задачами работы среди женщин считалось «сделать женработу насущнейшей, к участию в женработе привлечь лучшие силы как руководителей партийной, советской, кооперативной работы, так и культурные силы... - учительство, агрономов, врачей, особенно в деревне»².

С этой целью при Горно-Алтайском уездном комитете РКП(б) был создан отдел работниц, который возглавила К.И. Зыкова. Отдел сразу же включился в активную работу. Одной из ее форм стала организация делегатских собраний с целью объединить вокруг партии, Советов и профсоюзов работниц и крестьянок, втянуть их в круг общественных, производственных, профессиональных и партийных интересов, научить вести определенную практическую работу по советскому партийному и профессиональному строительству и сделать работницу и крестьянку активными членами во всех общественных и государственных органах и учреждениях³.

Согласно положению о делегатских собраниях, в их составе должно было быть не менее 25 и не более 40 делегатов, избираемых на общих сельских собраниях сроком на 1 год. Делегатские собрания должны были проходить 4 раза в месяц по воскресеньям. К делегаткам предъявлялся ряд требований: аккуратно посещать собрания, ликвидировать свою неграмотность, активно участвовать в культурно-просветительной работе⁴.

Первое собрание в составе 70 женщин состоялось в 1920 г. в с. Шебалино под руководством заведующей женотделом Оргбюро ЦК РКП(б) Рязановой⁵. Аналогичные собрания были проведены в Чемальской, Шебалинской, Онгудайской, Туектинской и Усть-Канской волостях. В 1921 г. в с. Улала была созвана первая женская уездная конференция, на которой присутствовало 180 делегатов, в том числе и женщины-алтайки⁶, однако систематической работы с

¹ КПДА РА. Ф. П-1166. Оп. 1. Д. 44. Л. 13а-13б.

² Алтай в восстановительный период. Сборник документов. Барнаул, 1960. С. 311, 313.

³ КПДА РА. Ф. П-1166. Оп. 1. Д. 185. Л. 14.

⁴ ГАНО. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 1875. Л. 38.

⁵ КПДА РА. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 8. Л. 1.

⁶ КПДА РА. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 2. Л. 5.

алтайками не было. Н.Р. Штанакова считает, что такая работа стала проводиться позже, чем среди русских женщин, да и только тогда, когда был переводчик, что снижало эффективность данной работы¹.

Вопрос о работе среди работниц и крестьянок рассматривался и на XI съезде РКП(б) в марте-апреле 1922 г. Съезд признал, что самостоятельные отделы партийных комитетов по работе среди женщин в не зависимости от социально-экономической и политической обстановки в стране должны быть не только сохранены, но и усилены квалифицированными кадрами. Особое внимание было обращено на необходимость теснее увязать деятельность женотделов с работой агитационных отделов, профсоюзов².

8 мая 1922 г. было опубликовано циркулярное письмо ЦК РКП(б) областным и губернским партийным комитетам об усилении работы среди женщин. В нем ЦК обосновал особую важность усиления политического влияния среди трудящихся женщин в условиях новой экономической политики и определил практические меры, направленные на более активное вовлечение работниц и крестьянок в социалистическое строительство. Предполагалось, что основная работа среди женщин будет продолжена через делегатские собрания, беспартийные конференции женщин через их привлечение к активному участию во всех советских и партийных кампаниях³.

В ноябре 1922 г. в Улале была проведена первая областная беспартийная женская конференция, в которой приняли участие 27 женщин. Ее главной задачей было вовлечь женщин национального региона в активную общественно-политическую и культурно-просветительную работу. На конференции женщины обсуждали текущие задачи, вопросы материнства и младенчества, ликвидации неграмотности, борьбы с пагубными привычками и традициями⁴. Несмотря на то, что конференция была объявлена беспартийной, на ней выступил секретарь обкома партии П.Я. Гордиенко, что говорит о важности подобных мероприятий для органов власти. На конференции женщины приняли ряд решений: содействовать созданию и раз-

---

¹ Штанакова Н.Р. Повышение культурного уровня населения Горного Алтая в 20-е гг. XX в. // История и культура народов Юго-Западной Сибири и сопредельных регионов (Казахстан, Монголия, Китай). Горно-Алтайск, 2010. С. 152.

² КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 2. 1917-1922 гг. М., 1983. С. 267, 529.

³ Там же. С. 571-572.

⁴ КПДА РА. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 35. Л. 1.

витию культурно-просветительных учреждений, активно участвовать в создании фондов комитетов общественной взаимопомощи, помогать нетрудоспособным вдовам и сиротам¹.

Постепенно на местах стали активно созываться аймачные партийные конференции. Именно они занялись созданием женотделов на местах и проведением женских конференций. Всего в течение 1922 г. прошло 8 подобных конференций, в которых приняли участие 523 женщины².

В 1923 г. вышло постановление ЦК РКП(б) «О работе среди женщин», предусматривающее активизацию делегатских собраний как основной формы привлечения женщин к общественно-политической жизни, выдвижение работниц и крестьянок в советские, профессиональные и кооперативные органы, укрепление аппарата, занимающегося работой среди женщин³. Согласно этому документу, работу делегатских собраний необходимо было систематизировать и углубить путем их организации и регулярного созыва, периодических созывов конференций делегатов (1 раз в месяц по волости, 1 раз в год по уезду или губернии), приближения программы делегатских собраний к интересам и запросам деревни, организации учета работы делегатских собраний, их состава и степени влияния на массы, активного привлечения в партию крестьянок из батрачек и середнячек, участвующих в делегатских собраниях и проявивших себя⁴.

Уже в декабре 1923 г. было проведено 5 делегатских собраний⁵ и 12 волостных конференций женщин⁶. К примеру, в Бурят-Монгольской АССР в это же время было организовано 41 делегатское собрание с участием 945 женщин⁷. Для работы среди кочевой части населения создавались кочующие делегатские собрания⁸. В их составе были делегатки, знавшие алтайский язык, быт, нравы народа. За-

---

¹ ГАНО. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 1805. Л. 4-6.

² КПДА РА. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 35. Л. 5.

³ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 3. 1922-1925 гг. М., 1984. С. 138-140.

⁴ Там же. С. 314-315.

⁵ Зачастую делегатские собрания проводились в аймачном центре, где были сосредоточены «все партийные силы», другие селения аймаков оставались почти не затронутыми.

⁶ КПДА РА. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 129. Л. 17.

⁷ Бадмацыренова Е.Л. Особенности государственной политики по вовлечению женщин в общественно-политическую деятельность в условиях национального региона (на примере Бурят-Монгольской АССР) // Известия Алтайского государственного университета. История. 2011. № 4-1(72). С. 20.

⁸ КПДА РА. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 127. Л. 45.

дачей подобных собраний, помимо разъяснения государственной политики, являлось знакомство кочевого населения с основами социалистического быта, санитарно-гигиеническими знаниями, расшатывание патриархальных традиций и устоев, вовлечение женщин-алтаек в активную общественно-политическую жизнь.

Важно то, что, приезжая в урочище, делегатки работали не только с женщинами, но и со всеми жителями. Собрания проходили торжественно. «...Перед собранием в аиле развешивались красочные плакаты, книги, которые затем использовались в ходе беседы. В алтайских делегатских собраниях большое место занимали вопросы санитарии и гигиены, профилактика различных болезней, правильный уход за детьми, особенно грудными, соблюдение чистоты в жилищах»¹. Там, где подобная работа была невозможна, прибегали к индивидуальной юрточной агитации. На местах непосредственной работой с женщинами занимались сельские организаторы, а также волостные организаторы крестьянок, ведущие данную работу в порядке партийной обязанности². В Улале еженедельно проводились общие собрания, вечерние беседы для выявления актива среди женщин³.

В целом в 1922 – 1923 гг. и начале 1924 г. работа среди женщин области носила лишь организационный характер. Систематической работы не велось из-за отсутствия сотрудников, инструкторов, методической литературы, не была налажена «живая» связь с волостями области, о чем постоянно в Сибирский отдел работниц докладывала заведующая областным отделом работниц К.И. Зыкова. Вся работа с волостями заключалась в рассылке писем и циркуляров⁴. Тем не менее, в области удалось создать четыре базовых пункта по работе среди женщин: в Майминской, Песчаной, Катандинской волостях и Улале. В волости для организации работы послано три организатора, прошедших специальные курсы⁵.

---

¹ Штанаква Н.Р. Повышение культурного уровня населения Горного Алтая в 20-е гг. XX в. // История и культура народов Юго-Западной Сибири и сопредельных регионов (Казахстан, Монголия, Китай), Горно-Алтайск, 25-26 мая 2010. Горно-Алтайск, 2010. С. 153.

² На 1 января 1923 г. работу среди женщин вели 9 платных волорганов и 4 сельских организатора.

³ ГАНО. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 1875. Л. 10.

⁴ Там же. Л. 10, 18, 25. В августе 1923 г. штат отдела работниц состоял из трех человек: Зыкова Ксения Ивановна – заведующая отделом, Орлова Людмила Сергеевна – заместитель и Морозова Ксения Емельяновна – инструктор.

⁵ ГАНО. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 1875. Л. 27.

В 1924 г. главной задачей отдела работниц стал подбор квалифицированных кадров, главным образом, алтаек, поскольку из-за их отсутствия (да и силу большой отдаленности от областного центра) в двух аймаках области – Кош-Агачском и Улаганском, по мнению женотдела обкома, не велось систематической работы среди женщин. В самой же Улале было проведено 4 делегатских собрания, 3 общих собрания, которые посетило 68 женщин¹. Одновременно началась переподготовка кадров для данной сферы. Обучающимся в Совпартшколе было прочитано несколько лекций по «женскому вопросу», заключено соглашение с политпросветом по включению в число курсантов краткосрочных политико-просветительных курсов 16 работников среди женщин². Женщины-алтайки направлялись в ВУЗы и рабфаки для обучения, занимались самообразованием в кружке по изучению вопроса «женского движения»³. Однако алтайки, окончив учебное заведение, зачастую не хотели возвращаться обратно в юрты для культурной работы, хотя почва для работы среди алтаек была довольно благоприятная, поскольку они проявляли любознательность и даже активность на собраниях⁴.

*Женщина-алтайка
с ребенком.
Фотография 1920-х гг.*

В силу нехватки квалифицированных кадров более пристальное внимание стало уделяться проведению частных бесед с женщинами, организации артелей, участию в мероприятиях Красного Креста, помощи голодающим детям и другим подобным мероприятиям. Например, в Онгудайском аймаке в организованную артель вошли 8 женщин-батрачек и 2 алтайки, в Шебалинском аймаке был организован артельный огород, а делегатки решили записаться в кружок ленинцев и политграмоты⁵.

В дальнейшем конференции и делегатские собрания стали более регулярными. В 1926 г. было проведено 49 собраний, на которых присутствовала 981 делегатка, в 1927 г.

¹ КПДА РА. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 207. Л. 4.

² Там же. Л. 34.

³ ГАНО. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 1875. Л. 77.

⁴ КПДА РА. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 207. Л. 34об.

⁵ Там же. Л. 8.

– 63 с присутствием 1290 делегаток. Проводились беседы, собрания, посиделки, выписывалась литература (газета «Сибирячка» и «Крестьянская газета»). Постепенно интерес к работе делегатских собраний усилился и у женщин-алтаек. В 1925 г. делегаток из числа алтаек было 118, в 1926 г. – 161, в 1927 г. – 283¹.

Посещаемость делегатских собраний в летнее время достигала 100%, снижаясь зимой до 70%. Кроме делегаток, собрания с большим интересом посещали и женщины – не делегатки. Собирались часто. Например, за полтора месяца в урочище Кулада было проведено 6 собраний, в урочищах Балык-Туюль и Кумуртак собрания происходили каждый день².

В 1924 г. состоялась вторая областная беспартийная женская конференция. Обсуждая вопросы ликвидации неграмотности, ситуацию в сельском хозяйстве, электрификацию и национальный вопрос, женщины особо отметили о необходимости усилить работу среди кочующего населения, а главное внимание обратить на подготовку кадров, «знающих язык и быт женщины-ойротки»³.

Эти же задачи в рамках всей стране поставило перед собой организованное в январе 1925 г. по инициативе Отдела по работе среди работниц и крестьянок при ЦК РКП(б) совещание волорганизаторов и низовых работников по работе среди женщин. Детально обсудив вопросы культурно-просветительной работы среди крестьянок, охраны материнства и младенчества, прав крестьянок и их защиты, совещание наметило очередные задачи: подбор и подготовка квалифицированных кадров волорганизаторов, систематическое выдвижение и привлечение к работе местных руководящих парторганизаций работников женотделов, борьба с предрассудками в отношении участия женщин в общественной жизни⁴.

На этом же совещании констатировалась неудовлетворительная организация работы делегатских собраний: их организация при сельсоветах, отсутствие партийного руководства, редкие созывы, неустановившаяся территориальность, текучесть состава, неудовлетворительность практических работ. Совещание считало необходимым в

---

¹ Горно-Алтайская областная организация КПСС в цифрах. Горно-Алтайск, 1975. С. 15, 55.

² Добрянский В.Н. Ойратка. М., 1927. С. 39.

³ КПДА РА. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 209. Л. 1об.

⁴ О работе среди крестьянок. Материалы совещания при ЦК РКП(б) волорганизаторов и низовых работников по работе среди крестьянок. 5-12 января 1925 г. // Бюллетень отдела ЦК РКП(б) по работе среди работниц и крестьянок. М., 1925. С. 6-15.

каждой губернии установить предельное число делегатских собраний, ограничив их территорию 3-4 верстами, установить периодичность созывов 2-3 раза в месяц, охватив не только женщин-одиночек, но и «семейные середняцкие слои»¹.

Работа делегатов в 1925 г. обсуждалась и на более высоком уровне. Решения XIV Всесоюзной партконференции, ЦК и пленума губкома отмечали необходимость осуществления практической работы делегатов в советских органах власти и общественных организациях².

В ноябре 1925 г. в Горном Алтае впервые было организовано кочевое делегатское собрание. На этом собрании присутствовало 6 делегатов, в том числе 3 алтайки. К январю 1926 г. число делегатов-ойротов удалось увеличить до 24 человек³. Такого рода собрания, по мнению В.А. Демидова, «...обычно привлекали не только делегатов, которые охотнее приезжали каждый раз на новое место, но и других женщин из соседних урочищ». В данном случае, отмечает исследователь, умело был учтен обычай алтайцев в свободное время разъезжать по гостям⁴.

Наряду с делегатскими собраниями политическим, санитарным и культурным просвещением занимались и юрты-передвижки. В штат такой юрты входили заведующий, врач или фельдшер, акушерка, киномеханик, инструктор по домоводству. С алтайками проводились беседы о вредности традиции обмена курительными трубками, о необходимости мыть посуду, белье, умываться с мылом, организовывали «показательные» стирки белья, учили печь хлеб, готовить пищу. Медик осуществлял осмотр жилищ и населения, оказывал медицинскую помощь, консультировал.

В 1924 г. начала работу первая юрта-передвижка. Ее штат состоял из 3 человек (пропагандист, киномеханик, медик). Вот как запечатлели очевидцы работу юрты-передвижки в Онгудайском аймаке: «Юрта-передвижка начала работать с 19 декабря 1926 г. В первую очередь она стала обслуживать урочище Каярлык Урсуло-Кеньгинского сельсовета. Алтайцы до прибытия юрты-передвижки не имели никакого представления о ее работе, но когда им разъяснили, что в юрте-передвижке можно ежедневно получать какую угодно

---

¹ Там же. С. 8.

² Красный Алтай. 1925. 2 июня.

³ Добрянский В.Н. Ойратка. М., 1927. С. 38.

⁴ Демидов В.А. К социализму, минуя капитализм. Очерк социалистического строительства в Горно-Алтайской автономной области. Новосибирск, 1970. С. 122-123.

справку, что в ней бесплатно напишут заявление или жалобу – потянулись граждане к юрте-передвижке... Здесь им напишут что нужно и алтайцы удовлетворенные и радостные долго рассуждают, как это хорошо, что пишут бесплатно для них бедняков»¹. В 1925 г. таких юрт было 3, в 1926 – 5, в 1927 – 11². В некоторых других национальных регионах, например, в Бурят-Монгольской АССР, функционировали подобные юрте-передвижке передвижные «красные юрты». Однако их появление произошло немного позже, чем в Горном Алтае, только в 1927 г. В штат «красных юрт» входили два человека: заведующий юртой и патронажная сестра, а «...деятельность в основном была рассчитана на привлечение наибольшего числа женщин коренного населения с помощью проведения мероприятий практической помощи»³.

В инструкции, разработанной для заведующих юртами-передвижками, давались подробные указания по осуществлению ее деятельности. Согласно этому документу, в каждом населенном пункте юрта должна была работать не более одной недели, при этом ее заведующий должен был постоянно переезжать из одного урочища в другое, проводя в каждом 3-4 беседы с населением⁴.

Работа юрт-передвижек широко освещалась на страницах местной прессы. В 1927 г. на страницах газеты «Ойротский край» появилась заметка под названием «Большая польза от юрты-передвижки», рассказывающая о ее работе в Онгудайском аймаке: «Юрта-передвижка начала работать с 19 декабря 1926 г. В первую очередь она стала обслуживать урочище Каярлык... Алтайцы до прибытия юрты-передвижки не имели никакого представления о ее работе, но когда им разъяснили, что в юрте-передвижке можно ежедневно получать какую угодно справку, что в ней бесплатно напишут заявление или жалобу, - потянулись граждане к юрте-передвижке. - Давно нужно было написать заявление, да не было денег уплатить грамотею, а бесплатно он не пишет, - говорят граждане, приходя в юрту-передвижку. Здесь им напишут, что нужно и алтайцы удовлетворен-

¹ Ойротский край. 1927. 12 января.

² Гончарова О.А. Горный Алтай: история народной медицины и здравоохранения. Томск, 2008. С. 96.

³ Бадмацыренова Е.Л. Особенности государственной политики по вовлечению женщин в общественно-политическую деятельность в условиях национального региона (на примере Бурят-Монгольской АССР) // Известия Алтайского государственного университета. История. 2011. № 4-1(72). С. 20.

⁴ КПДА РА. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 437. Л. 4 об.

ные и радостные долго рассуждают, как это хорошо, что пишут бесплатно для них бедняков»¹.

Постепенно, сочетая разные формы работы, удалось добиться определенных изменений в быту кочевников. Так, делегатка из урочища Кулада Онгудайского аймака рассказывала, как она стала мыть пол. «Сначала трудно было, не умела, издержала семь ведер воды, а вода далеко, пол не протирала, а только поливала. Пришлось ей показать, как нужно мыть. Теперь делегатки моют пол каждую неделю. Делегатки стали заменять кишки для сосания ребенку на резиновую соску. Некоторые уже сами стали купать детей. Многие завели корыта для стирки белья»².

Для решения поставленных задач партия использовала и средства массовой информации. В печати появилось много материалов, посвященных работе среди женщин. Например, в газете «Красная Ойротия» рассказывалось о том, что делегатки-алтайки, вставая утром, умываются и заставляют умываться своих семейных: «...для многих покажется смешным писать об этом в газету. Но для тех, кто знает, какой громадный вред приносила и приносит грязь алтайцам, кто знает, что от нее все болезни, что от нее мрут ребята, для тех станет очевидно, что онгудайские делегатки на культурном фронте одержали победу»³. Большое значение имело провозглашение лозунга – «Сознательная мать – враг знахарства и предрассудка – друг акушерки и врача».

На IV областной партийной конференции при анализе работы делегатских собраний отмечалось, что делегатки активно влияют на переустройство быта. Так, в Актеле делегатки показательно носят своих детей в больницу, отдают в школу. Две женщины приспособили свои юрты для содержания коров, а сами с семьей перешли жить в избы⁴. Показательно в этом отношении письмо делегатки, улучшившей свой быт, в газету «Ойротский край»:

«Я – беспартийная крестьянка. Имею шестерых детей. Сейчас я делегатка и по мере сил стараюсь улучшить свой быт.

Двое детей у меня пионеры. Они в отрядах разумно проводят время, учатся и развиваются. Двое детей – октябрята. И последние двое – в яслях. В ясли я начала отдавать детей три года тому назад и в

¹ Ойротский край. 1927. 12 января.

² КПДА РА. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 501. Л. 7.

³ Красная Ойротия. 1928. 7 марта.

⁴ ГАРФ. Ф. Р-6983. Оп. 1. Д. 35. Л. 7-11.

этом отношении чувствую себя раскрепощенной. День свободно работаю и за детей не беспокоюсь. Уход за ними в яслях хороший.

Самого маленького ношу сейчас в консультацию. Сама я беднячка и хорошей пищи дать детям не могу. А при консультации имеется молочная кухня, где матерям-беднячкам бесплатно дается молоко. Ребенок не болеет. Женщины делегатки и не делегатки, давайте все общими силами улучшать свой быт»¹.

Обычно женщин в урочищах на беседу собиралось от 4 до 10 человек. Иногда в беседах принимали участие и мужчины. Обычно женщины при разговоре были пассивны, лишь внимательно слушали. Беседа была более эффективной, если докладчик использовал красочные плакаты. Особой популярностью пользовался плакат «Всем вам, бабы, надо знать, как ребенка воспитать!». При проведении беседы о воспитании детей, женщинам оставался плакат. Они долго рассматривали его и обсуждали тему беседы². Помимо разъяснительной работы, делегатки организовывали в поселках показательные конкурсы «на лучшее содержание аила». В некоторых наиболее отдаленных аймаках организовывали красные уголки в юртах у отдельных делегаток-активисток алтаек. В целом работа делегатских собраний оценивалась как не плохая, что объявлялось заслугой районных партийных комитетов³.

Большую помощь в пропаганде нового быта среди женщин Кош-Агачского, Улаганского и Онгудайского аймаков играли кочующие агитаторы. В течение 2-3 месяцев они передвигались из одного селения в другое, проводили беседы. В одном месте агитаторы находились 2-3 дня, собирали население близлежащих сел для беседы, справочно-консультационной работы, громкой читки газет. В 1925 г. Отдел агитации и пропаганды Ойротского обкома ВКП(б) так характеризовал работу кочующих агитаторов. Обком считал, что это одна из гибких форм подхода к отсталому алтайскому населению, жившему на больших расстояниях от сельсоветов, изб-читален. Те населенные пункты, которые входили в круг кочующего агитатора, до настоящего времени не задевались никакой работой⁴.

Главной целью работы кочующих агитаторов являлась «организация и просвещение туземной крестьянской массы батраков, бедня-

¹ Ойротский край. 1927. 5 марта.

² КПДА РА. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 131. Л. 7-8.

³ КПДА РА. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 506. Л. 7.

⁴ Культурное строительство на Алтае. Барнаул, 1980. С. 251.

ков и середняков, создание бедняцко-середняцкого союза, выявление беспартийного актива и втягивание его в общественное строительство»¹. Работа кочующих агитаторов, судя по докладам с мест, осложнялась многими, не зависящими от них факторами. Это и территориальная разбросанность урочищ, трудные пути передвижения, особенно в зимнее время, отсутствие подходящих помещений для бесед и собраний, лошадей, довольно сильные бытовые обычаи и суеверия, отсутствие партийных и комсомольских ячеек в селах аймаков. Несмотря на эти затрудняющие работу факторы, кочующие агитаторы в своих отчетах все же отмечали сильное стремление «туземной массы» к знанию и просвещению, ко всевозможным справкам, по выполнению законов советской власти и по общественному благоустройству². В этой связи интересен отрывок из письма кочующего агитатора Филатова в Ойротский обком партии, датированный маем 1926 г.: «...[В течение]...месяца посетил 15 урочищ, провел 18 бесед, [которыми охвачено]... 324 чел. Из этого числа женщин - 122 чел., почти 50% [всех женщин, охвачено] в Улагане. Нужно отметить, что женщины охотнее собираются на беседу, если беседа проводится в свободное время от женских работ. Но женщина...в беседе является пассивной, но...слушает с большим вниманием. Сейчас мне удалось объехать самые глухие пограничные урочища, где о Советской власти никто не рассуждал еще и о таковой никто не знает. Живут и не знают, что [это] за власть. От сельсовета отдалены за 100 и дальше верст. Были и такие случаи, [когда говоришь] теленгиту, чтоб женщин звал на беседу, то он с удивлением смотрит на тебя... Женщины, говорит, у нас никогда на собрания...не ездят..., их никто не зовет. Когда говоришь, что женщина одинакова правами с мужчиной, то они удивляются этому...И вот соберешь таких дикарок и трактуешь им целый день, что женщина теперь равна..., а когда им подаришь по плакату, то они рады..., [что] не знают, что сделать с тобой, жмут тебе руки, сыплют бесчисленное число спасибо...Те плакаты о Международном дне 8 [марта], которые я взял...сослужили [большую службу]... После отъезда алтайка этот плакат приколачивает... рядом с иконами...Бывали случаи, что не хватает [плаката] одной-двум, то они умоляют,.., чтоб дал картинку о женщине... чуть не со слезами... [поэтому у меня просьба... выслать мне плакатов...]»³.

¹ КПДА РА. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 437. Л. 5.

² Там же.

³ КПДА РА. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 690. Л. 9-10.

Несмотря на обширную организаторскую работу, активность женщин, особенно алтайских, была низкой. Коренное население не желало расставаться с традиционными представлениями о жизни и быте. В этой связи показателен отрывок из отчета селькора Захаровой: «В Улале среди делегатов еще не искоренились старые предрассудки. У Васильевой заболел палец и у нее сколько не было веры в медицину, сколько она верила в разные заговоры, хотя и обращалась к врачам, кроме того и не забыла старух... Вот как наши делегатки двигаются вперед...»¹.

В силу специфики региона делегатские собрания не могли охватить всего алтайского населения. Разбросанность селений, большие расстояния между ними, плохие пути сообщения не способствовали эффективной деятельности². Тем не менее, в отчете о работе Комиссии по улучшению условий труда и быта трудящихся женщин в 1927 г. отмечалось, что «опыт показал, что делегатские собрания и кочевые агитаторы являются самой лучшей формой работы с алтайками, больше втягивающей их в общественную жизнь и повышающей их культурный уровень»³.

Кочевой и полукочевой образ жизни коренного населения Горного Алтая требовал постоянного поиска новых форм и методов работы среди женщин.

Например, вместо женских сельских собраний в особенно отдаленных урочищах стали проводиться кустовые беспартийные конференции женщин. На такие конференции выдвигали делегатов от каждого урочища. Например, в августе 1927 г. состоялась Яконурская беспартийная конференция женщин, на которой присутствовало 32 делегатки. Эта конференция обсудила назревшие вопросы и приняла конкретные решения: ликвидировать неграмотность, участвовать в кооперации, содержать в чистоте свое жилище, вести домашнее хозяйство по русскому образцу. Такие же решения вынесли женские конференции Усть-Канского, Онгудайского и Шебалинского аймаков, в которых участвовало 287 женщин⁴.

В 1926 г. по всей стране началась работа по организации Комиссий по улучшению труда и быта трудящихся женщин. Их задачи были довольно обширными: организация и руководство в пределах ав-

¹ КПДА РА. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 214. Л. 44.

² КПДА РА. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 301. Л. 17.

³ ГАРФ. Ф. Р-6983. Оп. 1. Д. 35. Л. 7-11.

⁴ Тошакова Е.М. Женщина в обществе и семье у современных алтайцев. Новосибирск, 1973. С. 21.

тономных республик всей работой, связанной с улучшением труда и быта трудящихся женщин, организация различных учреждений для работы среди женщин и их детей, наблюдение и контроль за деятельностью подобных учреждений, а также проведение мероприятий, касающихся обеспечения интересов женщин¹.

Лишь в ноябре 1927 г. при Ойротском облисполкоме из представителей организационного отдела облисполкома, женотдела обкома ВКП(б), облпрофсовета, облздравотдела, облоно и облсуда была создана Комиссия по улучшению труда и быта трудящихся женщин-алтаек, которую возглавила К. Востротина. Основными направлениями работы Комиссии стали культурно-просветительная работа среди алтаек, ликвидация их неграмотности, охрана материнства и младенчества, подготовка и переподготовка кадров по работе среди женщин, а также кооперирование алтаек.

Основными формами культурно-просветительной работы были избраны собрания по урочищам, кустовые конференции алтаек и кочевые делегатские собрания, как наиболее отвечающие условиям жизни женщин-алтаек. С целью ликвидации неграмотности среди женщин организовывались кочевые женские ликпункты с ликвидатором – алтайкой. Опыт создания 3 подобных ликпунктов в национальных аймаках показал их большую эффективность. По имеющимся сведениям, в одном из урочищ в женский ликпункт записалось 12 алтаек-кочевниц, в другом – 17.

Основное место в работе Комиссии занимал вопрос подготовки кадров. В ноябре-декабре 1927 г. были организованы двухмесячные курсы и обучено 26 человек², 15 алтаек обучалось в местной совпартшколе, 11 – на педагогических курсах в Улале³. В 1928 г. в трех национальных аймаках (Улаганском, Усть-Канском, Онгудайском) планировалось организовать двухмесячные «курсы алтаек с общежитием». В программу курсов должны были войти политграмота, вопросы естествознания и практической работы: научиться шить одежду, готовить и ухаживать за ребенком.

Под руководством комиссии в национальных аймаках открывались ясли, при кооперативах на местах организовывались полки матери и ребенка.

---

¹ ГАРФ. Ф. Р-6983. Оп. 1. Д. 1. Л. 1-5.

² КПДА РА. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 444. Л. 39-43. Активную работу эта комиссия развернула в 1929 г., когда в ее состав был введен ответственный секретарь, который фактически направлял и координировал всю работу.

³ ГАРФ. Ф. Р-6983. Оп. 1. Д. 35. Л. 7-11.

Однако в течение 1928-1929 гг. работа проводилась явно недостаточная: количество женщин, выдвинутых на руководящие должности, не увеличилось, процент вовлечения женщин в колхозы рос медленно. Именно поэтому облисполком увеличил финансирование мероприятий, связанных с улучшением быта женщин.

Решение назревших вопросов было возложено на областное совещание аймачных организаторов по работе среди женщин, прошедшее 20-22 декабря 1928 г. В связи с новыми хозяйственными задачами совещание посчитало необходимым усилить работу среди крестьянок, особенно по линии коллективизации, рекомендовав областным кооперативным объединениям отчислять по 7% от доходов на улучшение быта женщин. Совещание поставило перед аймачными организаторами задачу – добиться, чтобы в каждом аймаке хотя бы одна крестьянка стала председателем сельского совета¹.

Решения партии, женских собраний и конференций необходимо было претворять в повседневную жизнь. Эта сложная задача начала осуществляться через институт практикантства². Обычно на конференциях выдвигались практикантки для работы в сельсоветах, аймакисполкомах, кооперации, комитетах взаимопомощи. Тем самым власть готовила будущих управленцев³. Всем им давали наказ. На протяжении года женщина-практикантка, изучив законы, должна была на практике защищать правовое положение женщин, посещать делегатские собрания, стать грамотной, выполнять отдельные поручения сельсовета, аймакисполкома, кооператива, комитета взаимопомощи, принимать участие в школьном строительстве⁴. Практикантки вели работу среди русского и алтайского населения. Работа среди русского населения заключалась в практической работе в избах-читальнях, постановке спектаклей и вечеров, работе с делегатками и проведении общих женских собраний. Среди алтайцев проводились юрточные беседы, общие сельские собрания, собирался материал по быту алтайских племен⁵.

---

¹ КПДА РА. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 553. Л. 22, 55, 83-85.

² Практиканство, как метод привлечения работниц и крестьянок к советской работе, было отменено в апреле 1922 г.

³ Алферова И.В. «Женский вопрос» в теории и практике большевизма (первое десятилетие советской власти. 1917-1927 гг.): автореф....доктора ист.наук. СПб., 2011. С. 27.

⁴ Тошаква Е.М. Женщина в обществе и семье у современных алтайцев. Новосибирск, 1973. С. 22.

⁵ ГАНО. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 1875. Л. 76.

Ряд вопросов санитарно - просветительного характера решался в рамках массовых женских собраний, вечеров рукоделия и пряж-посиделок. Эти собрания обычно приурочивались к значительным событиям, дополняя работу делегатских собраний и юрт-передвижек. В 1926 г. через 12 посиделок прошло 265 человек, проведено 154 беседы¹.

В 1929 г. в стране началась коллективизация. В национальных регионах, таких, как Горный Алтай, она осуществлялась параллельно с переводом кочевого и полукочевого населения на оседлость. Однако темпы данных процессов, по мнению партийных работников, были явно недостаточными. Для осуществления мероприятий по переводу кочевников на оседлость требовалась длительная и трудная работа. И вновь руководство страны обратилось к женскому активу, активизируя работу среди женщин, подчинив ее основной задаче - мобилизации активности крестьянок и батрачек для подъема сельского хозяйства на основе коллективизации, массового кооперирования и повышения урожайности².

Для реализации поставленной цели необходимо было усилить среди женщин пропаганду вопросов коллективизации и кооперирования, создания колхозов, агропропаганду, уделив должное внимание практической направленности по социалистическому переустройству и подъему сельского хозяйства.

В новых экономических условиях, для реализации поставленных целей, партийные органы вновь обратились к делегатским собраниям, как наиболее проверенной форме работы среди женщин. Делегатки должны были стать «застрельщицами» в проведении практических мероприятий по переустройству крестьянского хозяйства на социалистических началах, в борьбе за поднятие урожайности и улучшение быта. На это были нацелены и различные обучающие мероприятия. Например, программа занятий кружков по домоводству состояла из двух частей: первая (осенне-зимний период) включал в себя вопросы содержания скота, ведения домашнего хозяйства, рукоделия, медицины. Вторая (весенне-летний период) рассматривала летнее содержание скота, заготовку и хранение овощей, вопросы огородничества и полеводства³. По мнению Е.М. Тощакowej, «в 1929-1930 гг. пере-

¹ Добрянский В.Н. Ойратка. М., 1927. С. 41-42.

² КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 4. 1926-1929 гг. М., 1984. С. 517.

³ КПДА РА. Ф. Р-33. Оп. 1. Д. 247. Л. 31.

движная форма работы стала почти единственной в политико-массовом обслуживании кочевого населения Горного Алтая»¹.

В июне 1929 г. работа среди женщин характеризовалась следующими показателями: всего по области работало 105 делегатских собраний с охватом 1689 женщин (в том числе 491 алтайки). Вся тяжесть работы с делегатками ложилась на штат женских организаторов (по одному на каждый аймак). Посещаемость собраний в среднем составляла 60%². К августу 1929 г. число хозяйств региона, возглавляемых женщинами, достигло 508, в органы управления и контроля удалось вовлечь 67 женщин³. Некоторые итоги работы среди женщин были подведены в 1929 г. в отчете Комиссии по улучшению труда и быта женщин при ВЦИК. В отчете было отмечено, что «женщины-председатели сельсоветов прекрасно справляются с теми задачами, которые перед ними встали...»⁴.

Таким образом, в 1920-е гг. советская власть начала активную борьбу с «вредными», по ее мнению, традициями и родовыми пережитками алтайцев с целью замены традиционного быта новым, советским. Делая ставку на женщину, как хранительницу домашнего очага, государство, с одной стороны, вовлекло женщин, в том числе алтаек, в общественную и культурную работу, тем самым создавая социальную базу большевизму, дало им знания по ведению домашнего хозяйства, уходу за детьми, личной гигиене. С другой стороны, для подобных изменений не было серьезной социальной, психологической или материальной подготовки, вследствие чего в довольно короткие сроки начали разрушаться тысячелетиями складывающиеся традиции, образ жизни.

В поисках наиболее эффективных форм и методов работы среди женщин местные органы власти отдали предпочтение передвижным, принимая во внимание разбросанность селений, кочевой и полукочевой образ жизни алтайцев. На деле передвижки способствовали лишь экстренному решению проблем, ограничивая возможности формирования постоянно действующей системы работы среди женщин-алтаек.

---

¹ Тошаклова Е.М. Женщина в обществе и семье у современных алтайцев. Новосибирск, 1973. С. 29.

² КПДА РА. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 553. Л. 75.

³ ГАРФ. Ф. Р-6983. Оп. 1. Д. 92. Л. 26-27.

⁴ ГАРФ. Ф. Р-6983. Оп. 1. Д. 156. Л. 7 об.

Глава IV. Особенности реализации в Горном Алтае основных принципов советской жилищной политики

*Первый опыт строительства
Фотография 1920-х гг.*

В 1917 г. новое руководство страны приступило к решению жилищного вопроса в соответствии со своими программными установками, провозглашенными в предшествующие годы. В основе жилищной программы РКП(б) лежали идеи экспроприации жилищ буржуазии и пе-

реселения в них рабочих и членов их семей¹. Опираясь на изданные декреты, советская власть начала изъятие из частных рук значительной части домов и строений и их передачу в ведение Советов. Изъятие строений из частной собственности происходило в форме муниципализации и национализации². Основным критерием экспроприации служил минимум доходности, получаемой от жилых помещений. В проекте программы РКП(б), рассмотренной на VIII съезде в марте 1919 г., была определена основная задача в области жилищной политики – улучшение жилищных условий работающего населения, уничтожение скученности и антисанитарности³, уничтожение негодных жилищ, перестройка старых, постройка новых, соответствующих новым условиям жизни рабочих масс, рациональное расселение трудя-

¹ Декрет СНК РСФСР «Об отмене частной собственности на городские недвижимости» от 23 ноября 1917 г. и декрет ВЦИК «О запрещении сделок с недвижимостью» от 6 декабря 1917 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.knukim-edu.kiev.ua/index.php?id=582&view=articles> (дата обращения: 06.06.2011).

² Меерович М. Г. Наказание жилищем: жилищная политика в СССР как средство управления людьми (1917-1937 гг.). М., 2008. С. 13.

³ В 1919 г. Наркомздрав принял санитарные нормы жилья, соответствующие новым реалиям жизни. Главной задачей образованных санитарных групп, в том числе и в Горном Алтае, было обследование жилищных условий населения, составление инструкций, определяющих объем необходимых санитарно-гигиенических работ, издание законов, установление и пересмотр санитарно-технических норм жизни.

щихся¹. Таким образом, государство расставило приоритеты – обеспечение жильем социально близкого новой власти контингента. Не имея в достаточном количестве финансовых ресурсов, большевики сделали упор не на строительство новых зданий, а на перераспределение уже существующего жилого фонда, его сохранение и восстановление.

Повсеместно началась реализация основных принципов советской жилищной политики. В Горном Алтае этот процесс имел свои особенности, напрямую зависящие от национальных условий и социально-экономического уровня развития региона. Многие декреты в области жилищной политики, провозглашенные властью, так и не были реализованы. Не хватало ни средств, ни условий для их претворения в жизнь.

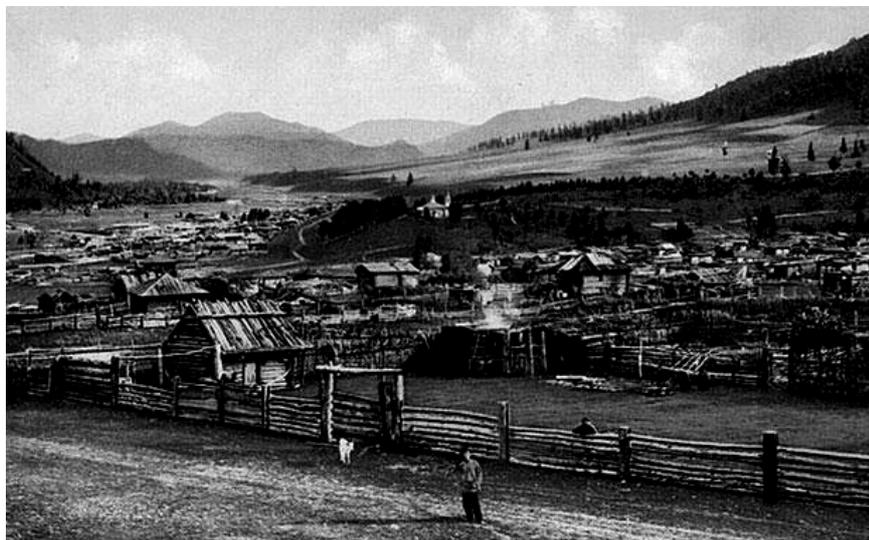
Проблема обеспечения населения жильем стала особенно актуальной для Горного Алтая в годы гражданской войны. Большая часть жилых построек в волостях была сожжена, перестали соблюдаться санитарно-гигиенические условия жизни. Те жилые постройки, которые сохранились в военные годы, представляли собой деревянные избы крестьянского типа, находились в крайне хаотическом состоянии и требовали капитального или текущего ремонта. Дома не имели элементарных бытовых удобств: электричества, водопровода, канализации, преобладало печное отопление. Каменных или кирпичных домов было очень мало, в основном, это были жилые дома, лавки и подсобные помещения купцов и лавочников.

Кочевое и полукочевое население Горного Алтая, в основном, продолжало жить в традиционных жилищах. Основным видом жилища, в котором семья жила в течение года, у южных алтайцев была юрта (97,4% от общего числа жилищ), срубные жилые дома составляли только 2,6%. Население северного Алтая жило в постоянных оседлых поселениях аилами от 7 до 20 юрт. Летние юрты, прямоугольные в плане, обтягивались берестой или были срублены из тонкого леса. Как те, так и другие покрывались на два ската берестой. По своему внешнему виду такая срубная юрта (80% от числа жилищ) приближалась к русской избе. Более того, заимствуя черты быта русского населения, алтайцы усовершенствовали свое жилище и оно мало чем отличалось от крестьянского, как по внешнему облику, так и по внутреннему убранству. В целом по Горному Алтаю к 1917 г. име-

---

¹ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 2. 1917-1922 гг. М., 1983. С. 90.

лось 12702 жилища, из них деревянных домов, имеющих более одной комнаты – 10,1%, изб однокомнатных – 18,9%, а различного типа юрт – 71%. Часть населения вообще не имела собственных жилищ и была вынуждена пользоваться чужим кровом¹.

*Общий вид села Черга.
Фотография С.И. Борисова. 1907-1914 гг.*

С момента образования Ойротской автономной области реализация основных принципов советской жилищной политики была возложена на отдел коммунального хозяйства при областном исполнительном комитете. Занимаясь вопросами благоустройства административного центра, сотрудники

ведомства своей первостепенной задачей все же считали урегулирование жилищного вопроса. Согласно документам тех лет, в Улале² к 1922 г. ситуация в жилищной сфере характеризовалась как «острейший жилищный кризис», вызванный, по современным оценкам, интенсивным ростом населения села³, отсутствием ремонта и строительства новых домов.

Поскольку жилья для всех не хватало, сотрудники отдела коммунального хозяйства провели точный учет имеющихся жилых поме-

¹ Тощакова Е.М. Традиционные черты народной культуры алтайцев (XIX – начало XX вв.). Новосибирск, 1978. С. 120; Пахаев С.Я. К вопросу о завершении социалистического переустройства быта животноводов Горного Алтая // Записки Горно-Алтайского научно-исследовательского института истории, языка и литературы. Вып. 6. Горно-Алтайск, 1964. С. 18.

² К 1910 г. [...] если смотреть с горы, то Улала представляла собой беспорядочное скопление строений, связанных между собой паутиной улиц и переулков. Они, как ручьи стекают в реку, стекались к широкой, но не менее грязной центральной проселочной дороге, протянувшейся через все село с севера на юго-восток. Дорога эта соединяла Улалу одним концом с деревней Майма-Чергачак, а другим – с разросшимся женским монастырем, каменные строения которого белели в семи верстах от миссионерской площади. Мутная илистая Улалушка [...] разделила селение на две неравные части. На правом берегу, сплошь застроенном кособокими домишками и подворьями [...] расположилась большая часть села. Церковная иерархия, купцы и представители власти селились, как правило, на левом берегу, вокруг служб миссии по широкой и прямой улице, двухэтажные дома и справные усадьбы которой придавали вид уездного города [...] // Улала, Ойрот-Тура, Горно-Алтайск. Страницы истории. Горно-Алтайск, 1997. С. 27-28.

³ В 1917 г. – 2694, в 1920 г. – 3070, в 1922 г. – 3871 жителя // КПДА РА. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 101. Л. 65.

щений и их уплотнение¹. В первую очередь жилье предоставлялось работающим гражданам по специальным ордерам. Для того, чтобы вселить новых жильцов на уже занятую площадь, власти обязывали жильцов, имеющих лишние метры, устанавливать в комнатах перегородки. Квртиранты и домохозяева оказались в крайне стесненных условиях, что было совершенно недопустимо с точки зрения гигиены, санитарии и пожарной безопасности (таблица 1). Коммунальная организация жизни, по мнению И.Б. Орлова, была «не только неизбежной в условиях послереволюционного дефицита жилья, но и полностью отвечала новой социально-политической системе»². Пытаясь расширить жизненное пространство, домохозяева стали притеснять своих жильцов и квартирантов, не давая возможность последним пользоваться имеющимися удобствами. В целом практика принудительных уплотнений подрывала традиционное отношение к жилищу как к семейному очагу.

Таблица 1

Заболееваемость по Уладе за 8 месяцев 1923 г.³

тифом	инфлюэнцией	малярией	глазных	кожных	венерических
45	184	224	465	586	124

Из-за отсутствия у руководства страны в достаточном количестве финансовых ресурсов главными приоритетами государственной жилищной политики стало привлечение людей к заботе о сохранности жилищ, содержанию их в исправном состоянии, а также предоставление населению широких прав в отношении пользования и управления жилищами. С этой целью власть всячески поощряла взятие муниципализированных домов в аренду на основе самостоятельного управления и хозяйственного заведывания домами с оставлением за собой лишь общего надзора за использованием жилой площади и хозяйственным содержанием жилья. Такие дома давались на особо льготных условиях: с освобождением от арендной платы и налогов⁴. Данные меры позволили сформировать в стране вторичный рынок жилья, отремонтировав значительную часть жилого фонда.

В Горном Алтае местные органы власти стали активно привлекать население к заботе о жилище. Домовладельцев обязали благоу-

¹ Горный Алтай: история социального развития первой половины XX века / отв. ред. О.А. Гончарова. Томск, 2007. С. 182.

² Орлов И.Б. Советская повседневность: исторический и социологический аспекты становления. М., 2008. С. 84.

³ КПДА РА. Ф. Р-63. Оп. 1. Д. 23. Л. 31.

⁴ КПДА РА. Ф. Р-63. Оп. 1. Д. 1. Л. 46.

троить придомовую территорию: устроить тротуары возле домов, проводить их очистку снега и грязи, производить мытье домов, прорывать канавы для стока воды в пределах своей усадьбы. За несоблюдение этого полагался штраф в размере 100 рублей золотом или принудительные работы сроком на 1 месяц¹. Своеобразным рычагом привлечения дополнительных сил и средств населения к работе о попечении над жильем стала и жилищная кооперация.

Согласно нижеприведенным данным, на 1 января 1923 г. в Улале муниципализированный фонд состоял из 29 домов, которые были переданы в распоряжение различных служб и ведомств (таблица 2). Этой мерой власть возложила ответственность за сохранность жилья от разрушений на предприятия и учреждения².

Таблица 2

Распределение муниципализированных и изъятых во временное пользование помещений на 1 января 1923 г.³

Наименование ведомств	жилые		складочные		Примечание
	Кол-во	Объем в куб. саж	Кол-во	Объем в куб. саж	
Военное	2	84,4	2	49,4	ЧОН, Военкомат, облревком, милиция, ГПУ, ОКХ, типография
НКВД	6	369,8	1	2,7	
РКП, ПС	2	96,5	-	-	
Наркомпрод	1	74,6	1	120	Больница, заразный барак, аптека
Здравоохранение	3	107,9	2	35,5	
Наробраз	3	115,5	-	-	Библиотека, Народом, почта, радиостанция
Нарсвязь	2	52,7	1	11,5	
Финотдел	1	49,6	-	-	-
Юстиция	1	18,0	-	-	-
Кооперация	1	25,2	-	107,45	-
Частные лица	7	143,0	-	11,7	-
Итого	29	1137,2	7	338,25	-

Из 29 домов только около 15% были пригодны для жилья, но требовали капитального ремонта, оставшиеся дома нуждались в текущем ремонте (столярных работах, вставлении стекол, кладке печей), расходы по которому в 1923 г. составили 981092 руб. в денежных знаках 1922 г.

¹ КПДА РА. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 95. Л. 42.

² ГАНО. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 1079. Л. 223, 227.

³ КПДА РА. Ф. Р-63. Оп. 1. Д. 23. Л. 33-33 об.

Материальная необеспеченность государственных служащих, нехватка муниципализированных домов под квартиры постоянно заставляли регламентировать жилищные отношения и вводить социально-ориентированные нормативы оплаты за жилье. Тем самым начал реализовываться классовый принцип квартирной платы. Для рабочих, служащих и других близких власти категорий населения предоставлялись льготы¹. Собираемые средства не компенсировали расходов на ремонт и содержание жилья. Ситуацию усугубляло и то обстоятельство, что величина квартплаты ставилась в зависимость не от качества жилья, а от состоятельности и статуса жильцов. Обострили ситуацию и многочисленные льготы на оплату жилья.

Первый год реализации в Горном Алтае основных принципов советской жилищной политики не изменил ситуацию в данной сфере. К 1923 г. Улала все также представляла собой деревню с невзрачными деревянными постройками, огражденными плетнем или жердями. Большая часть домов не имела двойных рам, исправных печей и зачастую даже стекол в рамах². На 1 января 1923 г. домовладения Улалы были представлены 482 домохозяйствами, преобладали дома, состоящие из 1-2 комнат. Именно в них проживала большая часть домохозяев и приходилось самое большое количество проживающих в расчете на 1 комнату (таблица 3).

Таблица 3

Домовладения Улалы на 1 января 1923 г.³

Категория квартир	Домохозяйств	Население		итого	% квартирантов	На 1 комнату жителей	Средний размер комнаты	Всего куб. саж.
		домохозяев	квартирантов					
1 комната	210	990	130	1120	11,6	5,8	7.7.31/2	1155
2 комнаты	217	1194	479	1673	28,6	3,8	51/2.51/2.31/2	1562,4
3 комнаты	28	173	93	255	36,4	3,2	5.5.31/2	265,7
4 комнаты	25	167	121	286	42	2,9	5.5.31/2	325
5 и более комнат	2	21	8	29	27,6	2,6	5.5.31/2	35,7
итого	482	2540	831	3371	24,6	4	5.5.31/2	3343,8

¹ КПДА РА. Ф. Р-63. Оп. 1. Д. 22. Л. 18-19.

² Город любимый. Горно-Алтайск в документах и фотографиях. Горно-Алтайск, 1998. С. 16-17.

³ КПДА РА. Ф. Р-63. Оп. 1. Д. 23. Л. 34 об.

Согласно нижеприведенным данным, в целом по Улале на одного жителя приходилось 2,7 кв. м жилого помещения¹ и лишь с присвоением Улале статуса города норма жилой площади на одного человека была установлена в 6 кв. м, на деле составляя лишь половину (таблица 4).

Таблица 4

Динамика норм жилплощади по г. Улала²

Год	Численность населения	Общая жилплощадь (кв.м)	Фактическая жилплощадь на 1 чел. (кв.м)
1923	Нет сведений	10300	2,7
1925	Нет сведений	13200	3,8
1926	5691	18400	3,2
1928	5899	17955	3,0
1929	6090	18805	3,0

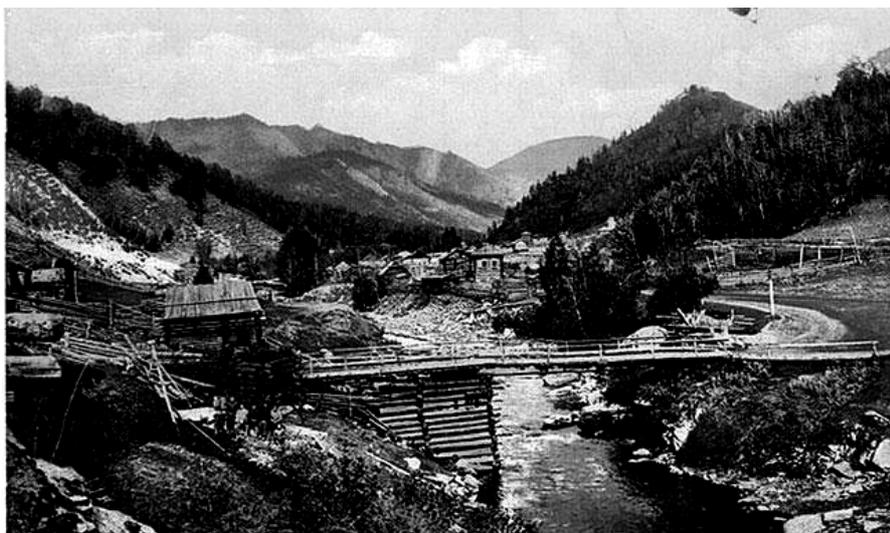
Обследование, проведенное отделом коммунального хозяйства в 1924 г., показало, что в Улале имелось 473 дома, из которых лишь 22 - муниципализированных³. Исходя из сложности решения жилищного вопроса, отдел своей первоочередной задачей на этот год определил не благоустройство, а создание лучших жилищных условий, зная, что в этом году они еще более ухудшатся из-за большого износа строений. Предполагалось начать капитальный ремонт старых, достроить муниципальные здания и всячески содействовать частному строительству, затратив на эти цели 40 тыс. рублей золотом. Частное строительство в Горном Алтае шло крайне медленно из-за дороговизны стройматериалов и не восполняло полностью даже амортизации жилого фонда. Так, общая стоимость деревянного (двухэтажного) дома городского типа крестовой постройки в 1924 г. составляла 1596 руб., дома пятистенного крестьянского типа – 432 руб., избы, построенной на столбах – 286 руб., «черной» избы, построенной на земле без столбов – 172 руб., избы соломенной – 114 руб.⁴. Однако у большей части населения отсутствовали средства даже на строительство последней.

¹ КПДА РА. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 95. Л. 54.

² Составлено по: Горный Алтай: история социального развития первой половины XX в. Томск, 2007. С. 184; КПДА РА. Ф.Р-61. Оп. 1. Д. 2. Л. 19; Ф. Р-33. Оп. 9. Д. 29. Л. 4об.-5.

³ КПДА РА. Ф. Р-63. Оп. 1. Д. 13. Л. 26.

⁴ КПДА РА. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 176. Л. 19.

Село.

Фотография С.И. Борисова. 1907-1914 гг.

Сохранялись социально-ориентированные нормы оплаты за жилье. Поскольку Улала относилась к поселениям, лишенных основных элементов благоустройства, то тарифы для населения были более низкими, чем в целом по стране.

Лица, живущие на нетрудовые доходы, платили 3 рубля за одну квадратную сажень¹ жилой площади, лица свободных профессий, кустари и ремесленники, не пользующиеся наемным трудом – 2 рубля, рабочие и служащие в зависимости от размера месячной заработной платы: с заработком до 30 рублей – 10 коп., от 30 до 50 руб. – 20 коп., от 50 до 70 руб. – 40 коп., от 70 до 100 руб. – 90 коп., лица, состоящие на социальном обеспечении (семьи красноармейцев, безработные, имеющие право на получение государственного пособия), а также учащиеся, освобожденные от платы за обучение, оплачивали лишь половину необходимой суммы. Неблагоустроенные и совместные (с хозяевами) квартиры оплачивались на 50%². Все расходы по содержанию жилищ, а также налоги за строения покрывались за счет квартирной платы. Однако уже в апреле 1924 г. облисполком установил фиксированную квартирную плату – 8 копеек за квадратный аршин³ (16 коп. за 1 кв.м – подсч. автором) жилой площади без каких-либо ограничений.

В 1925 г. государство обратило более пристальное внимание на распределение национализированных и муниципализированных строений, разработав порядок их использования. Национализированными признавались строения, которые принадлежали государству до революции и продолжали использоваться различными ведомствами; строения, национализированные после 1917 г. и закрепленные за цен-

¹ 1 кв. сажень=4,5 кв. м.

² КПДА РА. Ф. Р-33. Оп. 1. Д. 33. Л. 59-60.

³ 1 кв. аршин=0,5 кв. м.

тральными ведомствами, учреждениями и предприятиями, имеющими общегосударственное значение; строения, принадлежащие национализированным промышленным предприятиям и строения, специально сооруженные для военного ведомства¹. Все остальные строения признавались муниципализированными и передавались в ведение местных органов власти.

К августу 1925 г. по области было муниципализировано 117 строений, в том числе по Лебедскому аймаку – 17, по Кош-Агачскому – 9, по Чемальскому – 8, по Усть-Канскому – 6, по Уймонскому – 7, по Онгудайскому – 18, по Шебалинскому – 20, по Улале – 32². Но и этих строений не хватало, что обеспечить всех желающих жилой площадью. В этом же году облисполкомом было подсчитано, что в имеющихся жилых помещениях площадью 13200 кв. м размещалось 2936 человек с семьями и 1010 служащих также с семьями, в общей сложности на одного человека приходилось от 3,4 до 3,8 кв. м жилой площади вместо положенных 9 кв. м. Вся жилая площадь была разделена на три группы: первая – 177 комнат, зачисленных в жилищный фонд, вторая – 190 комнат для совместного проживания с хозяевами, третья – 285 комнат домохозяев, подлежащих освобождению³. Указанная жилая площадь, почти вся деревянная крестьянского типа, передавалась в ведение административного отдела облисполкома и подлежала распределению через жилищный стол по ордерам. С целью обеспечения жилой площадью служащих различных учреждений, лиц, не работающих в них, надлежало выселять из фондовых комнат. Данное решение не распространялось на безработных членов профсоюза, семьи красноармейцев, учащихся и инвалидов всех трех групп.

Для решения жилищного вопроса в области были необходимы крупные капиталовложения. Однако в местном бюджете таких средств не было. Именно поэтому государство перешло на долгосрочное кредитование. На 1926-1927 гг. для Улалы был выделен долгосрочный кредит на сумму 50 тыс. руб. исключительно на новое жилищное строительство и восстановление разрушенных зданий. Теку-

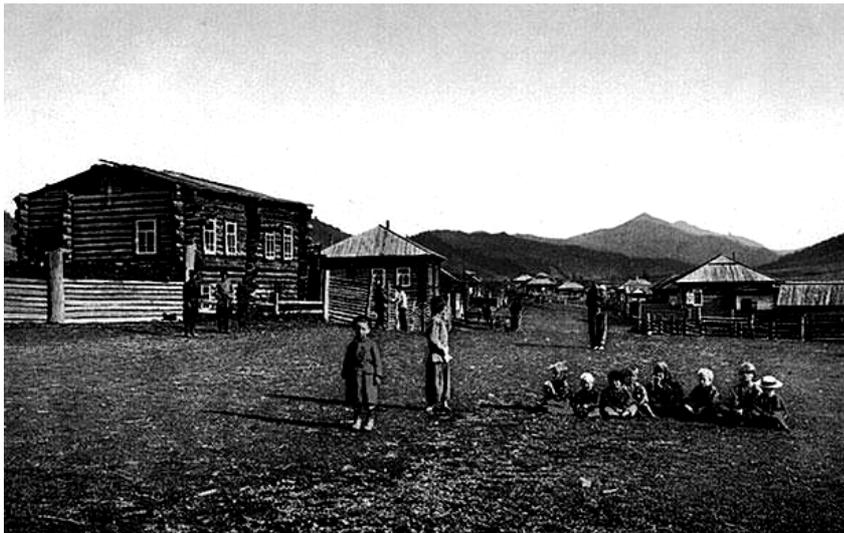
---

¹ Декрет ВЦИК и СНК РСФСР «О порядке распределения национализированных и муниципализированных строений и о порядке пользования таковыми» от 30 ноября 1925 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.knukim-edu.kiev.ua/index.php?id=582&view=articles> (дата обращения: 06.06.2011).

² КПДА РА. Ф. Р-63. Оп. 1. Д. 42. Л. 24.

³ ГАНО. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 1524. Л. 8 – 8 об.

щий и капитальный ремонт жилых домов предполагалось финансировать из местного бюджета¹. По существующему законодательству все вновь построенные или восстановленные здания, предназначенные для жилья, полностью освобождались от государственных и местных налогов в течение трех лет. В целом жилой фонд Улалы в 1926 г. включал 802 владения, 904 строения жилой площадью 18400 кв. м². Планировалось построить 10 жилых домов в 1926 г., несколько двадцатиквартирных – в 1927 г. и шесть восьмиквартирных жилых домов в 1928 г. Стоимость одного такого дома составляла 8 тыс. рублей.

*Улица в селе Черный Ануй.
Фотография С.И. Борисова. 1907-1914 гг.*

В этом же году уполномоченный по коммунальному хозяйству Ойротского облисполкома Воронков довольно остро обозначил реальные проблемы, сложившиеся в жилищной сфере. Он отмечал, что муниципализированный фонд почти полностью был занят государственными уч-

реждениями, а имеющиеся постройки в своем большинстве не ремонтировались с 1917 г. В жилом фонде в среднем на одного человека приходилось от 1,6 до 3,2 кв. м жилой площади, что по санитарным нормам тех лет составляло от 24 до 36% от нормы. Подобная скученность была вызвана необходимостью предоставления жилья сотрудникам вновь образуемых учреждений, 90% которых являлись приезжими.

Принимая во внимание жилищный кризис в Улале, в целях его урегулирования облисполком определил очередность в получении жилья населением. В первую очередь жилые помещения предоставлялись сотрудникам государственных учреждений, предприятий и организаций. Во вторую - рабочим и служащим, работающим по

¹ КПДА РА. Ф. Р-63. Оп. 1. Д. 43. Л. 154.

² Социальная история Горного Алтая в первой половине XX века: учебник для вузов. Часть 1. Горно-Алтайск, 2007. С. 229.

найму в государственных и общественных организациях и у частных лиц, инвалидам труда или войны, состоящим на социальном обеспечении, семьям мобилизованных, безработным и учащимся, получающим государственную стипендию. В третью – лицам свободных профессий и кустарям, после которых – «не трудовому элементу»: торговцам, служащим религиозных культов. Норма жилой площади на одного человека была установлена в 8 кв. м, вся лишняя жилая площадь оплачивалась в тройном размере. Право на дополнительную жилую площадь имели работники государственных учреждений, нуждающиеся в дополнительной площади для служебных работ на дому и занимающих должность не ниже 15 разряда. Допускалась практика самоуплотнений при согласии обеих сторон. Не допускалось самовольное вселение. При обнаружении такого жилец подлежал немедленному выселению без предоставления квартиры¹.

В августе 1926 г. государством были ограничены принудительные уплотнения и переселения в квартирах, запрещены установление внутрикомнатных перегородок и перепланировка комнат с целью изъятия излишков. В домах, закрепленными за государственными учреждениями и предприятиями, допускалось принудительное (в административном порядке) уплотнение в случае наличия излишка жилой площади размером не менее установленной жилищно-санитарными нормами².

В целях сохранения существующего жилищного фонда и приближения квартирной платы к размерам, необходимым для самообеспечения жилищного хозяйства, в августе 1926 г. был принят декрет «Об оплате жилых помещений в городах и рабочих поселках». Он четко обозначил составляющие квартирной платы: устанавливаемая местными советами «квартирная такса» и оплата процентов за стоимость строения, взимаемая на восстановление и расширение жилищного фонда. Реализовать данный декрет предполагалось к октябрю 1926 г.³

---

¹ КПДА РА. Ф. Р-63. Оп. 1. Д. 41. Л. 4-4 об.

² Декрет ВЦИК и СНК РСФСР «Об ограничении принудительных уплотнений и переселений в квартирах» от 16 августа 1926 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.knukim-edu.kiev.ua/index.php?id=582&view=articles> (дата обращения: 06.06.2011).

³ Декрет ВЦИК и СНК РСФСР «Об оплате жилых помещений в городах и рабочих поселках» от 23 августа 1926 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.knukim-edu.kiev.ua/index.php?id=582&view=articles> (дата обращения: 06.06.2011).

В сентябре 1926 г. облисполком определил новые ставки арендной платы за жилые и нежилые помещения в муниципализированных и национализированных домах. С государственных учреждений (состоящих на местном или государственном бюджете) и общественных организаций квартплата за 1 кв. сажень жилой площади составила 55 коп. в месяц, с нежилой – 40 коп., с государственных учреждений и предприятий, находящихся на хозрасчете, а также с кооперативных организаций за жилое помещение – 2 руб. 50 коп., за нежилое – 3 руб., с частных учреждений, предприятий и обществ – 3 руб. за жилое и 4 руб. 50 коп. за нежилое помещение. Рабочим и служащим квартирная плата начислялась с «заработанного рубля» - 11,5% за квадратную сажень жилой площади и 1% - за нежилое помещение в месяц¹. В Улале квартирная плата зависела и от того, в каком районе проживал человек – в центре или на окраине. В центральном районе квартирная плата была выше – 1,5% с заработанного рубля в месяц, на окраине – 1%². При этом квартиранты были обязаны не только содержать занимаемые помещения в порядке и чистоте, но и делать в них ремонт за свой счет. Наибольшая скученность наблюдалась в домах, в которых совместно с хозяевами проживали подселенные жильцы. Вполне естественно, что подобное положение дел в жилищной сфере вызывало постоянные нарекания со стороны населения. Качество жилья и коммунальных услуг было низким. Плохие жилищные условия отчасти компенсировались его дешевизной. К октябрю 1926 г. установленная законом квартплата в Улале стала составлять 26 копеек за один квадратный метр жилой площади. Хозяевам домов без электричества, водопровода и канализации предоставлялась скидка: рабочим и служащим с доходом до 30 рублей в месяц – 75%, с доходом до 40 рублей – 50%, квартплата для лиц с доходом до 20 рублей и семей красноармейцев составляла 26 коп.; лица, получающие свыше 145 рублей, наоборот, получали к квартплате надбавку³. Для своевременной оплаты жилых помещений властью были установлены «правила» вноса квартирной платы и выселения неплательщиков. Низкая квартирная плата, не окупавшая даже ремонта жилья, заставляла мириться с плохими жилищными условиями.

¹ КПДА РА. Ф. Р-63. Оп. 1. Д. 41. Л. 26.

² Там же. Л. 27.

³ Ойротский край. 1926. 18 августа.

*У традиционного жилища.
Фотография 1920-х гг.*

Аймаки области (в жилищной сфере) представляли собой Улалу в миниатюре. Однако в санитарном отношении аймачные центры находились в несколько лучшем положении. Этому отчасти способствовала каменистая почва, отчасти незначительность населения. Общую ситуацию в жилищной сфере в своем отчете в центр описал уполномоченный по комму-

нальному хозяйству Воронков. Он отметил, что «постройки аймачных центров еще более жалки, чем постройки Улалы, отдельные дома городского типа...возвышались среди крестьянских изб. Но если принять во внимание масштаб учрежденческой работы в аймаках, то вопрос сводится лишь к необходимости капитального ремонта уже имеющихся построек и к их текущему ремонту, лишь отчасти нужны постройки новые...»¹. В целом по области за 1926-1927 гг. было дополнительно муниципализировано 73 деревянных строения, большей частью в исправном состоянии, переданных бесплатно или на условиях аренды различным учреждениям и организациям.

Коренное население Горного Алтая, несмотря на начавшийся процесс перехода на оседлость, продолжало проживать в традиционных жилищах. В зимних дьуртах скотоводы жили в бревенчатых шестиугольных юртах с деревянной или корьевой крышей в виде усеченной шестиугольной пирамиды. Летом зажиточная часть населения имела войлочные юрты. Несколько отличным были жилища скотоводов Кош-Агачского аймака. Здесь алтайцы круглый год жили в войлочных юртах. Казахи зимой - в саманных полуземлянках, а летом - в войлочных юртах. Население оседлых селений проживало в избах, пятистенных или крестовых домах².

¹ КПДА РА. Ф. Р-63. Оп. 1. Д. 43. Л. 98.

² История Горного Алтая. Часть 2. Горный Алтай в 1917 – 1940 гг. Горно-Алтайск, 1995. С. 105.

Советская власть все же признавала, что жилищный вопрос в стране – один из наиболее острых, без решения которого задерживается «дальнейшее развертывание промышленности, являясь значительным препятствием в деле вовлечения рабочей силы в производство и отрицательно влияющим на рост производительности труда»¹. Основными причинами катастрофического положения с жильем, по мнению властей, были безразличное отношение предыдущих домовладельцев, прекращение в первое десятилетие XX в. строительства жилищ, их последующее разрушение «вследствие низкой квартирной платы», неурегулированность жилищного строительства и отсутствие постоянных источников образования фонда жилищного строительства. В качестве второстепенных причин назывались плохая организация заготовки строительных материалов, отсутствие квалифицированных строительных организаций, «распыление средств» по мелким застройщикам².

Учитывая данные проблемы, руководство страны в целях более высокой устойчивости и плановости жилищного строительства определило ряд приоритетных задач в этой области: создание постоянного фонда жилищного строительства, прямое соответствие плана жилищного строительства плану развития промышленности, укрупнение строительства и его удешевление, усиление жилищно-кооперативного строительства, пересмотр норм квартирной платы за жилье, которая бы гарантировала его текущий ремонт и восстановление. В рамках этих задач и предполагалось дальнейшее осуществление государственной жилищной политики. Таким образом, к 1927 г. в стране были сформулированы основные принципы советского жилищного законодательства.

Несмотря на работы по благоустройству, в целом административный центр области имел вид уездного города, находящегося в крайне запущенном состоянии со скученными постройками, возведенными без плана. В 1927 г. в городе было построено и сдано в эксплуатацию шесть восьмиквартирных домов общей стоимостью 200 тыс. рублей. Но даже эти строения не позволили обеспечить жилплощадь всем желающим. Большая часть населения продолжала жить в старых и обветшалых деревянных строениях без элементарных удобств.

---

¹ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 4. 1926-1929 гг. М., 1984. С. 54.

² Там же. С. 55.

С целью инициирования частного строительства и улучшения санитарно-гигиенических условий жизни населения в газете «Ойротский край» в 1927 г. были опубликованы советы врача «Строй здоровые жилища»:

«...Какие же недостатки имеют наши жилища и почему они так вредны для здоровья? Самое главное это то, избы чрезвычайно тесны и неправильно спланированы, в большинстве случаев не имеют сеней, дверь открывается с улицы и жилое помещение холодом сразу охватывается...

Большим недостатком является то, что при стройке не учитывается место, где должна быть поставлена изба. Скверно также и то, что в избах слишком мало окон и очень мало проникает дневного света...

Изда должна быть просторной, вышина должна быть не менее 3 ½ аршин, окна нужно прорубать с таким расчетом, чтобы на 8 кв. аршин пола приходился 1 аршин света...Избу нужно строить на фундаменте...»¹. Однако такого рода информация носила больше санитарно - просветительный характер.

Новые реалии жизни потребовали от местных властей особое внимание обратить на благоустройство имеющегося жилого фонда, именно поэтому в июле 1927 г. облисполком принял решение о строительстве водопровода в Улале.

В феврале 1928 г. село Улала было преобразовано в город. Территория города располагалась по долинам рек Маймы и Улалушки и со всех сторон была зажата горами и холмами, целый ряд мест был заболочен. Городской муниципальный фонд был представлен следующим образом: 37 домов – занято различного рода учреждениями, 21 дом – частными лицами, 6 – торговыми учреждениями. В коммунальных домах проживало 65 человек². Норма жилой площади на одного человека, установленная на уровне 9 кв.м, фактически составляла треть этой цифры. Размер квартирной платы ставился в зависимость от месячного заработка квартиросъемщика и количества лиц, находящихся на его иждивении. Полученные средства должны были покрывать расходы по управлению жильем, его амортизацию, ремонт и содержание, освещение дворов и лестниц, уплату налогов и стра-

---

¹ Ойротский край. 1927. 11 мая.

² Анкудинова Т.В. История становления и развития города Горно-Алтайска в первой половине XX века. Томск, 2007. С. 55, 70.

ховки¹. На капитальный ремонт жилых домов в Улале было выделено 14650 руб., на новое строительство почти в три раза меньше – 5314 руб.²

Вопросы, связанные с жилищным строительством, постоянно находились на контроле у руководства области. Несмотря на внушительные финансовые вливания (в 1928-1929 гг. – 85 тыс. руб.) и, казалось бы, значительный объем работ (в 1928 г. построено 103 деревянных строения, в 1929 г. – еще 25 квартир³), обеспечить всех нуждающихся в жилье не удавалось. Постоянно не хватало строительных материалов, грамотных специалистов, отсутствовало наблюдение за техническим состоянием имеющегося жилого фонда и плановость в застройках. Организованный в 1928 г. жилищно-строительный кооператив «Бэк-Тура» не имел опыта качественного строительства. Только в 1929 г. с образованием кредитно-промыслового товарищества «Кусткред» в области в достаточных масштабах начали развиваться лесопиление и деревообработка. Кустарные предприятия области начали заниматься производством кирпича, извести, выработкой смолы, дегтя.

Таким образом, жилищная проблема в стране и ее регионах (в том числе и в Горном Алтае) являлась одной из центральных из всего комплекса послереволюционных социальных проблем. Приоритетами государственной жилищной политики в первые годы советской власти стало привлечение людей к заботе о сохранности жилищ, их содержанию, предоставление населению широких прав в отношении пользования и управления жилищами, а также классовый принцип распределения жилья. Данные меры позволили в довольно короткие сроки отремонтировать значительную часть жилых площадей и заселить их социально близким новой власти контингентом.

В Горном Алтае реализация основных принципов советской жилищной политики имела ряд особенностей, обусловленных национальными условиями и социально-экономическим уровнем развития региона. Сказывались отсутствие необходимых материальных и людских ресурсов, опыта, а также трудности становления национальной автономии. Многие декреты в области жилищной политики, провозглашенные властью, так и остались на бумаге. Не было ни средств, ни

---

¹ Постановление ВЦИК и СНК РСФСР «Об оплате жилых помещений в городах и рабочих поселках» от 14 мая 1928 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.knukim-edu.kiev.ua/index.php?id=582&view=articles> (дата обращения: 06.06.2011).

² КПДА РА. Ф. Р-63. Оп. 1. Д. 114. Л. 11 об.

³ Анкудинова Т.В. Указ.соч. С. 73.

условий для их претворения в жизнь. Основная задача в области жилищной политики, провозглашенная еще на VIII съезде РКП(б) в марте 1919 г., в Горном Алтае к концу 1920-х гг. осталась практически не решенной: не произошло серьезных улучшений жилищных условий работающего населения, уничтожение скученности и антисанитарии, отсутствовали элементарные бытовые удобства (водопровод, канализация, центральное отопление), большая часть населения продолжала проживать в полуразрушенных и требующих ремонта помещениях.

Глава V. Проблемы функционирования и развития культурно-бытовой сферы

С установлением советской власти в России начинает формироваться новая система партийного руководства культурной сферой. Основными задачами в этой области определялись создание новой, социалистической культуры, а также подъем общего культурного уровня населения. Для этого руководство страны планировало использовать весь партийный аппарат, средства государственной власти, а также общественные организации. Становление и развитие культурных учреждений и организаций в Горном Алтае осуществлялось в рамках единого для всей страны процесса культурного строительства, однако имело свои, характерные для национального региона, черты. В условиях значительной удаленности от центра, плохих путей сообщения, войны и разрухи, отсутствия необходимой инфраструктуры, кочевого и полукочевого образа жизни населения местным органам власти приходилось решать вопросы формирования культурного облика региона.

Центром формирования культурной политики в стране с 1918 г. стал Народный комиссариат просвещения (Наркомпрос) во главе с А.В. Луначарским. Наркомпрос в рамках возложенных на него функций стал заниматься организацией просветительных учреждений в стране, театральным и кинематографическим делом, учетом и охраной памятников искусства, быта и старины. Первые декреты советской власти в области культуры касались экспроприации культурных ценностей, национализации дворцов, музеев, художественных собраний, что, по мнению некоторых исследователей, вполне вписывалось в общую линию партии¹. Одним из наиболее сложных в первое десятилетие советской власти являлся вопрос о методах руководства культурным строительством.

Принципиальные установки в области культуры были сформулированы властью в партийной программе, принятой VIII съездом РКП(б) в марте 1919 г. Основной задачей культурно-просветительной работы объявлялась пропаганда коммунистических идей средствами и содержанием кинематографа, театра, концертов, выставок². В целом

¹ Березовая Л.Г., Берлякова Н.П. История русской культуры в 2 частях. Ч. 2. М., 2002. С. 225.

² КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 2. 1917-1922 гг. М., 1983. С. 112.

культура рассматривалась как средство достижения поставленных целей строительства нового строя.

С 1920 г. задача культурного строительства в Горном Алтае была возложена на отдел народного образования. В этом же году сотрудниками отдела были собраны первые сведения о сети культурно-просветительных учреждений. В Горно-Алтайском уезде было зарегистрировано 24 культурно-просветительных общества, 15 библиотек-читален (кроме центральной) и 10 театров со сценами¹. Эти учреждения, в основном, содержались на благотворительные средства различных обществ². Культурный уровень населения по оценкам работников уездного отдела был крайне низок³.

С целью его поднятия оргбюро РКП(б) и ревкомы вплотную занялись созданием сети библиотек, клубов, изб-читален. При нехватке сотрудников, транспорта в условиях плохих путей сообщения работа началась с организации культурно-просветительных обществ из жителей ближайших к уездному центру сел и урочищ. К августу 1920 г. таких обществ было 24, в 1921 г. – уже 28⁴. Общества активно включались в кампании по открытию клубов, народных домов, изб-читален⁵.

На первых порах центрами культурной жизни стали народные дома. По мнению руководства страны, они должны были стать «крестьянскими клубами для отдыха, разумного развлечения и широкого просвещения как общего, так и коммунистического»⁶. В них выступали лекторы и докладчики с сообщениями о международной и внутренней жизни, проводились громкие читки газет, собрания и митинги. При народных домах открывались библиотеки, ставились спектакли. Только в первом полугодии 1920 г. в десяти народных домах состоялось 100 спектаклей, которые посетило более 36 тыс. зрителей. Наиболее активно выступала труппа Шебалинского народного дома,

---

¹ КПДА РА. Ф. Р-5. Оп. 1. Д. 40. Л. 19. Еще в 1918 г. в Горном Алтае работали 15 культурно-просветительных обществ. Каждое из них объединяло от 50 до 70 человек.

² Сибирский революционный комитет (Сибревком). Август 1919-декабрь 1925 гг. Сборник документов и материалов. Новосибирск, 1959. С. 470.

³ Для культурно-массовой работы среди алтайцев при ревкоме был образован подотдел национальных меньшинств под руководством И.С. Алагызова. В основу работы подотдела легли четко сформулированные цели – искоренение среди алтайцев тьмы, невежества и грязи посредством просвещения их любыми путями // КПДА РА. Ф. Р-5. Оп. 1. Д. 224. Л. 33.

⁴ КПДА РА. Ф. Р-5. Оп. 1. Д. 224. Л. 6.

⁵ КПДА РА. Ф. Р-5. Оп. 1. Д. 230. Л. 137.

⁶ Культурное строительство в РСФСР. 1917-1927 гг. Т. 1. Ч. 1. Документы и материалы. 1917-1920 гг. / сост. Л.И. Давыдова, Н.Х. Бойко, М.П. Дьячкова, Т.Ю. Красовицкая. М., 1983. С. 60.

в составе которой были профессиональные артисты – А.М. Александровская, П.Д. Бирюков. Руководил труппой режиссер П.М. Подгорнов¹. Появилось новое средство пропаганды и агитации – «Живая газета», ставшая в определенной степени прямой предшественницей агитационно-художественных бригад. Громкое чтение газет сочеталось с художественными сценическими выступлениями, танцами, хоровой декламацией, пением².

На 1920-е гг. пришелся период складывания советской библиотечной системы. С ноября 1920 г. в стране началась централизация библиотечного дела. Все библиотеки объявлялись общедоступными, связывались в единую библиотечную сеть и передавались в ведение Главполитпросвета. Для эффективного руководства библиотечной сетью при данном органе была создана Центральная междуведомственная библиотечная комиссия. Комиссия имела право устанавливать и изменять типы библиотек, пополнять и распределять книжные фонды и др. Пополнение фондов библиотек, входящих в единую библиотечную сеть (кроме специальных), осуществлялось централизованно через учетно-распределительные комиссии³.

Первая библиотека в Горном Алтае была открыта в 1920 г. Материальные, финансовые и кадровые ресурсы первых библиотек в стране, зачастую, были очень скромны. Отсутствие собственных помещений, недофинансирование, кадровый дефицит характеризовали работу библиотечной сети в начале 1920-х гг. Тем не менее, в 1921 г. в Горном Алтае удалось начать подготовку первых специалистов для отрасли. В апреле 1921 г. при центральной библиотеке уездного центра удалось организовать первые курсы по подготовке библиотечных работников. В районы Горного Алтая были направлены 14 выпускников⁴. Вторая областная партийная конференция в 1923 г. поставила задачу повсеместно открывать библиотеки, пополнять их книгами, особенно на алтайском языке. Постепенно советская власть расширила функциональное назначение библиотек, уподобив их клубным уч-

---

¹ Тошчакова Е.М. Начало культурной революции у алтайцев (1920-1922 гг.) // Вопросы археологии и этнографии Горного Алтая. Горно-Алтайск, 1983. С. 117.

² Саруханов В.А. Агитбригада. Проблемы, рекомендации, сценарии. М., 1989. С. 20.

³ Декрет СНК «О централизации библиотечного дела в РСФСР» от 3 ноября 1920 г. // Декреты Советской власти. Т. 11. Октябрь-ноябрь 1920 г. М., 1983. С. 159-164.

⁴ История Горного Алтая в 3 т. Т. 2. 1900-1945 гг. / под ред. Н.М. Екеевой, Н.Ф. Иванцовой. Бийск, 2000. С. 245.

реждениям¹. Теперь в них проводились разнообразные культурные мероприятия: литературные вечера, «живые газеты», книжные выставки и читательские конференции, вечера вопросов и ответов, кружки. В условиях кочевого и полукочевого образа жизни алтайского населения сотрудники библиотек начали использовать внебиблиотечные формы работы – красные юрты, книгоношество².

В 1920 г. в Горном Алтае был создан первый музей. Некоторое время в законсервированном виде музей находился в Никольском женском монастыре, откуда в 1927 г. был перевезен в Улалу. Создание собственного музея открыло новую грань культурно-просветительной работы в области. По мнению С.В. Зяблицевой, музеи в системе социокультурных институтов вплоть до начала 1930-х гг. занимали особое положение, поскольку являлись не только культурно-просветительными, но и научными центрами³.

С 1921 г. партийные организации и органы власти на местах стали все чаще обращаться к печати, как средству массовой пропаганды. Газеты пропагандировали партийные решения, помещали материалы съездов, внутрипартийных дискуссий, воспитывали художественные вкусы. Особое внимание уделялось разъяснению новой экономической политики, закону о продналоге и его проведению в жизнь. В 1922 г. вышли первые номера областных газет. 7 ноября вышла в свет газета-листочка обкома РКП(б) и облисполкома «Ойротский край». Первый номер газеты содержал обращение редакции к населению, информацию о II хлебном займе, хронику российской жизни, сообщения с мест, основные события поселка Улала. Однако для регулярного выпуска газеты не было материальной базы и только спустя год с большим трудом удалось наладить издание еженедельной одностраничной газеты-листочка с тем же наименованием. Популярностью пользовалась газета «Кызыл Ойрот» на алтайском языке. Содержание газет определялось требованием времени: пропаганда НЭПа, оказание помощи голодающим Поволжья, проведение продналоговых кампаний, новости науки и техники, объявления, советы врача, большое внимание уделялось распространению в массах сельскохозяйственных знаний. Газета не имела собственных сотрудников и

---

¹ Зяблицева С.В. Формирование и развитие социально-культурной сферы Западной Сибири (начало 1920-х – середина 1950-х гг.): автореф. ...доктора ист.наук. Кемерово, 2012. С. 25.

² Тимофеева Ф.М. Деятельность Горно-Алтайской партийной организации по осуществлению культурного строительства в области (1920-1937 гг.): автореф. ...канд.ист.наук. Томск, 1966. С. 20.

³ Зяблицева С.В. Указ. соч. С. 29.

лишь при помощи внештатных селькоров и рабкоров в какой-то мере отражала жизнь на местах.

В условиях экономических трудностей начала 1920-х гг. государство было вынуждено перевести культурно – просветительные учреждения на местный бюджет, тем самым еще более ухудшив и без того их трудное финансовое положение¹. К концу 1921 г. материальная база культуры в стране оказалась изношенной и требовала финансовых вложений². За 1922 г. сеть культпросветучреждений в среднем по РСФСР сократилась на 75%³. В национальных регионах материальные трудности проявились особенно сильно, поскольку материально-техническая база культурных учреждений практически создавалась заново⁴.

В этих условиях первоочередной задачей являлось сохранение того задела, который уже был сделан. В 1922 г. в циркуляре Сиббюро ЦК РКП(б) «О работе в деревне» была опубликована программа деятельности по сохранению культурной работы. Сиббюро подчеркивало, что центром культурной работы должны стать партийные ячейки⁵.

В целом к 1922 г. сеть учреждений культуры в Горном Алтае выросла (таблица 5), повсеместно открывались клубы, организовывались любительские театры, увеличились расходы местного бюджета на сферу культуры (таблица 6).

Таблица 5

Сеть культурно-просветительных учреждений в Горном Алтае (1918-1922 гг.)⁶

годы	нардомов	центр-х	волостных	передвижных	музеев	клубов
1918-1919 гг.	-	-	2	-	-	-
1919-1920 гг.	-	-	5	-	1	-
1920-1921 гг.	10	1	17	30	-	10
1921-1922 гг.	23	1	22	17	-	12

¹ Козлов В.А. Культурная революция и крестьянство. 1921-1927. М., 1983. С. 54.

² Соскин В.Л. Культурная жизнь Сибири в первые годы НЭПа (1921-1923 гг.). Новосибирск, 1971. С. 56.

³ Березовая Л.Г., Берлякова Н.П. Указ.соч. С. 313.

⁴ Номогоева В.В. Исторический опыт социально-культурной модернизации национальных районов Восточной Сибири в 1920-1930-е гг. (на материалах Республики Бурятия): автореф. дисс...доктора ист.наук. Улан-Удэ, 2011. С.31.

⁵ Соскин В.Л. Указ.соч. С. 74-75.

⁶ КПДА РА. Ф. Р-5. Оп. 1. Д. 388. Л. 114.

Таблица 6

Рост бюджетных ассигнований области (1923-1928 гг.)¹ в тыс. руб.

расходы	1923 – 1924 гг.	1925 – 1926 гг.	1927 – 1928 гг.
хозяйственные	24,9	61,3	254,9
культурно-социальные	135,0	329,9	601,5

Однако реальная ситуация в культурной сфере Сибири была отражена в материалах выборочного обследования и изучения сибирской деревни Комиссией ЦК РКП(б) в 1923-1924 гг. Члены комиссии констатировали, что в каждой деревне есть так называемые «народные дома» - амбары, в которых устроена сцена, есть библиотеки, но без книг. Работники просвещения забиты, изголодались, ничего за последнее время не читали и, как сами заявляют, что «озверели, т.к. культурных людей не видят»².

В советское время получила дальнейший стимул к развитию алтайская музыкальная культура. Особый вклад в ее развитие был сделан композитором А.В. Анохиным (1874 - 1931 гг.). С 1923 г. неотъемлемой частью культурной жизни Горного Алтая становятся организованные им вечера алтайской музыки.

Почти повсюду, за исключением труднодоступных аймаков, было проведено электричество. Появились радио, кино. Единственная киноустановка в Улале в 1924 г. демонстрировала первую кинокартину «Первый вальс». Постепенно в аймаках области начинают работу кинопередвижки, которые были встречены населением с большим удовольствием³.

Обычно демонстрация нового фильма начиналась не с первого, ближе всех расположенного от райцентра населенного пункта, а с самого дальнего. Это происходило в том случае, когда киномеханик на попутках добирался до райцентра за новой картиной. Во всем же остальном маршрут кинопередвижки выдерживался с таким расчетом, чтобы время, затраченное на переезды из одного села в другое, не отражалось на выполнении финансового плана и плана по количеству показа кинокартин⁴. Работа кинопередвижек широко освещалась в прессе. В 1927 г. в заметке селькора И. Лудикова давалась своеобраз-

¹ Потапов Л.П. Из истории национально-культурного строительства у алтайцев // Ученые записки. Вып. 10 / под ред. Г.А. Кордонского, Е.Г. Мултуевой. Горно-Алтайск, 1971. С. 32.

² ГАНО. Ф. П-1. Оп. 2. Д. 388. Л. 6.

³ Красный Алтай. 1925. 22 ноября.

⁴ Угрюмов В.П. Сельский киномеханик. Горно-Алтайск, 1958. С. 8-9.

ная характеристика этой формы работы: «Их много. Основными являются пассивное отношение в некоторых деревнях к кинопередвижкам со стороны сельсоветов. Зачастую не оказывают содействия следить за порядком во время сеанса. Зрители проходят бесплатно. Ломают иногда даже двери. Не извещают своевременно население о прибытии кинопередвижки и т.п. Также нужно отметить и недостаток кинокартин, или картины присылают не во время, особенно когда их высылают в летнее время, когда население занято полевыми работами»¹.

В другой заметке рассказывалось о работе кинопередвижки в Лебедском аймаке: «Приехала кино-передвижка. В школе – битком набито народу. С нетерпением ждут «живых картин». Загудела динамо, на экране заходили, забегали люди.

- Эй, эй, Васька! Задавят!.. - испугался парень в полушубке быстро мчащейся барской кареты.

- Кис, кис, кис!.. – поманил другой бегущую на экране кошку.

В углу, на полу «музыка» - балалайка и «тальянка» - и звуки самой настоящей подгорной. Десятки ног притопывают в такт мотиву. После сеанса кино-механик вкратце объяснил устройство и работу аппарата. Впечатление от картины огромное. Кино здесь – целое событие»².

В 1924 г. в области имелось два клуба. Первый, городской, клуб, преимущественно, «обслуживал» членов партии, профсоюза, комсомола, второй – Совпартшколу, Землеуправление и военкомат. Оба клуба существовали на добровольные отчисления различного рода учреждений и выполняли в первую очередь агитационно-пропагандистскую функцию³. На эти же средства содержались 18 изб-читален. Лишь 10 изб-читален и 5 народных домов – на средства местного бюджета⁴. На отдельных стоянках создавались новые очаги культуры – Дома животноводов с хорошо оборудованными избами-читальнями. Повсеместно были организованы курсы деревенских культпросветчиков.

В июне 1925 г. вышло постановление Политбюро ЦК РКП(б) «О политике партии в области художественной литературы», во многом определившее развитие данной сферы культуры. В нем партия подчеркивала необходимость создания художественной литературы, рассчитанной на массового читателя, в первую очередь, из среды рабо-

¹ Лудиков И. С кинопередвижкой по деревне // Ойротский край. 1927. 19 февраля.

² Ойротский край. 1927. 12 января.

³ Зяблицева С.В. Указ.соч. С. 27.

⁴ ГАНО. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 1250. Л. 11.

чих и крестьян, говорила о необходимости поддержки советских писателей, поставила вопросы о стиле и форме художественных произведений.

В связи с ростом периодической печати и книгоиздательства на алтайском языке в первые годы советской власти начала развиваться алтайская литература. Первый период становления алтайской литературы – 1920-е гг. – связан с именами М.В. Мундус-Эдокова и П.А. Чагат-Строева. На страницах местных газет печатались стихи и песни первых алтайских поэтов. В их стихах было выражено восторженное отношение к революционным преобразованиям, пропагандировалась новая жизнь и новые отношения людей. Поэты не только призывали алтайцев к овладению грамотой, но и обращались к женщинам, чтобы они расставались со старыми обычаями и активнее входили в новую жизнь. Следует отметить, что поэзия алтайцев на первых порах не отличалась от фольклора, а большинство авторов первых стихов и песен тех лет остались неизвестными.

Особое значение для развития литературы играло издание в Новониколаевске общесибирского журнала «Сибирские огни», отражающего общественно-политическую жизнь края. Его основными задачами являлось распространение марксистского мировоззрения, изучение вопросов диалектического материализма, выявление художественных и литературных сил Сибири, их объединение, привлечение интеллигенции к работе на культурном фронте¹. Именно в «Сибирских огнях» появились первые статьи «из Ойротии» С.С. Конзычакова, В.И. Анучина, рассказывающие о становлении автономии в Горном Алтае.

В связи с тем, что с. Улала как областной центр, не имела подходящих помещений для массовых культурно-просветительных мероприятий, а также для проведения массовых собраний, съездов, конференций, сессий и т.п. в сентябре 1925 г. Ойротский облисполком рассмотрел вопрос о постройке в с. Улала Народного дома им. Ленина. Для данной цели на 1924 – 1925 гг. был выделен кредит в сумме 15000 рублей². В 1926 г. было начато его строительство по проекту Н.И. Чевалкова. С 1927 г. Дом Ленина стал сосредоточием культурной жизни областного центра. Внутри здания находились: на

---

¹ Соскин В.Л. Партийное руководство развитием художественной культуры Сибири (1917-1928 гг.) // Художественная культура и интеллигенция Сибири (1917-1945 гг.). Новосибирск, 1984. С. 17.

² ГАНО. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 1812. Л. 34.

первом этаже – большое фойе, что позволяло проводить различные выставки, а на втором располагалась библиотека, рабочие комнаты кружков художественной самодеятельности. Но основным был просторный зрительный зал, где ставились различные постановки. По выходным давала концерты популярная в то время агитбригада.

*Народный дом имени Ленина
Фотография 1928 г.*

С середины 1920-х гг. начинается приобщение населения региона к театральному искусству. В 1926 г. для делегатов IV Ойротского областного партийного съезда силами учащихся была поставлена пьеса на алтайском языке А.В. Тон-Жона из дореволюционной жизни алтайцев под названием «Бий эжиги бий-

ик». Роли исполняли Бубенцов, Кочев, Тайборин, Энчинов, Сарин. Драма рассказывала о борьбе двух претендентов на зайсанскую должность. Подобные постановки драматических кружков широко освещались в местной прессе¹ и являлись своеобразным прообразом национального театра. В этом же году был организован большой хоровой коллектив, который неоднократно выступал в городах Сибири, пропагандируя наряду с русской музыкальной культурой и алтайское народное музыкальное творчество.

В 1927 г. местными организациями были приобретены громкоговорители типа Б-4 и осуществлен первый прием новостей. Радио в глубинке было чудом особенным. Люди никак не могли понять, как в черную тарелку репродуктора может поместиться взрослый человек, или целый коллектив музыкантов. К 1928 г. в области насчитывалось 8 радиоустановок. В первую очередь радиоприемники и громкоговорители установили в общественных местах: красных уголках, избах-читальнях, клубах. Практиковалось коллективное слушание радио. В этом же году в Улале был построен одноэтажный радиоузел, который принимал передачи из Москвы и Новосибирска. Радио, как новое

¹ Кумандин С. Драматический кружок // Ойротский край. 1926. 10 ноября.

средство массовой информации, давало возможность обращаться к самым широким слоям населения, способствовало развертыванию культурно-просветительной работы в населенных пунктах области. В 1928 г. известный художник Г.И. Чорос-Гуркин ходатайствовал перед облисполкомом об организации в Улале картинной галереи при областном музее.

Продолжала развиваться сеть библиотек. Состояние библиотечного дела в области стало предметом рассмотрения на заседаниях бюро ОК ВКП(б) в марте-мае 1928 г. Бюро обкома отмечало отсутствие в области серьезно налаженной работы с книгой. Были названы и причины: текучесть кадров библиотекарей, слабое центральное руководство библиотеками, нехватка современной литературы. Для решения обозначенных проблем в 1929 г. было решено увеличить финансирование библиотечной работы за счет отчислений процентов от займов, средств профсоюзов, кооперации, населения. Вторым по важности решением стало упразднение сельских библиотек как самостоятельных единиц и их перевод на систему передвижек¹.

В августе 1928 г. по инициативе комсомольцев был организован Всесоюзный культурный поход. Его задачи были обширными: расширение сети библиотек, изб-читален, борьба за новый быт и т.д. В целом по Сибири сеть культурно-просветительских учреждений к 1929 г. выглядела следующим образом: в сибирской деревне насчитывалось 1180 библиотек, 50 клубов, 1335 изб-читален, 273 народных дома, 6 Домов крестьянина, 42 кинопередвижки, 1687 красных уголков².

К 1929 г. кино все активнее начинает использоваться в политпросветработе. В постановлении ЦК ВКП(б) «О руководящих кадрах работников кинематографии» (январь 1929 г.) кино было охарактеризовано как действенное оружие «культурной революции», коммунистического просвещения и организации широких масс вокруг лозунгов и задач партии³. Поэтому государство заботилось о развитии кинопромышленности, расширении сети киностудий, создании условий для стопроцентного охвата кинообслуживанием городских и сельских районов. Апрельский пленум обкома ВКП(б) (1928 г.), отмечая не-

---

¹ Сборник руководящих материалов по вопросам культурного строительства в Ойротской области. Издание АПО ОК ВКП(б), 1929. С. 22-23.

² Гуцин Н.Я. Социально-культурные последствия осуществления коллективизации в сибирской деревне // Культурное развитие советской сибирской деревни. Новосибирск, 1980. С. 12.

³ КПСС о культуре, просвещении и науке. Сборник документов. М., 1963. С. 188.

достаточность имеющейся сети кино-передвижек, радиоустановок в области и крайне плохое их использование, предложил все киноустановки, работающие среди алтайского населения, перевести со стационарного на передвижное обслуживание, а также приступить к осуществлению плана расширения кино и радио установок области за счет местных средств¹.

В 1929 г. на VI Ойротской областной партийной конференции по вопросу о культурном строительстве были определены ближайшие задачи в этой области. Конференция нацелила парторганизации области на проведение «классовой линии в деле культурного строительства», изменение содержания культработы, создание новых кадров культработников, а также на широкое вовлечение государственных, общественных, кооперативных и профсоюзных организаций в дело культурного строительства².

Культурная работа среди кочевого и полукочевого населения Горного Алтая в первую очередь была возложена на юрты-передвижки, сочетавших эту работу с политическим и санитарным просвещением. Использовалась литература на алтайском языке, привлекались агитаторы, хорошо знающие местные традиции, обычаи, нравы и язык. С их помощью пытались искоренить «вредные» традиции, победить пережитки прошлого, внедрить в быт кочевников основы здорового образа жизни. С алтайцами проводились беседы о вредности традиции обмена курительными трубками, о необходимости мыть посуду, белье, умываться с мылом, организовывались показательные стирки белья, учили печь хлеб, готовить пищу. Медик осуществлял осмотр жилищ и населения, оказывал медицинскую помощь, консультировал³.

Алтайцы, в начале XX в. жившие в обособлении или вдалеке от русских поселений, очень редко прибегали к водным процедурам, бани не знали. Вплоть до середины 1920-х гг. эта бытовая сфера в Горном Алтае была практически не развита. В январе 1921 г. в Улале была открыта первая парикмахерская. В 1923 г. население Улалы обслуживали 10 сапожников и 3 портных⁴. В 1927 г. была построена

---

¹ Сборник руководящих материалов по вопросам культурного строительства в Ойротской области. Издание АПО ОК ВКП(б), 1929. С. 16.

² Там же. С. 6-7.

³ Гончарова О.А. Горный Алтай: история народной медицины и здравоохранения. Томск, 2008. С. 96.

⁴ Город любимый. Горно-Алтайск в документах и фотографиях. Горно-Алтайск, 1998. С. 23.

первая общественная баня с пропускной способностью 34 человека в час, фактически за это время баня обслуживала до 60 человек. Население обслуживалось нерегулярно и некачественно: не хватало топлива, существовали перебои в подаче электроэнергии, холодной и горячей воды, учащались ремонты. Сложившиеся проблемы в этой сфере бытовых услуг наглядно описаны в заметке под названием «Непорядки в коммунальной бане», опубликованной на страницах местной прессы в 1928 г.: «Открылась у нас коммунальная баня, а порядку в ней никакого нет. Очень часто бывает, когда в бане не хватает то холодной, то горячей воды, то насос испортится, то машина станет, то еще что-нибудь случится. Частенько электричество пошаливает и гражданам, предусмотрительно не запасшимся свечкой приходится мыться в темноте. Квас в бане продается очень сомнительного качества и кассир каждому клиенту советует не брать его. Все эти и другие беспорядки зависят главным образом оттого, что администрация бани не достаточно распорядительна. Если насос в бане настолько безнадёжен, что нельзя его исправить, надо завести водовоза. Баня находится возле самой реки и возить воду большого труда не составляет. На случай «шалостей» электричества надо иметь в бане свечи или лампы, и не заставлять людей обвариваться кипятком в темноте. Не держать в такой температуре, в которой он быстро скисает, а завести лучше бак для кипяченой воды. Открывать баню в такое время, когда все рабочие и служащие свободны, а не тогда, когда они находятся на работе»¹.

Для того, чтобы данный вид бытовых услуг стал все же доступен населению было запланировано строительство новой бани на 90 чел.² Однако и в последующие годы больших изменений обслуживание населения такого рода услугами не претерпело. Фактическая нагрузка бань всегда была выше, чем их пропускная способность.

С 1924 г. в Улале началась электрификация. Электроэнергию от небольшой электростанции мощностью 30 кВт получали лишь некоторые государственные учреждения. На бытовые нужды населения электроэнергия не отпускалась. Для обеспечения населения качественной питьевой водой в 1927-1928 гг. планировалось построить 10 колодцев³. Водопровод в области появится лишь в 1930-е гг. Для

---

¹ Ойротский край. 1928. 17 ноября.

² КПДА РА. Ф. Р-36. Оп. 1. Д.229. Л. 15.

³ КПДА РА. Ф. Р-63. Оп. 1. Д. 43. Л. 224.

приезжих граждан местные власти планировали построить гостиницу – двухэтажный доходный дом на 20 номеров с удобствами¹.

*Первые деревянные тротуары в Улале
Фотография 1927 г.*

С момента образования автономной области большое внимание стало уделяться его благоустройству. С 1923 г. центральную улицу начали посыпать гравием, хотя большая часть улиц продолжала оставаться грязной и труднопроходимой, особенно в дождливое время и по ночам. Предполагалось начать работы по осушению улиц, строительству де-

ревянных тротуаров, для культурного отдыха граждан благоустроить общественные места: разбить цветники, посадить деревья, осветить центральную часть города. Уже через год была начата осушка базарной площади за счет местных торговых учреждений, на средства государственных учреждений и торговых организаций были положены тротуары по главной улице Улалы протяженностью около полутора верст, произведена заготовка леса для строительства мостов в Улале. Однако нехватка денег и рабочих рук позволили построить только один малый мост через реку Майма².

Проблемы благоустройства в аймаках области удавалось решать лишь за счет энтузиазма местного населения, возможности местного бюджета на протяжении всех 1920-х гг. не позволяли выделять достаточное количество средств на эти цели. Проходившие мероприятия широко освещались в местной прессе. Например, в 1927 г. в газете «Ойротский край» появилась заметка под названием «Вместо гулянки - поправка мостов» (с. Эдиган): «Плохи были у нас мосты и дороги. Граждане решили исправить их. На пасхе, вместо праздника, начали постройку мостов. Вместо гулянки и похабных песен закрипели пилы, застучали топоры и при активном участии всего населения было

¹ Там же. Л. 102.

² КПДА РА. Ф. Р-59. Оп. 1. Д. 1. Л. 40.

построено три моста. Теперь уже эдиганцам не придется горевать, что мосты плохи...»¹. Подобная помощь по благоустройству населенных пунктов отделам коммунального хозяйства на местах, несомненно, была необходимой, поскольку возможности местного бюджета на протяжении всех 1920-х гг. не позволяли выделять достаточное количество средств на эти цели.

В 1929 г. горкомхоз произвел ремонт изгороди городского сада

*Субботник по уборке города
Фотография 1920-х гг.*

на общую сумму 1200 руб., на общественные средства посадили деревья. На воскресниках обустроили некоторые улицы: Ойротскую, Проходную и переулок Базарный. Устроили тротуары, четыре колодца общественного пользования, огородили скотомогильник.

Таким образом, в 1917 г. в Горном Алтае,

как и по всей стране, началось складывание новой, советской культурно-бытовой сферы. Новое руководство страны прилагало к этому немалые усилия, но, в основном, в области культуры, а не быта. Итоги культурного строительства первых лет советской власти оказались довольно неоднозначными. С одной стороны, были достигнуты определенные успехи, созданы новые ценности в области материальной и духовной культуры. С другой, культура стала частью партийно-государственного аппарата, превратившись в средство достижения поставленных целей. В 1920-е гг. происходит огосударствление учреждений культуры, смена приоритетов их деятельности - переход от культурно-просветительной функции к политико-просветительной и агитационно-пропагандистской. В национальных регионах страны, несмотря на явный и значительный прогресс в рассматриваемой сфере, культурный уровень населения, созданная инфраструктура значительно отставали от среднероссийского. Это было обусловлено значительной удаленностью Горного Алтая от центра, уровнем эконо-

¹ Ойротский край. 1927. 18 мая.

мического развития, кочевым и полукочевым образом жизни населения, сохранностью традиционной культуры.

Развитие бытовой сферы в первые годы советской власти не носило первоочередного характера и, как следствие, данная сфера была практически не развита, особенно в сельской местности. Если и имелись объекты бытового назначения, то в ограниченном количестве, выполнявшие, преимущественно, санитарно-гигиенические функции. Заведений для бытового обслуживания населения – пошивочных, ремонтных мастерских и т.д. – на селе практически не было, эту нишу заполняли кустари-умельцы: сапожники, портнихи.

Заключение

Период 1917 – 1929 гг. в истории страны и ее регионов являлся довольно сложным и неоднозначным. После революции в стране начались бурные преобразования, в том числе и в социальной сфере. Их реализация происходила в сложных условиях гражданской войны, борьбы с бандитизмом, политики «военного коммунизма» и нэпа. Уже в первые месяцы своего существования новая власть определила приоритетные направления социальной политики, главная линия которой была связана с выстраиванием социальной опоры власти путем социальной заботы над классово близкими категориями населения. Именно для этого контингента (а также членов их семей) были определены основные виды государственной поддержки.

В Горном Алтае в условиях значительной удаленности от центра, плохих путей сообщения, войны и разрухи, отсутствия необходимой инфраструктуры, кочевого и полукочевого образа жизни коренного населения наладить работу по социальной помощи было непросто. Недостаток, а иногда почти полное отсутствие материальных и людских ресурсов, опыта организации подобной деятельности предопределили то, что зачастую работа велась бессистемно, периодически, без должного взаимодействия различных учреждений и служб.

После 1917 г., в годы гражданской войны и борьбы с бандитизмом, советские органы власти в Горном Алтае приступили к реализации основных принципов советской социальной политики. Именно в этот период на повестку дня с особой острой встали вопросы обеспечения населения продуктами питания, одеждой, обувью, жильем. Имеющиеся в уезде ресурсы позволяли организовывать лишь разовые, зачастую экстренные, акции помощи.

Ключевой проблемой, требующей незамедлительного решения, являлось обеспечение населения продуктами питания. Общий упадок сельского хозяйства, неурожай, сокрытие крестьянами зерна, изъятие для нужд армии товарных запасов сделали ситуацию в данной сфере критической. Значительная часть населения голодала. В Горном Алтае в условиях разбросанности волостей, отсутствия удобных путей сообщения, транспорта, а также значительной удаленности от уездного центра перебои с хлебом были постоянными. Только социально близкие новой власти категории населения могли получить централизованную продовольственную помощь. Многие продукты питания на протяжении 1920-х гг. оставались недоступны значительной части населения страны.

Государство расставило приоритеты не только в продовольственной, но и в жилищной политике. Установив классовый принцип распределения жилья, всю заботу о его сохранности и содержании государство возложило на население. Многие декреты в области жилищной политики, провозглашенные советской властью, в Горном Алтае так и не были реализованы. К концу 1920-х гг. не произошло серьезных улучшений жилищных условий работающего населения, не были ликвидированы скученность и антисанитария, отсутствовали элементарные бытовые удобства. Большая часть населения продолжала проживать в тесных, полуразрушенных и требующих ремонта помещениях. Коренное население Ойротии – алтайцы вплоть до 1930-х гг. отдавали предпочтение традиционным жилищам.

Замена традиционного быта новым, советским, а также борьба с «вредными» традициями и родовыми пережитками стали еще одним направлением социальной политики государства по отношению к населению национальных регионов. Основная ставка в этих процессах была сделана на женщину - хранительницу домашнего очага, мать, поскольку через нее новое быстрее могло проникнуть в традиционный быт. Создавая прочную социальную базу большевизму, государство начало привлекать женщин к хозяйственному строительству, общественной жизни, производству. В условиях восстановления экономики страны использование «женских трудовых сил» было целесообразным и эффективным. В довольно короткие сроки власти удалось вовлечь женщин, в том числе и алтаек, в общественную и культурную работу, дать им знания по ведению домашнего хозяйства, уходу за детьми, личной гигиене.

Бытовые условия жизни населения страны и ее регионов позволили улучшить и проводимые в рассматриваемый период культурные преобразования. С 1917 г. началось складывание новой советской культурно-бытовой сферы. Новое руководство страны прилагало к этому немалые усилия, но, в основном, в области культуры, а не быта. В Горном Алтае имеющиеся объекты бытового назначения выполняли, преимущественно, санитарно-гигиенические функции. Культурный уровень населения, создаваемая инфраструктура значительно отставали от среднероссийского. Это было обусловлено значительной отдаленностью Горного Алтая от центра, уровнем экономического развития, кочевым и полукочевым образом жизни населения, сохранностью традиционной культуры.

Список использованных источников и литературы

Архивные источники

Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ)

Фонд Министерства торговли РСФСР (Минторг РСФСР) и его предшественники (А-410). Оп. 1. Д. 1, 79.

Фонд Министерства социального обеспечения (Минсобес) РСФСР (А-413). Оп. 2. Д. 809, 1417, 1418, 1419, 1477, 1614, 1647.

Фонд Особой полномочной комиссии по восстановлению и развитию торговли хлебом (Осполком) при Совете труда и обороны СССР (Р-1573). Оп. 1. Д. 2; Оп. 2. Д. 4; Оп. 3. Д. 1, 3, 4, 24.

Фонд Совета культурного строительства при Президиуме Всероссийского центрального исполнительного комитета (Р-6946). Оп. 1. Д. 1, 8, 27, 62.

Фонд Комитета по улучшению труда и быта работниц и крестьянок при Президиуме Всероссийского центрального исполнительного комитета (Р-6983). Оп. 1. Д. 1, 35, 92, 156, 195, 198, 221, 222.

Государственный архив Новосибирской области (ГАНО)

Фонд Сибирского революционного комитета (Сибревком) (Р-1). Оп. 1. Д. 963а, 1079, 1250, 1524. Оп. 2. Д. 133.

Фонд Новосибирского областного союза потребительских обществ (Облпотребсоюз) (Р-42). Оп. 1. Д. 125, 311.

Фонд отдела социального обеспечения Запсибкрайисполкома (Запсибкрайсобес) (Р-574). Оп. 1. Д. 2, 18, 93. Оп. 2. Д. 4.

Фонд Западно-Сибирской государственной краевой розничной торговой организации «Запсибторг» (Р-1001). Оп. 1. Д. 445.

Фонд Сибирского бюро ЦК РКП(б) (Сиббюро ЦК РКП(б) (П-1). Оп. 1. Д. 258, 261, 445, 498, 1805, 1875. Оп. 2. Д. 255, 388, 406. Оп. 7. Д. 14, 66.

Фонд Западно-Сибирского краевого комитета ВКП(б) (Запсибкрайком ВКП(б) (П-3). Оп. 2. Д. 205, 212, 227, 286, 365, 497, 731.

Государственный архив Алтайского края (ГААК)

Фонд Отдела внутренней торговли исполнительного комитета Алтайского губернского совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов (Алтгубвнуторг) (Р-11). Оп. 1. Д. 34, 45.

Фонд Отдела коммунального хозяйства исполнительного комитета Алтайского губернского совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов (Алтгубкомхоз) (Р-14). Оп. 1. Д. 1, 30, 57.

Фонд Отдела социального обеспечения исполнительного комитета Алтайского губернского совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов (Р-18). Оп. 3. Д. 137, 176.

Фонд Продовольственного комитета исполнительного комитета Алтайского губернского совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов (Алтгубпродком) (Р-28). Оп. 1. Д. 29, 43, 58, 269.

Комитет по делам архивов Республики Алтай (КПДА РА)

Фонд областного комитета КПСС (П-1). Оп. 1 (полностью).

Фонд Горно-Алтайского комитета РКП(б) (П-1166). Оп. 1 (полностью).

Фонд областного революционного комитета (Р-5). Оп. 1 (полностью).

Фонд Ойротского областного продовольственного комитета Алтайского губернского продовольственного комитета (Р-12). Оп. 1 (полностью).

Фонд Ойротского областного исполнительного комитета (Р-33). Оп. 1 (полностью). Оп. 2 (полностью). Оп. 3 (полностью). Оп. 6 (полностью). Оп. 9 (полностью).

Фонд отдела социального обеспечения Горно-Алтайского областного исполнительного комитета (Р-48). Оп. 1 (полностью). Оп. 1а (полностью). Оп. 2. Д. 7, 8, 9, 10, 11, 13, 14, 15, 16, 17.

Фонд Ойротской торговой организации «Смычка» (Р-57). Оп. 1 (полностью).

Фонд плановой комиссии Горно-Алтайского областного исполнительного комитета (Р-59). Оп. 1 (полностью). Оп. 2 (полностью).

Фонд отдела статистики областного исполнительного комитета (Р-61). Оп. 1 (полностью). Оп. 9 (полностью).

Фонд Управления коммунального хозяйства Горно-Алтайского областного исполнительного комитета (Р-63). Оп. 1 (полностью).

Фонд Горно-Алтайского областного краеведческого музея (Р-64).
Оп. 1 (полностью).

Фонд отдела труда и социального обеспечения Горно-Алтайского
уездного революционного комитета (Р-458). Оп. 1 (полностью).

Периодические издания

Бюллетень Алтайского губернского продовольственного комите-
та (комплект за апрель-июль 1920 г.)

Бюллетень постановлений и распоряжений Алтайского губерн-
ского исполнительного комитета (комплект за ноябрь-декабрь 1920 г.,
№ 16 от 17 февраля 1921 г.)

Звезда Алтая (годовой комплект за 2004 г.)

Красный Алтай (годовые комплекты за 1923, 1924, 1925, 1926,
1927 гг.)

Ойротский край (годовые комплекты за 1926, 1927, 1928, 1929 гг.)

Продовольственный бюллетень Сибири (№ 2-3 от 16 мая 1920 г.)

Продовольственный бюллетень Сибирского продовольственного
комитета (комплект за декабрь 1921 г., годовой комплект за 1922 г.)

Документальные публикации

1. Алтай в восстановительный период: сборник документов. –
Барнаул: Алтайское книжное издательство, 1960. – 460 с.

2. Горно-Алтайский хронограф. Годы, события, факты. - Горно-
Алтайск, 2003. – 271 с.

3. Декреты Советской власти. Т. 1. 25 октября 1917 г. – 16 марта
1918 г. – М.: Государственное издательство политической литерату-
ры, 1957. – 625 с.

4. Декреты Советской власти. Т. 7. 10 декабря 1919 – 31 марта
1920 г. – М.: Политиздат, 1974. – 675 с.

5. Декреты Советской власти. Т. 8. Апрель-май 1920 г. – М.: Из-
дательство политической литературы, 1976. – 444 с.

6. Декреты Советской власти. Т. 9. Июнь-июль 1920 г. – М.: Из-
дательство политической литературы, 1978. – 460 с.

7. Декреты Советской власти. Т. 10. Август-сентябрь 1920 г. – М.:
Издательство политической литературы, 1980. – 412 с.

8. Декреты Советской власти. Т. 11. Октябрь-ноябрь 1920 г. – М.:
Издательство политической литературы, 1983. – 467 с.

9. Декреты Советской власти. Т. 12. Декабрь 1920 г. – январь 1921 г. – М.: Издательство политической литературы, 1986. – 428 с.
10. Декреты Советской власти. Т. 13. 1 февраля – 31 марта 1921 г. – М.: Политиздат, 1989. – 574 с.
11. Декреты Советской власти. Т. 17. Июль 1921 г. – М.: РОС-СПЭН, 2006. – 512 с.
12. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898-1986). Т. 2. 1917-1922. – М.: Издательство политической литературы, 1983. – 606 с.
13. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898-1986). Т. 3. 1922-1925. – М.: Издательство политической литературы, 1983. – 494 с.
14. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898-1986). Т. 4. 1926-1929. – М.: Издательство политической литературы, 1984. – 575 с.
15. КПСС о культуре, просвещении и науке. Сборник документов. – М., 1963.
16. Культурное строительство в СССР. 1917-1927 гг. Т. 1. Ч. 1. Документы и материалы. 1917-1920 гг. / сост. Л.И. Давыдова, Н.Х. Бойко, М.П. Дьячкова, Т.Ю. Красовицкая. – М.: Советская Россия, 1983. – 464 с.
17. Культурное строительство на Алтае. 1917-1941. Документы и материалы. – Барнаул: Алтайское книжное издательство, 1980. – 360 с.
18. Материалы Всероссийского совещания заведующих губернскими отделами социального обеспечения (29-30 апреля 1925 г.). – М., 1925. – 30 с.
19. О работе среди крестьянок. Материалы совещания при ЦК РКП(б) волорганизаторов и низовых работников по работе среди крестьянок. 5-12 января 1925 г. // Бюллетень отдела ЦК РКП(б) по работе среди работниц и крестьянок. – М.: Издание «Крестьянской газеты», 1925. – 34 с.
20. Память народа. 70 лет Горно-Алтайской автономной области (Документы и материалы по социально-экономическому и культурному развитию) / сост. Н.В. Белоусова, Н.А. Петрова, О.П. Смирнягина [и др.]. – Горно-Алтайск, 1993. – 607 с.
21. Сборник руководящих материалов по вопросам культурного строительства в Ойротской области. – Издание АПО ОК ВКП(б), 1929. – 33 с.

22. Сибирский революционный комитет (Сибревком). Август 1919 - декабрь 1925 гг. Сборник документов и материалов. - Новосибирск, 1959. – 658 с.

23. Судьбы коренных народов Горного Алтая (Из истории национально-государственного строительства. 1800-1940 гг.). Сборник документов. - Горно-Алтайск, 2004. – 532 с.

Статистические публикации

1. Горно-Алтайская областная организация КПСС. 1920-1982 годы. Хроника / сост. П.С. Пупышев. – Горно-Алтайск: Горно-Алтайское отделение Алтайского книжного издательства, 1983. – 151 с.

2. Горно-Алтайской автономной области 60 лет. – Горно-Алтайск: Горно-Алтайское отделение Алтайского книжного издательства, 1982. – 78 с.

3. Статистический бюллетень. Основные показатели развития промышленности, сельского хозяйства, культуры, здравоохранения, торговли и других отраслей народного хозяйства Горно-Алтайской автономной области за 40 лет (с 1922 по 1962 гг.). - Горно-Алтайск, 1962. – 25 с.

Электронные источники

1. Библиотека нормативно-правовых актов Союза Советских Социалистических Республик [Электронный ресурс]. URL: <http://www.knukim-edu.kiev.ua/index.php?id=582&view=articles> (дата обращения: 06.06.2011).

Литература

1. Абакаева, А.В. Некоторые аспекты социальных преобразований 1920-х гг. в Горном Алтае (на примере Онгудайского района) / А.В. Абакаева // Этносоциальные проблемы регионов Сибири. Вып. 16. – Горно-Алтайск: РИО ГАГУ, 2011. – С. 3-7.

2. Агалаков, В.Т. Продовольственные мероприятия советской власти в Восточной Сибири в 1920-1921 гг. / В.Т. Агалаков // Сибирь в период строительства социализма и перехода к коммунизму. Вып. 5. Крестьянство и сельское хозяйство Сибири в 1917-1961 гг. – Новосибирск: Наука, 1963. – С. 28-38.

3. Алферова, И.В. Большевистская женская печать: к истории становления (1914-1920-е гг.) / И.В. Алферова // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2011. - № 6 (12): в 3-х ч. Ч. 3. – С. 16-23.

4. Алферова, И.В. Делегатские собрания 1920-х годов как проект подготовки советских женщин к управленческой деятельности / И.В. Алферова // Вестник Челябинского государственного университета. Серия: история. - 2011. - № 1 (216). - С. 46-54.

5. Алферова, И.В. «Женский вопрос» в теории и практике большевизма (первое десятилетие советской власти. 1917-1927 гг.): автореф....доктора ист.наук / И.В. Алферова. – СПб, 2011. – 35 с.

6. Алферова, И.В. Женщины в условиях «военного коммунизма»: практики приспособления / И.В. Алферова // Вестник Удмурдского университета. История и филология. Сер. 5. Вып. 1. – 2011. – С. 83-90.

7. Алферова, И.В. Модернизация быта по-коммунистически: проекты и результаты (1917-1920-е гг.) / И.В. Алферова // Вестник Брянского государственного университета. – 2011. - № 2. – С. 12-17.

8. Алферова, И.В. «Не буду больше рабой своего мужа, мы должны быть равными товарищами в жизни!»: трансформация семейных отношений в российском общественном дискурсе (1917-1927 гг.) / И.В. Алферова // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2011. - № 4 (10): в 3-х ч. Ч. 2. – С. 10-15.

9. Алферова, И.В. 1917 г. в России: большевизм и феминизм в условиях социальной активности женщин-работниц / И.В. Алферова // Вестник Тамбовского университета. Серия: гуманитарные науки. Вып. 11(79). – 2009. – С. 355-360.

10. Андронкина, В.Р. Важнейшее из искусств (к истории развития кинофикации в Горном Алтае) / В.Р. Андронкина // Звезда Алтая. – 1966. – 30 июля.

11. Анкудинова, Т.В. История становления и развития города Горно-Алтайска в первой половине XX века / Т.В. Анкудинова. – Томск: Издательство Томского университета, 2007. – 178 с.

12. Анкудинова, Т.В. Некоторые аспекты экономического развития города Горно-Алтайска в 1922-1941 гг. / Т.В. Анкудинова // История и культура народов Юго-Западной Сибири и сопредельных регионов (Казахстан, Монголия, Китай). Материалы международной

научно-практической конференции, 24-27 мая 2011 г. – Горно-Алтайск: РИО ГАГУ, 2011. – С. 15- 20.

13. Анкудинова, Т.В. Проблемы перехода от сельского поселения к городу (на примере г. Горно-Алтайска) / Т.В. Анкудинова // Социально-политические проблемы регионов Сибири: сборник научных трудов. - Горно-Алтайск: РИО ГАГУ, 2006. - С. 61-64.

14. Анкудинова, Т.В. Социокультурное развитие города Горно-Алтайска в 1922 – 1953 гг. / Т.В. Анкудинова // Горный Алтай. Исторический сборник. Вып. 13. – Горно-Алтайск, 2009. – С. 25-32.

15. Анохин, А.В. Легенды и мифы седого Алтая / А.В. Анохин / сост. В.Ф. Хохолков. - Горно-Алтайск, 1997. - 40 с.

16. Антонович, И.В. Становление системы социального обеспечения в Алтайском крае в советский период / И.В. Антонович // Известия Алтайского государственного университета. – 2010. - № 2-2. – С. 200-204.

17. Антропова, М.П. Кино и Алтай / М.П. Антропова. – Барнаул: Алтайское книжное издательство, 1980. – 136 с.

18. Бадмацыренова, Е.Л. Особенности государственной политики по вовлечению женщин в общественно-политическую деятельность в условиях национального региона (на примере Бурят-Монгольской АССР) / Е.Л. Бадмацыренова // Известия Алтайского государственного университета. История. – 2011. - № 4-1(72). – С. 18-21.

19. Бареева, Р.З. Культура провинциального российского города в середине 20-х – начале 30-х годов: дисс....канд.ист.наук / Р.З. Бареева. – Пенза, 2006. – 255 с.

20. Баскакова, И.В. Социально-экономическое развитие Шебалинского района в 20-30-е гг. XX в. / И.В. Баскакова, И.В. Артамошина // Исторический вестник. Вып. 4. - Горно-Алтайск: РИО ГАГУ, 2010. - С. 7-15.

21. Белозерова, М.В. К истории образования Ойротской автономной области (начало 1920-х гг.) / М.В. Белозерова // Вестник Томского государственного университета. - 2008. - № 308. - С. 61-65.

22. Белоусова, Н.Ю. Политика Советского государства как причина возникновения народно-повстанческого движения на территории Алтайской губернии в 1920-1922 гг. / Н.Ю. Белоусова // Актуальные вопросы истории Сибири: шестые научные чтения памяти профессора А.П. Бородавкина: сборник научных трудов: в 2 ч. Ч.2 / под ред. В.А. Скубневского, Ю.М. Гончарова. - Барнаул: Изд-во Алт. унта, 2007. - С. 38-42.

23. Болдуев, А.А. Первая продналоговая кампания в Горном Алтае / А.А. Болдуев // Вопросы истории Горного Алтая. – Барнаул: Издательство БГПУ, 1978. – С. 19-34.

24. Варченко, А.М. К истории народного образования в Горно-Алтайской автономной области за годы Советской власти / А.М. Варченко // Ученые записки ГАНИИИЯЛ. Вып. 1. - Горно-Алтайск, 1956. - С. 3-19.

25. Вилисова, А. Первый сибирский композитор: к 135-летию А.В. Анохина / А. Вилисова // Чемальский вестник. – 2004. – 14 октября.

26. Волчко, Е.В. Движение женщин-общественниц Западной Сибири / Е.В. Волчко // Актуальные вопросы истории Сибири: шестые научные чтения памяти профессора А.П. Бородавкина: сборник научных трудов: в 2 ч. Ч.2 / под ред. В.А. Скубневского, Ю.М. Гончарова. - Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2007. - С. 68-72.

27. Галкина, И. Андрей Викторович Анохин как исследователь шаманства у алтайцев / И. Галкина // Искусство народов Сибири: традиции и современность: тезисы докладов конференции. – Новосибирск, 1994. – С. 28-31.

28. Гончарова, О.А. Горный Алтай: история народной медицины и здравоохранения / О.А. Гончарова. - Томск: Изд-во Том. ун-та, 2008. - 247 с.

29. Гончарова, О.А. Некоторые вопросы осуществления социальной политики в Горном Алтае в 20-30-е гг. / О.А. Гончарова // Вопросы истории. Вып. 1. – Горно-Алтайск, 1996. – С. 60-70.

30. Гончарова, О.А. Социальные процессы в Горном Алтае и их влияние на политику культурных преобразований в 1920-1930-е гг. / О.А. Гончарова, Т.В. Захарова, А.Н. Колташев // Этносоциальные проблемы регионов Сибири. – Вып. 18. – 2013. – С. 6-14.

31. Гончарова, О.А. Социокультурные преобразования в Горном Алтае в 1920-1930-е гг. Условия, пути, особенности / О.А. Гончарова, Т.В. Захарова, Т.С. Пустогачева, Т.В. Анкудинова, А.Н. Колташев, Ю.Б. Костякова. – LAP LAMBERT Academic Publishing, 2014. – 148 с.

32. Горбунов, В.В. Ленинская концепция культурной революции (к вопросу о методе исследования) / В.В. Горбунов // Советская культура. История и современность. – М., 1983. – С. 100-128.

33. Горбунов, В.В. Ленин и пролеткульт / В.В. Горбунов. – М., 1974.

34. Гордиенко, П.Я. Ойротия / П.Я. Гордиенко. – Горно-Алтайск: Издательство «Ак-Чечек», 1994. – 141 с.
35. Горный Алтай: историография истории социального развития первой половины XX века / под ред. О.А. Гончаровой. – Горно-Алтайск: РИО ГАГУ, 2008. – 93 с.
36. Горный Алтай: история социального развития первой половины XX века / под ред. О.А. Гончаровой. – Горно-Алтайск: РИО ГАГУ, 2007. – 346 с.
37. Горный Алтай: источники по истории социального развития первой половины XX века / под ред. О.А. Гончаровой. – Горно-Алтайск: РИО ГАГУ, 2009. – 108 с.
38. Градскова, Ю.В. «Раскрепощение националки» - социально-культурная политика советской власти в отношении женщин этнических меньшинств (на примере Волго-Уральского региона в 1920-е годы) / Ю.В. Градскова // Журнал исследований социальной политики. – 2011. – Т. 9. - № 1. – С. 45-58.
39. Гужавина, Т.А. Формирование профессионального театра в Горном Алтае / Т.А. Гужавина // Из опыта работы преподавателей республиканского классического лицея: сборник статей. – Горно-Алтайск, 2004. – С. 4.
40. Давыдова, Л.А. Горно-Алтайский областной краеведческий музей / Л.А. Давыдова // Ученые записки ГАНИИИЯЛ. Вып. 5. – Горно-Алтайск: Горно-Алтайское книжное издательство, 1962. – С. 93-97.
41. Данилин, А. Опыт работы с национальной ойротской песней / А. Данилин // Советская музыка. – 1936. - № 12. – С. 12.
42. Демидов, В.А. Боевая молодость. Из истории комсомола Горного Алтая (1920-1940 гг.) / В.А. Демидов. – Горно-Алтайск: Горно-Алтайское книжное издательство, 1963. – 125 с.
43. Демидов, В.А. К социализму, минуя капитализм. Очерк социалистического строительства в Горно-Алтайской автономной области / В.А. Демидов. – Новосибирск: Наука, 1970. – 223 с.
44. Демидов, В.А. От Каракорума к автономии / В.А. Демидов. – Новосибирск: Издательство Новосибирского государственного университета, 1996. - 154 с.
45. Демидов, В.А. Переход алтайцев на оседлость / В.А. Демидов. – Барнаул: Алтайское книжное издательство, 1968. – 102 с.
46. Денчик, Н.П. Особенности культуры и быта алтайской деревни в 20-е гг. XX в. / Н.П. Денчик // Алтайская деревня: история, со-

временное состояние, перспективы развития. - Горно-Алтайск: РИО «Универ-Принт», 2004. - С. 58-64.

47. Денчик, Н.П. Хозяйственное состояние алтайской деревни накануне коллективизации (1922-1926 гг.) / Н.П. Денчик // Вестник Томского государственного университета. Бюллетень оперативной информации «История и культура коренных народов Саяно-Алтая». - 2006. - № 95. Ноябрь. - С. 69-76.

48. Дианов, А.Г. Влияние продналоговых кампаний 1921-1922 гг. на сельское хозяйство Алтайской губернии в освещении сибирской рабоче-крестьянской инспекции / А.Г. Дианов // Актуальные вопросы истории Сибири: шестые научные чтения памяти профессора А.П. Бородавкина: сборник научных трудов: в 2 ч. Ч.2 / под ред. В.А. Скубневского, Ю.М. Гончарова. - Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2007. - С. 137-141.

49. Добрянский, В.Н. Ойратка / В.Н. Добрянский. – М.: Издательство «Охрана материнства и младенчества», 1927. – 48 с.

50. Долидович, О.М. Становление системы социального обеспечения под руководством А.М. Коллонтай: от сферы приватной в Российской империи к пространству публичного в советской России (12 ноября 1917 года – 11 марта 1918 года) / О.М. Долидович, Т.А. Катцина // Журнал исследований социальной политики. – 2011. – Т.9. - № 2. – С. 255-276.

51. Доржеева, В.В. Влияние социально-экономических преобразований советского периода на положение женщин коренных малочисленных народов Северо-Востока России в 1920-1940-е гг. / В.В. Доржеева // Вестник Бурятского государственного университета. Вып. 7. Серия: история. – 2011. - С. 83-86.

52. Доржеева, В.В. Изменение социального статуса женщин коренных малочисленных народов Северо-Востока России в 1917-1930 гг. / В.В. Доржеева // Северо-Восточный научный журнал. – 2010. – № 1(5). – С. 39-45.

53. Доржеева, В.В. Изменения в положении женщин коренных малочисленных народов Северо-Востока России (нач. XX- конец XX в.): автореф. ...доктора ист.наук / В.В. Доржеева. – Улан-Удэ, 2013. – 51 с.

54. Дружинина, Е.И. К истории культурного возрождения алтайцев / Е.И. Дружинина // Советская культура. 70 лет развития. - М., 1987. – С. 336-338.

55. Екеев, Н.В. Население Горного Алтая в 1920-х годах (по материалам Всесоюзной переписи населения 1926 г.) / Н.В. Екеев // Вопросы археологии и этнографии Горного Алтая. - Горно-Алтайск, 1983. - С. 174-202.

56. Екеев, Н.В. Социально-экономическое развитие деревни Горного Алтая в 1920-х годах / Н.В. Екеев. - Горно-Алтайск: Горно-Алтайское отделение Алтайского книжного издательства, 1988. - 206 с.

57. Екеева, Н.М. Горный Алтай в 1921 – 1929 гг. / Н.М. Екеева // История Горного Алтая. Часть 2. Горный Алтай в 1917-1940 гг. - Горно-Алтайск, 1995. - С. 102.

58. Екеева, Н.М. Организационно-политическое укрепление Советов Горного Алтая в 1922-1927 гг. / Н.М. Екеева // Вопросы истории Горного Алтая. – Горно-Алтайск, 1986. – С. 79-101.

59. Еркинова, Р.М. К истории формирования фонда Гуркина в музее / Р.М. Еркинова // Возвращение: сборник докладов и сообщений научно-практической конференции «Чорос-Гуркин и современность». - Горно-Алтайск: Издательство «Катунь», 1993. - С. 199-217.

60. Еркинова, Р.М. Музей вчера, сегодня, завтра: страницы истории / Р.М. Еркинова // Звезда Алтая. – 1991. – 23 мая.

61. Забелина, Г.А. Политическое и правовое положение женщины-тувинки в период тувинской народной республики / Г.А. Забелина // Горный Алтай. Исторический сборник. Вып. 12. - Горно-Алтайск - Бийск: РИО ГАГУ, 2008. - С. 33-39.

62. Забелина, Г.А. Женщина-тувинка 1921-1944 гг.: ее общественно-политическое и правовое положение / Г.А. Забелина // Горный Алтай. Исторический сборник. Вып. 13. – Горно-Алтайск, 2009. – С. 67-75.

63. Захарова, Н. Национальная гордость Алтая: к 135-летию со дня рождения Г.И. Чорос-Гуркина / Н. Захарова // Истоки. – 2005. – 26 февраля.

64. Захарова, Т.В. Вовлечение женщин Горного Алтая в систему общественно-политической и культурно-просветительной работы в 1920-е годы / Т.В. Захарова // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. - Тамбов: Грамота. - 2011. - № 3(9): в 3-х ч. - Ч. 2. - С. 64-68.

65. Захарова, Т.В. Государственная жилищная политика в Горном Алтае в 1920-1930-е гг. / Т.В. Захарова // Вестник Томского государственного университета. Серия «История». - 2011. - № 1(13). - С. 53-57.

66. Захарова, Т.В. Государственная продовольственная политика в Горном Алтае в 1920-е гг. / Т.В. Захарова // Иркутский историко-экономический ежегодник: 2011. - Иркутск, 2011. - С. 152-157.

67. Захарова, Т.В. Делегатские собрания как форма решения «женского вопроса» в Горном Алтае в 1920-е гг. / Т.В. Захарова // Горный Алтай. Исторический сборник. - Вып. 15. - Горно-Алтайск-Бийск, 2011. - С. 49-58.

68. Захарова, Т.В. Жилищная политика в Горном Алтае в первые десятилетия советской власти / Т.В. Захарова // Мир Евразии. - 2011. - №4. - С. 22-26.

69. Захарова, Т.В. Жилищная «проблема» в Горном Алтае в 20-30-е гг. XX в. / Т.В. Захарова // Этносоциальные проблемы регионов Сибири. - Вып. 15. - Горно-Алтайск, 2010. - С. 19-23.

70. Захарова, Т.В. Из истории становления советской культуры в Горном Алтае / Т.В. Захарова // Мир Евразии. - 2009. - № 3. - С. 37-45.

71. Захарова, Т.В. Изменение системы традиционного жизнеобеспечения населения Горного Алтая в условиях советской продовольственной политики 1920-х гг. / Т.В. Захарова // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. - Тамбов: Грамота. - 2011. - № 5(11): в 3-х ч. - Ч. 2. - С. 87-91.

72. Захарова, Т.В. Изменение традиционного образа жизни женщин-алтаек в условиях социальных преобразований 1920-х гг. / Т.В. Захарова // Исторический вестник. - №5. - Горно-Алтайск, 2011. - С. 28-35.

73. Захарова, Т.В. К вопросу о развитии периодической печати в Горном Алтае в первые десятилетия советской власти / Т.В. Захарова // Мир Евразии. - 2010. - № 2. - С. 53-55.

74. Захарова, Т.В. Особенности культурного строительства в Горном Алтае в 1920-е гг. / Т.В. Захарова // Этносоциальные проблемы регионов Сибири. – Вып. 20. – 2014. – С. 34-45.

75. Захарова, Т.В. Просветительская работа в Горном Алтае в начале 20-х гг. XX вв. / Т.В. Захарова // Российская история XX – начала XXI вв.: социально-экономические, общественно-политические, культурологические аспекты исследования: материалы Всероссийской научно-практической конференции. Орехово-Зуево, 27-28 ноября, МГОГИ, 2009. – С. 289-298.

76. Захарова, Т.В. Реализация в Горном Алтае основных принципов советской социальной политики / Т.В. Захарова // История и культура народов Юго-Западной Сибири и сопредельных регионов (Казахстан, Монголия, Китай): материалы международной научно-практической конференции. Горно-Алтайск, 31 мая-1 июня 2012 г. - Горно-Алтайск, 2012. - С. 26-31.
77. Захарова, Т.В. Социальные преобразования в Горном Алтае в 1920 – 1930-е гг. / Т.В. Захарова. - Горно-Алтайск, 2008. - 162 с.
78. Захарова, Т.В. Становление культурного облика Горного Алтая в начале XX в.: от научной коллекции к краеведческому музею / Т.В. Захарова // Этносоциальные проблемы регионов Сибири. - Горно-Алтайск, 2009. - С. 31-39.
79. Зезина, М.Р. История русской культуры / М.Р. Зезина, Л.В. Кошман, В.С. Шульгин. – М.: Высшая школа, 1990. – 432 с.
80. Зяблицева, С.В. Формирование и развитие социально-культурной сферы Западной Сибири (начало 1920-х-середина 1950-х гг.): автореф...доктора ист.наук / С.В. Зяблицева. – Кемерово, 2012. – 53 с.
81. Иркитова, А.А. Шебалинский район: история, события, люди / А.А. Иркитова, В.И. Соенов, С.И. Яжанкина. – Горно-Алтайск: ОАО «Горно-Алтайская типография», 2006. – 220 с.
82. История алтайской литературы в 2-х книгах. Книга 1 / под ред. Р.А. Палкина. – Горно-Алтайск: ГУП «Горно-Алтайская республиканская типография», 2004.
83. История Горного Алтая: учебное пособие. – Горно-Алтайск: РИО ГАГУ, 2014. – 480 с.
84. История Горного Алтая. В 3 т. Т. 2 (1900-1945 гг.) / под ред. Н.М. Екеевой, Н.Ф. Иванцовой. – Бийск, 2000. – 223 с.
85. Калиновская, К.П. Традиционный образ жизни населения Горного Алтая и социалистические преобразования в хозяйстве, культуре и быте / К.П. Калиновская, Г. Марков // Вестник МГУ. Сер. 8. История. - 1987. - № 2. - С. 67-75.
86. Карпицкая, А. Женщина в социалистическом строительстве / А. Карпицкая. – Л.: Лениздат, 1937. – 72 с.
87. Каташев, М.С. Развитие промышленности Горного Алтая в годы первой пятилетки (1928-1933 гг.) / М.С. Каташев // История и культура народов Юго-Западной Сибири и сопредельных регионов (Казахстан, Монголия, Китай), Горно-Алтайск, 25-26 мая 2010. - Горно-Алтайск: РИО ГАГУ, 2010. - С. 116-121.

88. Киндикова, Н.М. К вопросу о периодизации алтайской литературы / Н.М. Киндикова // Проблемы изучения истории и культуры Алтая и сопредельных территорий. Материалы конференции, посвященной 40-летию ГАНИИИЯЛ / под ред. Я.А. Пустогачева, А.С. Суразакова. – Горно-Алтайск: Изд-во Горно-Алтайской типографии, 1992. – С. 162-164.

89. Кирясов, В. На «короткой» волне (о работе радиовещания в Горном Алтае) / В. Кирясов // Алтайская правда. – 1968. – 9 июня.

90. Киселев, Н.М. Ленинская национальная политика в действии / Н.М. Киселев // 40 лет Советскому Горному Алтаю. - Горно-Алтайск, 1957. - С. 3-20.

91. Киселев, Н.М. Экономические преобразования в Горном Алтае за годы советской власти / Н.М. Киселев // Об изучении и развитии производительных сил Горного Алтая (материалы к первой научной конференции ОНИИ). - Горно-Алтайск: Алтайское книжное издательство, 1961. - С. 259-269.

92. Козлов, В.А. Культурная революция и крестьянство. 1921-1927 (по материалам Европейской части РСФСР) / В.А. Козлов. – М.: Наука, 1983. – 185 с.

93. Коновалов, А.В. Казахи Южного Алтая (Проблемы формирования этнической группы) / А.В. Коновалов. - Алма-Ата: Наука, 1986. – 168 с.

94. Коновалов, А.В. У Кош-Агачских казахов через 50 лет / А.В. Коновалов, В.П. Курылев // Этнографические аспекты изучения современности. - Л.: Наука, 1980. - С. 165-175.

95. Кордонский, Г.А. Борьба за власть Советов на Алтае в 1917-1919 гг. / Г.А. Кордонский. - М., 1959.

96. Кордонский, Г.А. Первые советы в Горном Алтае / Г.А. Кордонский // 40 лет Советскому Горному Алтаю. - Горно-Алтайск, 1957. - С. 46-66.

97. Коробков, Н. Социалистические преобразования на Алтае / Н. Коробков. – Барнаул: Алтайское краевое издательство, 1948. – 24 с.

98. Косых, Е.Н. Периодика Алтая первых десятилетий XX века / Е.Н. Косых // Социальные проблемы национальных регионов Сибири в XX веке: материалы очно-заочной межрегиональной научной конференции. Горно-Алтайск, апрель-октябрь 2005 г. - Горно-Алтайск: РИО ГАГУ, 2006. - С. 4-6.

99. Культурная жизнь в СССР. 1928-1941 гг. Хроника / сост. С.Н. Базанов, Н.П. Жилина, В.А. Козлов, И.И. Попов, М.А. Сулова, И.К. Эльдарова, Г.Р. Юрине. – М.: Наука, 1976. – 815 с.
100. Культурное развитие советской сибирской деревни. – Новосибирск: Наука, 1980. – 385 с.
101. Культурные традиции народов Сибири / отв. ред. Ч.М. Таксами. – Л.: Наука, 1986. – 260 с.
102. Кумандин, С. Драматический кружок / С. Кумандин // Ойротский край. – 1926. – 10 ноября.
103. Кыдрашев, Ч. Культурные преобразования в Горном Алтае / Ч. Кыдрашев // Великая дружба. - Горно-Алтайск, 1956. - С. 61-78.
104. Липинская, В.А. Русское население Алтайского края. Народные традиции в материальной культуре (XVIII-XX вв.) / В.А. Липинская. – М.: Наука, 1987. – 224 с.
105. Лудиков, И. С кинопередвижкой по деревне / И. Лудиков // Ойротский край. – 1927. – 19 февраля.
106. Майчиков, О. Первопроходец: к 125-летию со дня рождения / О. Майчиков // Звезда Алтая. – 1994. – 14 октября.
107. Макошев, А.П. Социально-экономическое положение алтайцев низкогорья республики Алтай / А.П. Макошев // Горный Алтай и Россия. 240 лет. Материалы к научно-практической конференции «240 лет добровольного вхождения алтайского народа в состав Российского государства и современность». Ч. 1. - Горно-Алтайск, 1996. - С. 18-21.
108. Малахова, Л.П. Массовые библиотеки Западной Сибири в 1920-1930-е гг. на службе у государства / Л.П. Малахова // Вестник Томского государственного университета. - 2008. - № 310. - С. 74-78.
109. Мамаева, С.Я. Становление и развитие регулярного радиовещания в Горном Алтае (20-60 гг. XX в.) / С.Я. Мамаева // Мир Евразии. - 2009. - № 3. - С. 49-52.
110. Мамет, Л.П. Ойротия. Очерк национально-освободительного движения и гражданской войны на Горном Алтае / Л.П. Мамет. – Горно-Алтайск: Издательство «Ак-Чечек», 1994. – 181 с.
111. Маточкин, Е.П. Алтай: истоки художественно-поэтического мышления / Е.П. Маточкин // История алтайской литературы. – Горно-Алтайск, 2004. – Кн. 1. – С. 17.
112. Маточкин, Е.П. К истории изучения современного изобразительного искусства / Е.П. Маточкин // Проблемы изучения истории

и культуры Алтая и сопредельных территорий. Материалы конференции, посвященной 40-летию ГАНИИИЯЛ / под ред. Я.А. Пустогачева, А.С. Суразакова. - Горно-Алтайск, 1992. - С. 152-155.

113. Маточкин, Е.П. Мечты, ожидания и трагедия художника Николая Чевалкова / Е.П. Маточкин // PS. – 2003. – 30 января.

114. Маточкин, Е.П. Традиционные образы в народном искусстве Горного Алтая / Е.П. Маточкин // Проблемы этнологии и этнопедагогики: материалы международной научно-практической конференции. Вып. 8. – Новосибирск: Издательство НГПУ, 1999. – С. 66-67.

115. Медведев, И.Ф. Промышленное развитие Горного Алтая в XX веке / И.Ф. Медведев. – Горно-Алтайск: РИО ГАГУ, 2008. – 210 с.

116. Медведев, И.Ф. Своеобразие и специфические особенности становления промышленного развития Республики Алтай / И.Ф. Медведев // Исторический вестник. Вып. 1. - Горно-Алтайск: РИО ГАГУ, 2007. - С. 65-69.

117. Меерович, М.Г. Наказание жилищем: жилищная политика в СССР как средство управления людьми (1917-1937 годы) / М.Г. Меерович. – М.: РОССПЭН, 2008. – 303 с.

118. Меерович, М.Г. Социально-культурные основы осуществления государственной жилищной политики в СССР (1917-1941 гг.): дисс...доктора ист.наук / М.Г. Меерович. – Иркутск, 2004. – 659 с.

119. Менкушев, В.А. Национальная по форме, социалистическая по содержанию культура алтайского народа / В.А. Менкушев // Сборник лекций к 25-летию Ойротской автономной области. - Ойрот-Тура, 1947. - С. 55-81.

120. Модоров, Н.С. История и культура Горного Алтая: учебное пособие / Н.С. Модоров. – Горно-Алтайск, 1992. – 149 с.

121. Музыкальная культура и искусство Республики Алтай: библиографический указатель / сост. Л. Баштыкова, Л. Инеева. – Горно-Алтайск: АКИН, 1996. – 144 с.

122. Новоженюк, В.М. Материалы по истории женского труда в Горном Алтае / В.М. Новоженюк // Вопросы истории Горного Алтая. – Барнаул: Издательство БГПУ, 1978. – С. 83-89.

123. Номогоева, В.В. Исторический опыт социально-культурной модернизации национальных районов Восточной Сибири в 1920-1930-е гг. (на материалах Республики Бурятия): автореф. дисс...доктора ист.наук / В.В. Номогоева. – Улан-Удэ, 2011. – 46 с.

124. Об организации культурно-массовой работы. – Улала, 1928. – 19 с.

125. Олех, Л.Г. История Сибири / Л.Г. Олех. - М.: Сибирское соглашение, 2001. - 313 с.
126. Орлов, В.В. Голод 1920-х годов в Чувашии: причины и последствия / В.В. Орлов // Отечественная история. – 2008. - № 1. – С. 106-117.
127. Орлов, И.Б. Советская повседневность: исторический и социологический аспекты становления / И.Б. Орлов. - М., 2008. - 230 с.
128. Отдавший жизнь...к 135-летию А.В. Анохина // Сельская новь. – 2004. – 13 октября.
129. Папина, О.В. Женщины в социальном и культурном строительстве в 1920 – начале 1930-х гг. / О.В. Папина // Актуальные проблемы истории и культуры Саяно-Алтая. Вып. 7. - Абакан, 2006. - С. 76-80.
130. Папина, О.В. Роль женщин в социальном и культурном развитии Хакасии в 1923-1941 гг.: автореф....канд.ист.наук / О.В. Папина. - Улан-Удэ, 2008. - 19 с.
131. Пахаев, С.Я. К вопросу о завершении социалистического переустройства быта животноводов / С.Я. Пахаев // Записки Горно-Алтайского научно-исследовательского института истории, языка и литературы. Вып. 6. - Горно-Алтайск, 1964. - С. 17-35.
132. Пинегина, Л.А. Советский рабочий класс и художественная культура / Л.А. Пинегина. – М., 1984. – 240 с.
133. Плеханова, А.М. Исторический опыт социально-экономической модернизации национальных районов Восточной Сибири в 1920-е гг. (на материалах Республики Бурятия): автореф. дисс...доктора ист.наук / А.М. Плеханова. - Улан-Удэ, 2011. - 49 с.
134. Познанский, В.С. Социальные катаклизмы в Сибири: голод и эпидемии в 20-30-е годы XX в. / В.С. Познанский. – Новосибирск: Издательство СО РАН, 2007. – 307 с.
135. Поляков, Ю.А. 1921-й: победа над голодом / Ю.А. Поляков. – М.: Издательство политической литературы, 1975. – 112 с.
136. Попова, Н. Алтай и Анохин – неделимое целое / Н. Попова // Звезда Алтая. – 2002. – 21 ноября.
137. Потапов, Л.П. Из истории национально-культурного строительства у алтайцев / Л.П. Потапов // Ученые записки. Вып. 10 / под ред. Г.А. Кордонского, Е.Г. Мултуевой. - Горно-Алтайск, 1971. - С. 31-37.

138. Потапов, Л.П. Краткий очерк культуры и быта алтайцев / Л.П. Потапов. - Горно-Алтайск, 1948. - 64 с.
139. Потапов, Л.П. Одежда алтайцев / Л.П. Потапов // Сборник музея антропологии и этнографии. Т. 12. - Л., 1951. - С. 5-59.
140. Потапов, Л.П. Очерк истории Ойротии. Алтайцы в период русской колонизации / Л.П. Потапов. - Новосибирск, 1933. - 202 с.
141. Потапов, Л.П. Очерк социалистического строительства у алтайцев в период коллективизации / Л.П. Потапов. - Горно-Алтайск: Горно-Алтайское книжное издательство, 1961. - 84 с.
142. Потапов, Л.П. Очерки по истории алтайцев / Л.П. Потапов. - Новосибирск: Новосибирское областное государственное издательство, 1948. - 504 с.
143. Потапов, Л.П. Очерки по истории алтайцев / Л.П. Потапов. - М.-Л.: Издательство Академии Наук СССР, 1953. - 442 с.
144. Пузынин, А.В. Развитие газетной периодической печати на территории современной Кемеровской области в 20-е гг. XX в. / А.В. Пузынин // Известия Алтайского государственного университета. - 2008. - № 4. Т. 4. - С. 164-167.
145. Пустогачева, Т.С. История развития печати Горного Алтая в 1920-1950-е годы / Т.С. Пустогачева, О.Ю. Черемнова // Исторический вестник. Вып. 3. - Горно-Алтайск: РИО ГАГУ, 2009. - С. 112-117.
146. Реховская, Т.А. Обеспечение продовольственной безопасности сельского населения Западной Сибири в первой половине 20-х гг. XX в. / Т.А. Реховская // Известия Алтайского государственного университета. - 2008. - № 4. Т. 4. - С. 168-172.
147. Реховская, Т.А. Факторы, влиявшие на питание населения Западной Сибири в начале 20-х гг. XX в. / Т.А. Реховская // Актуальные вопросы истории Сибири: шестые научные чтения памяти профессора А.П. Бородавкина: сборник научных трудов: в 2 ч. Ч.2 / под ред. В.А. Скубневского, Ю.М. Гончарова. - Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2007. - С. 42-45.
148. Рыжкин, И. О музыкальной культуре Ойротии / И. Рыжкин // Советская музыка. - 1936. - № 12. - С. 7-8.
149. Рыжкин, И. Пример народам Азии / И. Рыжкин, В. Мурадели, Н. Раков // Красная Ойротия. - 1936. - 18 октября.
150. Рябцева, И.А. Миграционное движение женского населения Западной Сибири в 20-30-е гг. XX в. / И.А. Рябцева // Мир Евразии. - 2008. - № 1. - С. 65-69.

151. Савенко, В.К. Из истории борьбы за хлеб в Алтайской губернии в первые годы после восстановления советской власти (1920-1922 гг.) / В.К. Савенко. – Барнаул: Типография № 1 Полиграфиздата, 1957. – 36 с.
152. Саруева, М.Ф. Горный Алтай за годы советской власти / М.Ф. Саруева // 40 лет Советскому Горному Алтаю. - Горно-Алтайск, 1957. - С. 67-112.
153. Саруханов, В.А. Агитбригада. Проблемы, рекомендации, сценарии / В.А. Саруханов. - М., 1989. - 288 с.
154. Сатлаев, Ф.А. Этно-демографическая характеристика населения Горного Алтая (XIX - первая четверть XX веков) / Ф.А. Сатлаев // Материалы по истории и этнографии Горного Алтая. - Горно-Алтайск, 1993. - С. 128-151.
155. Сибирь в 1923-1924 году / под ред. В.М. Лаврова. – Ново-николаевск: Издание Сибревкома, 1925. – 267 с.
156. Сикорский, Е.А. «Хлебная монополия» большевиков как метод насаждения в России тоталитарного режима (1918-1920 годы) / Е.А. Сикорский // Известия Смоленского государственного университета. – 2009. – Т. 3. – С. 192-202.
157. Советская культура в реконструктивный период. 1928-1941. – М., 1988. – 608 с.
158. Советская культура: 70 лет развития / под ред. Б.Б. Пиотровского. – М.: Наука, 1987. – 398 с.
159. Соскин, В.Л. Культурная жизнь Сибири в первые годы НЭПа (1921-1923 гг.) / В.Л. Соскин. – Новосибирск: Наука, 1971. – 350 с.
160. Соскин, В.Л. Партийное руководство развитием художественной культуры Сибири (1917-1928 гг.) / В.Л. Соскин, В.П. Буторина, А.Л. Посадков // Художественная культура и интеллигенция Сибири (1917-1945 гг.). – Новосибирск: Наука, 1984. – С. 3-42.
161. Соскин, В.Л. Российская советская культура (1917-1927 гг.): Очерки социальной истории / В.Л. Соскин. – Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2004. – 455 с.
162. Соскина, А.Н. История социальных обследований сибирской деревни в 20-е годы / А.Н. Соскина. – Новосибирск: Наука, 1976. – 286 с.

163. Софронов, В.Г. Очерки истории Майминского района / В.Г. Софронов. – Майма: ГУП «Горно-Алтайская республиканская типография», 2004. – 126 с.
164. Социальная история Горного Алтая: учебник для ВУЗов. Ч. 1. / под ред. О.А. Гончаровой. – Горно-Алтайск: РИО ГАГУ, 2007. – 305 с.
165. Социальная история Горного Алтая в документах и материалах. – Горно-Алтайск: РИО ГАГУ, 2010. – 112 с.
166. Социальная политика Советского государства / под ред. В.З. Дробижева. - М.: Наука, 1985. - 333 с.
167. Тарбанакова, С.Н. Народные истоки алтайского национального театра / С.Н. Тарбанакова // Алтайский фольклор и литература. – Горно-Алтайск, 1982. – 111 с.
168. Тарбанакова, С.Н. Некоторые закономерности формирования профессионального театра у народов Южной Сибири / С.Н. Тарбанакова // Проблемы изучения истории и культуры Алтая и сопредельных территорий. Материалы конференции, посвященной 40-летию ГАНИИИЯЛ. - Горно-Алтайск: Издательство Горно-Алтайской типографии, 1992. - С. 155-157.
169. Тарбанакова, С.Н. Пути развития театров Южной Сибири / С.Н. Тарбанакова. – Горно-Алтайск: «Горно-Алтайская типография», 1994. – 180 с.
170. Тарбанакова, С.Н. Формирование и становление алтайской драматургии / С.Н. Тарбанакова // История и современность: сборник статей об алтайской литературе. – Горно-Алтайск, 1993. – С. 89-132.
171. Тимофеева, Ф.М. Деятельность Горно-Алтайской партийной организации по осуществлению культурного строительства в области (1920-1937 гг.): автореф...канд.ист.наук / Ф.М. Тимофеева. - Томск, 1966. - 23 с.
172. Торусhev, Э.Г. Уровень жизни сельского населения Горного Алтая с периода новой экономической политики до 1940 г. / Э.Г. Торусhev // Этносоциальные проблемы регионов Сибири. Вып. 15. - Горно-Алтайск: РИО ГАГУ, 2010. - С. 89-100.
173. Тошaкова, Е.М. Женщина в обществе и семье у современных алтайцев / Е.М. Тошaкова. - Новосибирск, 1978. - 112 с.
174. Тошaкова, Е.М. Заметки о современном семейном быте у алтайцев / Е.М. Тошaкова // Этнография народов Алтая и Западной Сибири. – Новосибирск: Наука, 1978. - С. 65-69.

175. Тошакова, Е.М. Начало культурной революции у алтайцев (1920-1922 гг.) / Е.М. Тошакова // Вопросы археологии и этнографии Горного Алтая. - Горно-Алтайск, 1983. - С. 11-112.

176. Тошакова, Е.М. Традиционные черты народной культуры алтайцев (XIX-начало XX в.) / Е.М. Тошакова. – Новосибирск: Наука, 1978. - 157 с.

177. Традиционные обряды и искусство русского и коренных народов Сибири / под ред. Л.М. Русаковой, Н.А. Миненко. - Новосибирск, 1987. - 192 с.

178. Турочакский район: очерки истории, воспоминания, современность / сост. Н.А. Майдунова. – Горно-Алтайск: ОАО «Горно-Алтайская типография», 2009. – 256 с.

179. Угрюмов, В.П. Сельский кинемеханик / В.П. Угрюмов. – Горно-Алтайск: Горно-Алтайское книжное издательство, 1958. – 16 с.

180. Улала, Ойрот-Тура, Горно-Алтайск. Страницы истории / под ред. А.В. Эдокова. – Горно-Алтайск, 1997. – 187 с.

181. Фогель, Я.М. Социальное обслуживание инвалидов / Я.М. Фогель. – М.: Юридическая литература, 1986. – 176 с.

182. Фролова, И.Д. Факторы модернизации традиционного питания северных и южных алтайцев с конца XVIII по начало XXI века / И.Д. Фролова // Известия Алтайского государственного университета. - 2007. - № 4. Т. 3. - С. 192-195.

183. Хохолков, В.В. Анохин А.В. / В.В. Хохолков // Кан-Алтай. – 1996. - № 3.

184. Хохолков, В.В. Живая музыка в легендах: к 125-летию со дня рождения А. Анохина / В.В. Хохолков // Алтайская правда. – 1994. – 22 ноября.

185. Хохолков, В.В. Подвижник Сибири и Алтая: о жизни и творчестве А.В. Анохина / В.В. Хохолков // Алтай-Телекей – Мир Алтая. – 2006. - № 3. – С. 84-94.

186. Хохолков, В.В. Премьера. К 70-летию вечеров алтайской музыки / В.В. Хохолков // Звезда Алтая. – 1993. – 1 апреля.

187. Хохолков, В.В. Учитель пения, этнограф: к 135-летию А.В. Анохина / В.В. Хохолков // Педагогический вестник. – 2004. - № 8.

188. Хроника художественной жизни Горного Алтая. 1903-1990 // Художники Горного Алтая. Библиографический справочник / сост. Л.Т. Баштыкова. – Горно-Алтайск, 1992. – 100 с.

189. Художественная культура и интеллигенция Сибири (1917-1945 гг.) / под ред. В.Л. Соскина. – Новосибирск: Наука, 1984. – 208 с.

190. Черемнова, О.Ю. Анализ содержания периодической печати Горного Алтая в 20-30-е гг. XX в. (на примере газеты «Ойротский край») / О.Ю. Черемнова // Исторический вестник. № 5. – Горно-Алтайск: РИО ГАГУ, 2011. – С. 92-96.
191. Чойская летопись. Люди, события, факты. – Горно-Алтайск: ГУП «Горно-Алтайская республиканская типография», 2005. – 372 с.
192. Шалугина, И.Б. Социальное обеспечение в РСФСР в 20-е годы: автореф. дис...канд.ист.наук / И.Б. Шалугина. – М., 1990. – 22 с.
193. Шарабура, Л.Н. Так начинался театр: страницы истории / Л.Н. Шарабура // Звезда Алтая. – 1996. – 22 июля.
194. Шарабура, Л.Н. Театральные истоки / Л.Н. Шарабура // Кан-Алтай. – 1996. – № 2. – С. 44-45.
195. Шарапов, Ю.П. В.И. Ленин и становление советской культуры / Ю.П. Шарапов // История СССР. - 1985. - № 2. – С. 15-29.
196. Шатинова, Н.И. А.В. Анохин – этнограф и фольклорист / Н.И. Шатинова // Алтайский фольклор и литература. – Горно-Алтайск, 1982. – С. 103-110.
197. Шевченко, Л.А. Деятельность женских организаций в системе советского общества в 1920-е гг. (на материалах Иркутской губернии) / Л.А. Шевченко // Вестник Томского государственного университета. История. – 2011. - № 2(14). – С. 120-123.
198. Шейкин, Ю.И. История музыкальной культуры народов Сибири: сравнительно-историческое исследование / Ю.И. Шейкин. – М.: Восточная литература, 2002. – 718 с.
199. Шипилова, Н.А. Западносибирская кооперация в период НЭПа / Н.А. Шипилова // Алтайская деревня: история, современное состояние, перспективы развития. - Горно-Алтайск: РИО «Универ-Принт», 2004. - С. 108-111.
200. Штанакова, Н.Р. Делегатские собрания и общественно-политическая активность женщин // Актуальные вопросы истории Сибири. Третьи научные чтения памяти профессора А.П. Бородавкина: Материалы Всероссийской конференции / Н.Р. Штанакова / под ред. Ю.Ф. Кирюшина, В.А. Скубневского. – Барнаул: Изд-во Алт. унта, 2002. - С. 271-275.
201. Штанакова, Н.Р. Повышение культурного уровня населения Горного Алтая в 20-е гг. XX в. / Н.Р. Штанакова // История и культура народов Юго-Западной Сибири и сопредельных регионов (Казахстан, Монголия, Китай), Горно-Алтайск, 25-26 мая 2010. - Горно-Алтайск: РИО ГАГУ, 2010. - С. 150-153.

202. Шульгин, Б.М. О музыкальной культуре алтайцев / Б.М. Шульгин. – Горно-Алтайск: Горно-Алтайская типография, 1968. – 87 с.
203. Щеглова, Т.К. Деревня и крестьянство Алтайского края в XX веке. Устная история / Т.К. Щеглова. – Барнаул: БГПУ, 2008. – 528 с.
204. Эдоков, А.В. Истоки изобразительного искусства в Горном Алтае: о творчестве Г.И. Чорос-Гуркина и Н.И. Чевалкова / А.В. Эдоков // Алтай-Телекей – Мир Алтая. – 2006. – № 2. – С. 53-62.
205. Эдоков, А.В. Новые грани творчества Г.И. Чорос-Гуркина / А.В. Эдоков // Кан-Алтай. – 1996. - № 3. – С. 9-13.
206. Эдоков, В.И. Алтайское изобразительное искусство XX века (проблемы изучения) / В.И. Эдоков // Проблемы изучения истории и культуры Алтая и сопредельных территорий: материалы конференции, посвященной 40-летию ГАНИИИЯЛ. – Горно-Алтайск: Издательство Горно-Алтайской типографии, 1992. – С. 148-152.
207. Эдоков, В.И. Возвращение мастера / В.И. Эдоков. – Горно-Алтайск: Издательство «Чаптыган», 1994. – 240 с.
208. Эдоков, В.И. Г.И. Гуркин. Очерк о жизни и творчестве / В.И. Эдоков. - Горно-Алтайск: Горно-Алтайское отделение Алтайского книжного издательства, 1967. - 117 с.
209. Эдоков, В.И. Г.И. Чорос-Гуркин (Судьба. Творчество) / В.И. Эдоков // Возвращение: сборник докладов и сообщений научно-практической конференции «Чорос-Гуркин и современность». – Горно-Алтайск: Издательство «Катунь», 1993. – С. 8-104.
210. Эдоков, В.И. Зарождение профессионального изобразительного искусства Горного Алтая (периодизация и источники изучения) / В.И. Эдоков // Ученые записки ГАНИИИЯЛ. Вып. 11. – Горно-Алтайск: Горно-Алтайское отделение Алтайского книжного издательства, 1974. – С. 45-50.
211. Эдоков, В.И. Мастер из Аноса / В.И. Эдоков. – Барнаул: Алтайское книжное издательство, 1984. – 71 с.
212. Эдоков, В.И. Н. Чевалков. Очерк о жизни и творчестве / В.И. Эдоков. – Горно-Алтайск: Горно-Алтайское отделение Алтайского книжного издательства, 1972. – 95 с.
213. Эдоков, В.И. Художник Н.И. Чевалков / В.И. Эдоков // Ученые записки ГАНИИИЯЛ. Вып. 9. – Горно-Алтайск: Горно-Алтайское отделение алтайского книжного издательства, 1970. – С. 101-111.

Хроника

ноябрь 1917 г. – образован Народный комиссариат государственного призрения (НКГП) под руководством А.М. Коллонтай.

апрель 1918 г. – НКГП переименован в Народный комиссариат социального обеспечения (НКСО).

16-21 ноября 1918 г. состоялся I Всероссийский съезд работниц.

1920 г. - в с. Улала создан краеведческий музей.

9 февраля 1920 г. в с. Улала открыта первая библиотека-читальня.

2 апреля 1920 г. образован Горно-Алтайский уездный революционный комитет. При нем созданы отделы управления, земельный, народного образования, труда и социального обеспечения, народного хозяйства, продовольствия и здравоохранения.

19 января 1921 г. открыта первая парикмахерская.

1921 г. - в с. Улала созвана I уездная женская конференция.

19 марта 1921 г. в Улале открыт Дом старости, принято на содержание 14 инвалидов гражданской войны.

июль 1921 г. – организована Центральная комиссия помощи голодающим при ВЦИК.

1 июня 1922 г. образована Ойротская автономная область.

1922 г. – в области состоялся I съезд ККОВ.

сентябрь 1922 г. – при ВЦИК организована Всероссийская центральная комиссия по борьбе с последствиями голода (ЦК Последгол) под председательством М.И. Калинина.

ноябрь 1922 г. – в Улале проведена I областная беспартийная женская конференция, в которой приняли участие 27 женщин.

6 декабря 1922 г. состоялась первая областная женская конференция.

1 августа 1923 г. ликвидирована Центральная комиссия по борьбе с последствиями голода при ВЦИК и ее местные органы.

7 августа 1923 г. образовано Улалинское бюро инвалидов артелей.

1924 г. - начала свою работу первая юрта-передвижка в составе пропагандиста, киномеханика и медика. В Улале началась электрификация.

май 1924 г. – состоялось II Сибирское областное совещание работников социального обеспечения в г. Новониколаевске.

декабрь 1924 г. – организован Ойротский областной комитет помощи инвалидам войны, больным и раненым красноармейцам.

январь 1925 г. – в СССР введено пенсионное обеспечение работников просвещения за выслугу лет. При ЦК РКП(б) проведено совещание волонтеров и низовых работников по работе среди женщин.

29-30 апреля 1925 г. в Москве состоялось Всероссийское совещание заведующих губернскими отделами социального обеспечения.

1 сентября 1925 г. в помещении опытно-показательной школы в с. Улала открылась выставка Ойротских художников.

20 сентября 1925 г. в помещении редакции газеты «Советская Сибирь» (г. Новосибирск) открылась персональная выставка картин Г.И. Чорос-Гуркина.

1925 г. – в с. Улала в школе II ступени открылась выставка художников Ойротии, посвященная областному съезду Советов. Организовано Всероссийское общество слепых.

24 сентября 1925 г. Бюро Ойротского обкома РКП(б) приняло постановление о создании в Кош-Агачском, Улаганском и Онгудайском районах кочующих агитаторов, как представителей партийных организаций по проведению массово-политической работы среди коренного населения.

ноябрь 1925 г. – в Горном Алтае впервые организовано кочевое делегатское собрание.

10 февраля 1926 г. для кочевников-алтайцев созданы 5 летних школ-передвижек. Вошло в практику проведение делегатских собраний для кочевого населения с учетом быта и запросов женщин-алтаек.

февраль 1926 г. в Москве созвано совещание Наркомов социального обеспечения союзных и автономных республик.

23 апреля 1926 г. создана комиссия по учету и трудоустройству безработных жителей Улалы.

1926 г. – организовано Всероссийское общество глухонемых. В Улале начато строительство Народного дома им. Ленина по проекту Н.И. Чевалкова.

17 июля 1927 г. начато строительство водопровода в Улале.

август 1927 г. - в с. Улала появились первые радиоточки.

ноябрь 1927 г. – при Ойротском областном исполнительном комитете организована Комиссия по улучшению условий труда и быта трудящихся женщин (КУТБ).

1927 г. – в СССР введены пенсии по старости. В Улале построена первая общественная баня с пропускной способностью 34 человека в час.

27 февраля 1928 г. с. Улала, центр Ойротской автономной области, преобразовано в город.

август 1928 г. – комсомольцами организован Всесоюзный культурный поход.

20-22 декабря 1928 г. состоялось областное совещание аймачных организаторов по работе среди женщин.

1928 г. - организован жилищно-строительный кооператив «Бэк-Тура».

1929 г. - создано кредитно-промышленное товарищество «Кусткред».

12 ноября 1929 г. на заседании президиума областного исполнительного комитета рассмотрен вопрос о строительстве в областном центре Дома инвалидов.

Научное издание

Т.В. ЗАХАРОВА

***ОЧЕРКИ
ПО СОЦИАЛЬНОЙ ИСТОРИИ ОЙРОТИИ
(1917-1929 гг.)***

Монография

Издательство Горно-Алтайского государственного университета
649000, г. Горно-Алтайск, ул. Ленкина, 1.

Подписано в печать 02.03.2015 г. Формат 60x84/16.
Бумага для множительных аппаратов. Печать ризо.
Печ. л. – 9,25. Тираж 50 экз.
Заказ № 87.

Отпечатано полиграфическим отделом
Горно-Алтайского госуниверситета
649000, г. Горно-Алтайск, ул. Ленкина, 1.